

Андрей Феликсович Величко
Канцлер империи

Кавказский принц – 4

«Канцлер империи»: Издательство АЛФА-КНИГА; Млсква; 2010
ISBN 978-5-9922-0722-4

Аннотация

Итак, позвольте представиться - Георгий Андреевич Найденов. Родился я в вашем мире и там дожил до пятидесяти пяти лет, став ведущим инженером в одном НИИ, заслуженным изобретателем СССР, средним мотогоонщиком, правда, один раз ухитрившимся взять второе место в кубке МФР, а под самый конец - довольно известным в Москве скутерным тюнингером дядей Жорой. Но все это было давно, полгода назад по вашему счету и восемь лет назад по моему... Теперь я в основном подвизаюсь в другом мире,

где к моменту моего появления шел 1899 год...

Андрей Величко Канцлер империи

Пролог

Итак, позвольте представиться — Георгий Андреевич Найденов. Родился я в вашем мире и там дожил до пятидесяти пяти лет, став ведущим инженером в одном НИИ, заслуженным изобретателем СССР, средним мотогонщиком, правда, один раз ухитрившимся взять первое место в кубке МФР, а под самый конец — довольно известным в Москве скутерным тюнингером дядей Жорой. Но все это было давно, полгода назад по вашему счету и восемь лет назад по моему... Теперь я в основном подвизаюсь в другом мире, где к моменту моего появления шел 1899 год. Начал я тамошнюю карьеру с того, что помешал помереть наследнику престола великому князю Георгию Александровичу, попутно сократив его имя до Гоши, потом некоторое время был инженером — даже не ведущим, а просто. Затем вдруг как-то незаметно для себя стал директором сразу нескольких заводов, но просидел там недолго, ибо пришлось податься в генералы. Будучи генералом, я самую малость повоевал на японской войне, в результате чего мир был заключен в начале июля 1904 года и на гораздо более выгодных условиях, чем у вас в августе 1905-го. Но тут так уж случилось, что царствующий себе помаленьку Николай Второй взял и помер, и на трон пришлось садиться Гоше.

Помер Николай в результате не моих действий, а английских, но явно в связи с моим появлением там — ибо где меня не было, то есть у вас, он был убит гораздо позже и совсем другими людьми, хоть и по инициативе тех же самых... Я даже пытался пару раз поспрашивать свою совесть — мол, как же быть, я вроде косвенная причина? Но в первый раз совесть была в отгулах по случаю окончания японской войны и не ответила, а во второй — с похмелья после празднования победы в Черногории, так что она просто грубо послала меня по непечатному адресу. Больше я ее такой ерундой не беспокоил, ибо хватало куда более серьезных поводов.

Да, так значит, на трон сел Гоша. Рядом примостилась его жена Её Величество Императрица Российская, еще какая-то, а в самом конце титула королева Курильская — Мария Первая, то есть моя племянница Машенька. А я потихоньку устроился работать канцлером — если кто не в курсе, это первый зам императора и второе лицо в империи. Ну вот и тружусь им уже почти четыре года... Так что добро пожаловать в Российскую Империю, год 1908, месяц апрель, двадцать седьмое число.

Глава 1

Сегодня было тезоименитство его величества, а также день рождения его сына и моего внучатого племянника Вовочки, но для меня этот день представлял интерес в основном гонкой «Большой Георгиевский Приз», которая должна была стартовать через четыре часа. Приз действительно был большим — миллион первому, сто тысяч второму и десять — третьему. Но я там собирался участвовать не целью подзаработать мелочь на карманные расходы, а из соображений престижа — то есть стать первым чемпионом. Все остальные будут уже потом и под номерами от двух и далее...

По дороге на трассу я заехал в кошкоприемный пункт — лично проверить, в каком виде туда приносят мелких хищников и как их потом содержат. Вообще-то мой комиссар уже проверял, но хотелось убедиться самому — действительно ли в человеческих условиях содержатся зверьки. Ибо если нет — затолкаю виновных в те самые клетки!

Но беспокоился я зря, хвостатые жили комфортно, а принимаемые явно были пойманы

без членовредительства. Вот как раз два пацана принесли еще одну... Я лично оценил — хорошая кошечка, пойдет по первой категории, то есть за рубль, и вот вам, ребята, еще рубль от канцлера за усердие. Спасибо, что откликнулись!

Дело в том, что вот уже две недели как любой мог сдать в приемный пункт кошку и получить от пятнадцати копеек до рубля, в зависимости от ее качества. А вот зачем они мне понадобились — это я расскажу чуть позже, после гонок.

Данные гонки были моей попыткой учинить в этом мире что-то наподобие Формулы 1. Трасса пока имела только одна, в Стрельне, но к следующим гонкам (а они будут проводиться по четным годам) свои трассы обещали сдать японцы и немцы. Ну и прочим это было не запрещено, но первый кубок будет разыгрываться в один этап.

Регламент был прост — транспорт допускался с любым количеством колес от одного до четырех, но с разными ограничениями. Для одноколесного болида было принято четыреста кубов объема и сто кило сухого веса, для двух — восемьсот кубов и двести кило, для трех — литр и полтонны, для четырех — полтора литра и восемьсот килограмм. Правда, в этой гонке собирались участвовать только агрегаты с четным числом колес — в частности, я должен был выступать на мотоцикле. Кроме меня, там было довольно много приверженцев двух колес.

Два японца выступали на московских мотоциклах АРН-3, которые по сути представляли из себя ИЖ-56, только с рычажной вилкой вместо телескопа. Вся их подготовка к гонкам свелась к форсировке моторов сил до двадцати пяти, и серьезными соперниками они были только для американцев.

Тут не обошлось без меня — это с моей подачи Харли и Дэвидсон разработали V-образную двойку воздушного охлаждения и с нее же раскручивали свои мотоциклы как «американскую мечту» — мне хотелось, чтобы и тут она была примерно такой же как у нас, то есть тяжелой, неповоротливой трясушкой с вечно перегревающимся задним цилиндром. И вот две этих длиннющих кошмарины приехали в Россию...

Немцы представили неплохой «Цюндапп» с четырехцилиндровым движком водяного охлаждения, но из-за лимита веса у них получилась слишком хлипкая для такой мощности рама.

Автомобилей было мало — французский «Морс», детище Ситроена, американский Бьюик, английский «Нортон», который по сути был сдвоенным мотоциклом, и две московских «Чайки». Вообще-то желающих заработать миллион или хотя бы десять тысяч было куда больше, но для допуска к гонкам требовалось проехать шестикилометровую трассу не более чем за пять минут, причем не на халяву, а за пятьсот рублей, так что до старта были допущены только сравнительно приличные машины с терпимыми пилотами.

Мой мотоцикл представлял из себя эксклюзивное изделие, которое, впрочем, после гонок планировалось запустить в малую серию и продавать за бешеные деньги. Диагональная рама, компактный и мощный двухцилиндровый движок, пятиступенчатая коробка... По нашим меркам это был вполне себе средних параметров аппарат — еще бы, кого сейчас удивишь шестьюдесятью силами на сто семьдесят кило веса! Но по тем временам это было вне конкуренции.

Я собирался играть честно, и поэтому мотоцикл был полностью местным, без примесей контрабанды из двадцать первого века. А вот моя экипировка была вся оттуда, ибо в отличие от всех остальных гонщиков человек я пожилой, временами даже больной, а главное — совершенно не расположенный ломать свои кости.

На трассу я приехал за два часа до старта. Послушал рапорт сначала начальника официальной охраны, потом общий от Алафузова и отдельно от командира противоснайперской группы — все-таки гонки должно было открывать величество, да и сам я представлял для многих ничуть не меньший интерес. Потом послушал про своих соперников, хотя главное я уже видел на тренировках — какое-то подобие опасности

представлял из себя только один. Зато его звали Пуришкевич...

Командой от АРНа занимался Рябушинский, я выступал сам от себя. Павел Павлович правильно оценил трассу и грамотно подготовил одну «Чайку» — и без того достаточно низкая и широкая машина еще больше прижалась к земле, а вместо ее родного движка там торчал авиационный Т-2, форсированный до ста двадцати сил. Ресурса этой машины хватало кругов на двадцать, а если учесть, что гонка состояла из десяти, то понятно, почему вторая «Чайка» представляла собой почти серийную машину, имевшую шансы на призовое место только в случае поломки моего мотоцикла, немецкого «Цюндаппа» и машины Пуришкевича одновременно.

Выбор Рябушинским пилота был оправдан, ибо Пуришкевич оказался отличным водителем, как два года назад — отличным снайпером в Черногории. Кстати, вернулся он оттуда еще большим оппозиционером, чем был до войны, но только радикально сменившим направление ругани. Ранее он поливал нас с Гошей за неприятие либеральных ценностей, а теперь возмущался тем, что отстрел мешающих движению России вперед идет вяло, без огонька и должного размаха.

Кажется, пора одеваться... Я натянул свою экипировку «Ай-икс-эс», правда, шлем надел открытый — есть у меня такой загиб, не люблю интегралов. Да и потом, что же это будет за Найденов, если зрители не увидят бороды и зеркальных очков! Пора было выезжать, до Гошиной вступительной речи оставалось минуты две.

С квалификацией мне повезло — мой жребий оказался предпоследним, так что я уже знал времена всех интересующих меня гонщиков и ехал так, чтобы гарантированно стартовать со второго места. Итак, вялый разгон, мимо трибун проезжаю на восьмидесяти, к концу двухкилометрового прямока имею чуть больше ста тридцати. Далее — плавная левая дуга, ее можно пройти вообще не сбрасывая скорости, но это я еще успею, а пока — по тормозам, и сброс до сотни. После дуги — маленький прямик, потом змейка, по которой проползаю вообще на тридцати. За ней началась очень вредная омега-образная петля, потом короткая правая дуга, длинная левая и стартовый прямик. Я глянул на свой секундомер — четыре пятнадцать, так и есть, второе место. С первого должен был ехать Пуришкевич с его временем три пятьдесят.

Стартовал я эффектно, то есть мимо трибун проехал за задним колесе. Пока я так выделялся, Пуришкевич чуть не проскочил вперед, так что в первую дугу входить пришлось на предельной скорости. Но я прошел, причем на выходе из нее успел полюбоваться, как едущую за мной «Чайку» чуть не выкинуло с трассы, и завилял в змейке. То есть пока, если не считать небольшого рывка, я ехал вполсилы — зрители должны были увидеть борьбу. Вот, значит, в ее имитации я и прокатился пять кругов, имея на хвосте периодически пытавшегося обогнать меня Пуришкевича. Нет, что творит, однако!

«Чайка» вошла в последнюю дугу по внешнему краю и, немилосердно виляя заносимым задом, начала обгон. Буквально с метра справа сверкнули очки Пуришкевича. Ну его в зад, подумал я и чуть сбросил газ — пусть едет вперед, а то еще заденет, с него станет...

Трибуны неистовствовали, когда мимо них пронеслась истошно воющая мотором «Чайка» — теперь она шла первой. На прямике ее не обгонишь, но впереди дуга! Пуришкевич сбросил скорость... Ну, а теперь смотри, дорогой, как люди ездят!

Мотоцикл послушно лег набок. Вообще-то его заметно водило, все-таки рама рамой, но вилка и маятник тоже имеют значение, а сделать их по стандартам двадцать первого века не получилось. Но ничего, ехать можно... В коленном слайдере у меня была титановая вставка, и сейчас и Пуришкевич, и зрители могли видеть длинный сноп искр.

Дуга кончалась, и я легким движением руля внутрь круга выпрямил мотоцикл — да, вот такие парадоксы имеются в езде с глубокими кренами. Теперь — змейка, она далеко от трибун, да и Пуришкевич отстал, так что можно особо не выеживаться. Потом «омега», и,

наконец, последняя перед прямым дуга. Ее я прошел на пределе, чтобы промчаться мимо трибун на полной скорости — а это где-то под двести. Перед поворотом налево чуть тормознул и снова положил машину на бок...

Должен заметить, что прохождение дуги с уменьшающимся к концу радиусом имеет одну тонкость — скорость входа надо выбирать заранее, на боку много не натормозишь, а вот правильный ли был выбор, будет ясно только в конце! Если перебор — то в лучшем случае это вылет за трассу, но вообще-то запросто можно и разложиться. Так вот, в конце я увидел, что скорость была выбрана впритык, проехать можно, но именно там, куда я планировал направить свою траекторию, на асфальте нагло расположился черный след резины. Ведь не было же его в прошлом круге, это Пуришкевич тут напачкал, вот ведь гад очкастый! Как-то, у самого края, но мне удалось удержаться на трассе. Руки стали чуть ватными, на лбу появился пот...

Блин, на гонках в том мире я иногда выдерживал по три-четыре таких ситуации, а тут поплыл после первой... Все, кончаю пижонить, дальше еду осторожней.

Хоть я больше и не рисковал, но к концу гонки обошел Пуришкевича больше чем на полкруга. Остальных — на круг-два, за исключением «Нортон», который вообще развалился. После чего подождал в боксе минут пятнадцать, потом постоял маленько на подиуме, спрятал в карман чек на миллион и уехал. Меня уже ждал посланник от английского короля Эдуарда Седьмого, и мне было даже интересно, с чем тот пожаловал...

В прошлом году мы через третьи руки намекнули королю Эдику, что Найденов готов малость помочь тому в смысле поправки здоровья, и тот быстро откликнулся. Написал, что в качестве аванса готов как-то, в меру своих возможностей, повлиять на кабинет министров. Чтоб, значит, этот кабинет начал полаяльнее относиться к России. И, что удивительно, тот действительно начал! Я был в некотором недоумении — наверняка ведь готовят какую-то пакость, а иначе зачем бы снимать как явные, так и тайные ограничения на наш экспорт! И вот теперь в Гатчину приехал личный посланец короля.

Приведя себя в порядок после гонок, я велел запускать гостя. Он нес с собой подарок от короля Эдика, и я, не желая лишать себя сюрприза, не стал спрашивать у охраны, что там, хотя подарок по определению был тщательно изучен. Бомбы нет — и ладно...

Посланец представился, поздравил с только что случившимся чемпионством и театральным движением сорвал тряпку, закрывающую что-то размером со шляпную коробку...

Поначалу мне показалось, что в клетке кошка, и я еще подумал, удобно ли будет дать посланцу рубль, в свете моих же распоряжений. Но потом присмотрелся...

Господи помилуй, мысленно возопил я, да что же это за страна такая! Ладно, рвутся они к мировому господству, так это дело в общем-то житейское, с кем не бывает. Но кошек-то зачем мучить?!

Сидевшее в клетке существо более всего напоминало гибрид летучей мыши с обезьяной. Почти голое тельце с короткой и редкой шерстью, тонкая морщинистая шея, практически крысиный хвостик, черные круги под глазами... У меня появилось большое желание вынуть уродца из клетки и с размаху надеть оную на уши англичанину. Если бы у меня была хоть тень подозрения, что конкретно этот причастен к такому издевательству над природой, то, ей-богу, я бы так и поступил.

— Девонширский Рекс! — торжественно сообщил мне посланец.

«Рекс» грустно таращил на меня большие глаза из-под огромных ушей и мелко дрожал — холодно ему, поди, с его-то пародией на шерсть...

А посланец тем временем сообщил, что Эдуард, движимый лучшими чувствами и знающий о моем интересе к кошкам, решил сделать самый ценный подарок, какой смог. Это порода только что выведена, и таких зверей в мире всего три штуки!

Я мысленно перевел его дифирамбы. У англов два таких разнополых уродца, этот им не нужен, значит, он кот, вторая кошка пригодилась бы.

Вызвав горничного и велел ему накормить, обогреть и вообще обиходить существо, только не показывать его моей кошке, а то как бы за крысу не приняла, я продолжил слушать англичанина, который теперь распинался о том, как страдает король Эдик от увы, иногда случающихся недоразумений между Великобританией и Россией. И как, движимый черт знает чем — я и слова-то такого английского не знал — он готов лично приехать в Россию, чтобы улучшить и углубить.

То есть, продолжал я свой перевод, или у короля обострились нелады со здоровьем, или задумана очередная пакость в наш адрес. А скорее всего и то, и другое...

Король в данный момент пребывает на борту своей яхты, продолжил посланец, и ждет только сигнала о том, что его порыв встретил понимание в русском руководстве, чтобы отплыть в Петербург.

— Давайте частоты и позывные, — предложил я, — и этот сигнал будет передан прямо сейчас.

Вообще-то мы их и так знали, но пользоваться пока не спешили, пусть англы их нам официально дадут. Но посланник короля почему-то был не в курсе таких тонкостей и хотел отправить телеграмму из посольства. Дикие люди, подумал я, надо будет Эдику светодиодный фонарик подарить, и вызвал дежурного адъютанта, чтобы он проводил гостя в его посольство.

Эдик приплыл через неделю и сразу после парадной встречи отправился в Гатчину. Эк тебя приперло-то, подумал я, глядя на его одышливую походку, неестественный цвет лица и мешки под глазами. Похоже, тут ты и оставшихся тебе двух лет не протянешь... Король же глядел на меня с изумлением и завистью, ибо с момента нашей предыдущей встречи, что была пять лет назад, я ничуть не изменился.

Я вызвал Василия Акимова. После японской войны у того проявилось странное свойство — он как-то чувствовал, если человеку предстоит скоро помереть. Причем если про японцев это было понятно — а чего бы и не почувствовать, если смотришь на него через прицел! — то по отношению ко всем остальным пока шло как необъяснимое, но проверенное явление.

Пока Акимов шел, король развлекал меня светской беседой. Но вот дзинькнул селектор, я нажал кнопку, и к нам вошел Василий. Мельком глянул на Эдика (тот воззрился на него с немалым изумлением) и подал мне пакет.

— Извините, ваше величество, — сказал я, — это буквально на полминуты.

Вообще-то хватило пяти секунд — Василий подал знак «точно вижу, не жилец», и вышел.

— Просто удивительно, — сказал мне Эдик, — до чего этот офицер похож на моего сына, Георга! Я покивал, мол, бывает же, а потом резко сменил тему:

— Ваше величество, я восхищен вашим самообладанием. Не каждый может на пороге смерти так непринужденно болтать о пустяках... Эдик начал стремительно бледнеть.

— Но, — продолжил я, — может, не будем тратить время, которого и так уже почти не осталось? К сеансу лечения все готово. Если вы согласны, то можно приступить прямо сейчас.

В специально отведенной комнате я скормил королю две таблетки снотворного и, уложив английское величество на каталку, позвонил Гоше, чтоб приезжал.

Мы с императором быстро скатали сонного короля через портал, после чего величество укатило к себе, а я, оставив Эдика дрыхнуть, занялся текушкой. Спал он аж до следующего обеда, но зато проснулся просто другим человеком! От избытка сил он даже пробежал полпролета вверх по лестнице, что, как он сам мне сказал, было недоступно ему уже лет пять. В общем, было видно, что клиент созрел.

— Ну вот, ваше величество, — сообщил ему я, — теперь года два вы можете вообще не думать о своем здоровье, а может, даже и три. Нервничать не будете — так и все четыре проживете!

— А... — попытался было что-то вякнуть король.

— А для полного оздоровления нужен не один сеанс, а четыре-пять с полугодовыми перерывами. И потом раз в два года для профилактики. При таком режиме можете до ста тридцати лет прожить — во всяком случае, моему деду недавно как раз столько стукнуло, а он помирать совершенно не собирается. Но — увы — сложности, особенно внешнеполитические, отнимают столько времени, что обещать вам всего вышеперечисленного я, еще раз увы, не могу... Кстати, а вам ваша разведка про моего деда разве не говорила? Наверняка ведь знают, но скрывают, нехорошие люди. Не уважают они вас. Попробовала бы моя мне чего-нибудь не сказать! Для созревания королю потребовалось не больше пяти минут.

— Господин Найденов, — негромко спросил он по истечении этого срока, — я правильно понял ваш намек, что...

— Абсолютно правильно. Мои друзья — все без исключения — живут очень долго. Так что для начала не ознакомьте ли меня с тем, что вас просил довести до моего сведения премьер?

— Он предлагает вам, в качестве жеста доброй воли, возможность пользоваться бухтой Вэйхавэй для зимовок дальневосточного флота, а так же принять участие в совместной разработке новых южноафриканских алмазных месторождений.

— Какой замечательный порыв, — усмехнулся я, — но вот теперь, чисто по дружески — расскажите-ка мне, что все это означает на самом деле.

Эдик глубоко вздохнул, прокашлялся и начал...

Глава 2

Класс, думал я, глядя на его величество Эдика. Как врет, нет, вы посмотрите, как врет! Именно «как», а не «что». Ведь если человек всю свою жизнь брешет со светским выражением на лице, то, когда он с тем же выражением вдруг объявит, что начиная со следующего слова пойдет чистая правда... Некоторые могут не поверить. Поэтому Эдик краснел, бледнел, хватался за сердце, что было некоторым перебором, ибо с данным органом у него было терпимо и до путешествия через портал — и рассказывал второй слой своей легенды. То, что это именно легенда, сомнений у меня не вызывало. Даже если отвлечься от небольших переигрываний оратора, такого, чтобы сказанное им сейчас было правдой, просто не могло быть — однослойные легенды бывают только при разборках шпаны на районном уровне. Ведь англы знали, что я подлечу короля! И наверняка догадывались, чего попрошу взамен...

А пока Эдик излагал мне коварный план английского кабинета — мол, когда доверчивые мы с размаху вляпаемся в созданные нам в Китае и Южной Африке преференции, то японцы и немцы, коим их не будет, почувствуют себя обиженными, а парочка провокаций, конкретику по которым Эдик пока не знает, но не пожалеет сил для выяснения, усугубят процесс... То есть подкоп под русско-германо-японскую дружбу.

— Замечательно, я даже не знаю, как выразить вам свою признательность! Вы мне просто глаза открыли... Вот только маленькое замечание — сердце не там, за куда вы хватаетесь, а правее и выше, а так все великолепно. Но не окажете ли нам с супругой честь — отобедать в нашем обществе? Тем более, что вам теперь можно не только пресную овсянку.

Обед был накрыт тут же, в Гатчинском дворце, и Мари, которая вообще-то жила в Зимнем, уже ждала нас с королем. Мне было даже интересно, как она справилась с поставленной перед ней задачей — ну ничего, минуты через три посмотрим...

Мы с Эдиком были женаты на сестрах, его Александра на три года старше моей Дагмары, а вообще-то сестры были весьма похожи. То, что Эдик прекрасно помнит внешность своей престарелой половины, сомнений не вызывало. Так пусть теперь

посмотрит, как выглядит ее сестра, которая всего на три года младше!

Увидев Мари, Эдик впал в ступор. Уж в чем-чем, а в женщинах он был крупным специалистом и не мог не заметить, что вызывающая молодость Мари не есть результат деятельности гримеров и парикмахеров! Даже я где-то с полминуты вынужден был бороться с желанием оставить короля жрать в одиночестве, а Мари пригласить на три комнаты правее, где имелось все необходимое для исполнения супружеского долга.

После обеда эстафету по охмурению Эдика перехватила ее величество Мария Федоровна. Мне и то было видно, что она наслаждается тем, как король, глядя на нее, тут же вспоминает свою старую мымру и морщится.

Надо будет потом поревновать маленько, а то как бы Мари не обиделась, подумал я, когда английское величество в сопровождении моей половины отбыли к нему на яхту. Посмотреть то ли какие-то новые картины Рафаэля, то ли вовсе ируканские ковры... Впрочем, у Мари имелся цифровой диктофон в виде украшенного бриллиантами медальона с портретом Александра III, так что можно будет потом послушать конкретику. Интересно, третий слой легенды у англичан есть или сразу после второго пойдет правда?

Так, подумал я, что должен делать муж, у которого жена сбежала с каким-то проезжим королем? Правильно, тут же наострить лыжи налево, и желательно тоже к королеве. Но таковая в России всего одна, и мне к ней как раз и надо! Так что пора двигать в Зимний, к племяннице и пасынку — пусть внесут ясность в некоторые аспекты одной животрепещущей проблемы.

Когда осенью прошлого года в кабинете Моргана вдруг начали рваться снаряды с ядовитыми осколками, погибли почти все там находящиеся. Но секретарь самого Моргана первым взрывом как-то случайно был не задет, а второй и последующие переживал уже под диваном в дальнем конце кабинета. Так что осколок ему достался всего один, маленький и с незначительным количеством яда, а диван от последовавших за осколочными зажигательных снарядов загорелся сверху и как-то вяло, и одного секретаря успели доставить в больницу, хоть и в тяжелейшем состоянии. За неделю, в течение которой его состояние успело улучшиться до просто тяжелого, Танечка успела подготовить и провести блестящую операцию.

От мексиканского яда, приготовленного нашими биохимиками, отравленный становился черно-синим оскаленным страшилищем, не похожим не то что на себя при жизни, а и вообще на человека, так что задача поиска донора для подходящего трупа сводилась к лишь приблизительному сходству с оригиналом. В общем, пациента одним прекрасным утром нашли мертвым, а лечащий врач сбежал, вызвав вполне оправданные подозрения полиции. Правда, его поиски не увенчались успехом, ибо на триста метров никто еще нырять не умел. Может, с ним и поступили бы погуманнее, будь он не таким жадюгой, но Танечка вполне обоснованно решила, что врач, берущий взятку аж в триста пятьдесят тысяч, пусть лучше спокойно полежит на дне, а не позорит славное сословие целителей своим существованием. Наши вон за голый оклад ухитрились довести так и норовящего помереть секретаря аж до Гатчины!

А теперь его здоровье улучшилось настолько, что можно было приступать к разработке, за направлениями которой я и ехал к двум главным финансистам Российской империи.

В холле Машиных покоев обнаружилось новшество — а именно наконец-то дописанная картина Сурикова «Покушение». Однако, присмотрелся я, что-то оно мне напоминает... Точно, Делакруа, «Свобода на баррикадах»! Во всяком случае, поза императрицы-королевы была очень похожа — на картине Маша указывала спасателям на дымящиеся развалины комнаты с торчащими из-под груды кирпича чьими-то окровавленными ногами.

Наряд императрицы был чуть скромнее, чем у дамы на французской картине, но только сверху. Снизу же — сильно наоборот, ибо по легенде Машина повязка была сделана из

нижней части подола юбки, а потом остатки той юбки ушли на перевязки прочих жертв артобстрела с Невы. В общем, пока не схлынул послепокушенческий бардак, племянница красовалась в самой настоящей мини и была в ней неоднократно сфотографирована...

— Эх, не того ты маленько секретаря прихватил, — сокрушено заметила мне племянница.

— Остальные вовсе мертвые были, — напомнил ей я.

— Да, что уж тут поделаешь... Просто поведение моргановской империи после смерти ее главы более или менее предсказуемо, а вот в наследстве Шихта с Варбургом происходят интересные вещи...

— Как там Вилли — переживает? — поинтересовался Гоша.

Брат одного из находившихся в обстрелянном кабинете, Макс Варбург, до недавнего времени был главой Гамбургского банка. Его фамилия фигурировала в списке людей, финансирующих антироссийские поползновения в Германии, так что кайзер лично подписал ордер на его арест. Ведь говорил же я ему, что нельзя лишать тайную полицию следственных функций, оставляя ей только оперативные! В результате, едва оказавшись в вожделенных руках юстиции, Макс тут же сбежал в Штаты. Кайзер озверел, расширил полномочия гестапо и даже попросил меня прислать бригаду следователей для помощи его растяпам, расследующим этот вопиющий факт. Бригада была послана под видом китайских беженцев, сразу по пересечении границы «арестована» и сейчас пребывала в Моабите, где учила немцев правильному обращению с подследственными. В общем, Вилли переживал в нужном направлении, о чем я и сообщил Гоше. И спросил, как он там, кризис-то? Почему его не было?

— Так ведь кризис — дело тонкое! — развеселилась Маша. — Его надо в спокойной обстановке готовить, вдумчиво, не отвлекаясь на сиюминутное... А тут, понимаешь, пришел дядя Жора с пушкой и начал в окна палить. Жаль, что порталы открываются только в текущее время. А то смотаться бы тебе в самое начало две тысячи восьмого и тоже бабахнуть, люди бы спасибо сказали.

— Не, — мотнул головой я, — там уже так все запущено, что никаких снарядов не хватит. А здесь, что, грохнули этих, и все само собой стабилизировалось?

— Почти, — подтвердил Гоша. — Ведь как оно началось? Стараниями Шиффа у третьего по величине финансового игрока, «Кникербокер Траст», начались трудности. А стараниями Моргана они потихоньку росли... В конце октября «Кникербокер» должен был лопнуть, потянув за собой многих других, ну, а потом пришел бы Морган весь в белом... Кто же знал, что к Нью-Йорку уже тянутся косяки перелетных снарядов? Так что в белом теперь Альперович. Правда, целиком купить «Кникер» мы не рискнули, больно уж подозрительно, но Мося таки его вытащил с того света, и теперь он не последняя шишка в тамошнем совете директоров. Ну и, возвращаясь к сегодняшним реалиям, этот твой секретарь к сотрудничеству-то готов? Можно у нас в Зимнем использовать или к тебе народ для работы с ним посылать?

— Ну, величество, ты и даешь... — поразился я. — Где у тебя тут камеры с видеонаблюдением? А вдруг заартачится, что, всякий раз его ко мне возить, потому как у тебя ни специалистов, ни инструмента? Нет уж, пусть сидит где сидел, не будем травмировать человека сменой места, поди, привык уже. Ваши пускай ко мне ездят...

— Ладно, сойдет, — кивнула Маша, — а можно мне в порядке чисто женского любопытства поинтересоваться, куда тебе столько кошек? Я поначалу думала, что ты какие-то эксперименты с порталом хочешь производить, так ведь в «Транзит» и половины не влезет!

— Не вечно же будет получаться вашими спекуляциями деньгу зашибать, нужно и о долговременном реальном доходе для России подумать! — пояснил я.

— Доход — с кошек?! — поразилась Маша.

— Нет, ну до чего всеобщее падение нравов дошло, — закручинился я, — родная племянница, и то — про доход с ценных бумаг все понимает, хотя по сути это даже не пипифакс, а нечто воображаемое, а вот про доход со вполне реальных существ, коими являются кошки — нет! Ладно уж, пиво у вас сегодня хорошее, так что слушайте лекцию про реальную экономику.

Я додегустировал бутылку до конца, открыл следующую и начал просвещать молодежь.

Итак, прошлой осенью ко мне на прием пришли три демобилизующихся калединских ветерана, сибиряки-снайперы, участники японской и черногорской войн — тем более, что для данной категории населения попасть на тот самый прием особых трудностей не представляло. И поделились идеей...

Вот, значит, есть самолет «Кошка». И в тот самолет, если он с широким фюзеляжем, много чего влезет — сотня обычных кошек, например. А еще в тайге есть зверь, который называется соболь. Шкура у него очень ценная, но добывать соболя трудно, а главное — от той добычи их становится все меньше и меньше, ибо самка соболя способна выкормить только одного детеныша. Хотя рождается до пяти!

И ветераны предложили организовать в тайге факторию по разведению соболей.

По осени оттуда расходятся, а подальше и разлетаются охотники, разведать соболиные гнезда. Строят заимку, завозят туда кошек и, когда соболихи котятся, забирают у них лишних детенышей, оставляя одного. А кошки их выкармливают, им нетрудно! В процессе поисков охотники могут и еще чем-нибудь полезным заняться, золото в ручьях мыть, например. Кормятся охотой, ну и запасы какие-то самолет сможет подкинуть. А после ледостава на заимку прилетает самолет и увозит соболиный молодняк для дорашивания на центральной ферме. Там живут семьи охотников, есть регулярные авиарейсы в ближайший город на железке, кто-то там и крестьянствовать захочет, ибо возить продукты никуда не надо, их и на месте найдется кому купить. Вот только сделать бы так, предложили охотники, чтобы та «Кошка» могла садиться и на землю, и на воду. Сделаем, сказал я и велел собирать добровольцев.

— Так что вот, — закончил я, — перед вами главный акционер АОЗТ «Котофей». Остальные акционеры — это непосредственные участники проекта, их вклады — сама идея и труд по ее осуществлению. А любого, кто вздумает каким-то образом торговать какими-то бумагами, имеющими хоть отдаленное отношение к «Котофею», я сгною лично.

— Ага, — задумалась Маша, — тут мне недавно какой-то энтузиаст проект плотины через Берингов пролив прислал, а я ведь помню, читала что-то такое — в этом случае климат в Нью-Йорке станет как на Сахалине. Надо будет это дело слегка профинансировать, пусть янки шкурки про запас покупают, пока те не подорожали. И утечку про это в газеты организовать...

— Совсем у тебя с этими вашими консалтингами мозги заплесневели, — укорил я племянницу. — Зачем же так топорно работать? Всего-то и надо, что статью в солидный журнал от какого-нибудь ученого средней известности, где тот докажет, что данная плотина на климат никак повлиять не сможет. Вот и все, остальное клиенты прекрасно доделают сами.

— А чертежи кошконесущих самолетов у тебя уже есть? — поинтересовался Гоша.

— Не только чертежи, есть два уже готовых. А что, продать кому-нибудь хочешь?

— Скорее просто подарить. Тут у меня турецкий посол был, так якобы мимоходом спрашивал, а зачем тебе кошки. Мол, Турция всегда готова помочь, но хотелось бы знать, чему именно!

— Думаешь, кто-то поверит в то, что этих хвостатых можно сбрасывать на врага?

— Сам же учил меня не недооценивать человечество, оно и не в такое ухитрялось верить. Распустить слух, что после четырехмесячного обучения по твоей методике кошка без лишнего мява вцепляется в горло разговаривающему при ней по-турецки, и больше ничего

не надо. А то эти янычары совсем обнаглели — открытым текстом намекают, что у англичан арендная плата за их Дарданеллы выше! Я им, правда, в ответ пример американцев на панамском перешейке привел, так что пока уgomонились. А кошки от полета у тебя не передохнут?

— Моя же не передохла, хотя уже несколько раз летала, — пожал плечами я. — А в кошконесущих самолетах усилена звукоизоляция салона и на моторах стоят хоть и примитивные, но глушители. Меня больше интересовало, как бы соболя не от полета не того, но охотники говорят, что того шума, что его окружает с рождения, соболенок потом не боится. У кого-то они дома росли и на гавканье собак впоследствии никак не реагировали. А на заимках будут бензогенераторы — и электричество, и зверьки с детства к шуму моторов привыкнут.

Маша в это время лихорадочно рылась в своем ноутбуке, пытаясь найти фотографию соболя.

— Нету, — разочарованно сказала она, — есть ласка, но это просто крысеныш какой-то. На что он вообще похож, этот пушной зверек?

— Небольшой песец, — предположил Гоша.

— Неполный, — уточнил я, — зверь размером с кошку, но с мордой, как у маленькой собачки. Зазвонил телефон.

— Тебя, — передал мне трубку Гоша.

На том конце провода была Мари, она сопровождала английского короля в Гатчину и теперь предлагала мне побыстрее ехать туда, если я хочу с ней увидеться, а то ей уже пора к дочке.

— И как король, созрел? — поинтересовался я.

— Думаю, да, но ты уж сам посмотришь. Так мне тебя ждать?

— Не надо, — принял решение я, — заночую сегодня в Зимнем, так что наоборот, это я тебя жду.

— А Эдуард? — не поняла Мари.

— Дорогая, для чего я, по-твоему, женился — чтобы спать с королем Эдиком? Перебьется.

Глава 3

Поздним вечером мы с величием успели еще где-то с полчаса побеседовать про оружие, а точнее — про будущий закон о нем. Судя по всему, для Гоши это был не эксперимент.

— Мне кажется, — заявил он, — что существует два допустимых пути решения этой проблемы. Первый — государство запрещает своим гражданам иметь оружие. Но при этом берет на себя гарантии безопасности этих самых граждан. Не в том смысле, что насильственных преступлений не будет, это недостижимо, а просто оно берет на себя обязанности страховщика. То есть ограбили кого-нибудь — государство тут же возмещает ему стоимость изъятого, компенсирует моральный ущерб, упущенную выгоду и вообще все, в чем этот кто-то потерпел убыток. А потом начинает ловить бандитов... Если же оно, запретив иметь оружие, не берет на себя таких обязательств, то это значит, что для него народ — это не граждане, а скотина. Ну или рабы... Тут он замолчал и посмотрел на меня.

— Думал, возражать буду? Да нет, я в общем тоже примерно так считаю, — кивнул я.

— Второй, — продолжил Гоша, — государство сразу заявляет, что ни обеспечить стопроцентную безопасность, ни такую же компенсацию ущерба оно не может. И разрешает гражданам ходить вооруженными, оставляя за собой лишь надзорные функции по применению этого оружия. И какой, по твоему мнению, путь более приемлемый для России?

— Разумеется, второй, — несколько даже удивился я. — Даже если забыть, что на первый у нас элементарно не хватит денег, то все равно он плох тем, что поощряет в народе соответствующие настроения. Дескать, мне государство должно по жизни! А потом будем удивляться, с чего это либерасты так расплодились.

— Но при этом мы ставим граждан в неравные условия, — заметил император. — Вот, скажем, повстречается грабителем... ну, твой Акимов, например. Так они у него и пискнуть не успеют! А вот, скажем, тот же Циолковский... Думаешь, ему ПФ в кармане сильно поможет?

— Ты, пожалуйста, божий дар с яичницей не путай. Наше дело — дать человеку возможность защищать себя и своих близких, а уж как он ей будет пользоваться — его дело. Но, пожалуй, для тех, кто по состоянию здоровья защищаться сам не в состоянии, надо будет со временем действительно ввести какую-то государственную страховку. Для слепых там или безруких-безногих... А если у человека от избытка гуманизма руки трясутся и очки запотевают, так мы-то тут при чем?

— Но какие-то ограничения ввести надо?

— Пушки гражданам ни к чему и автоматы с пулеметами, пожалуй, тоже, — задумался я, — а остальное, наверное, и ограничивать не надо... Вот только на откуп местным властям этого отдавать нельзя. И, может, хватит на сегодня? Нас, между прочим, обеих жены ждут.

Наутро я завтракал уже в Гатчине, за компанию с его величеством Эдуардом VII. Величество чувствовало себя как на иголках и наконец не выдержало:

— Господин канцлер, не будете ли вы так любезны просветить меня, по каким признакам вы производите людей в свои друзья?

— Мои друзья говорят мне только правду, — пояснил я, — но это процесс постепенный. Скажем, в беседе со мной кто-то не соврал, хотя и мог. Ну, недоговорил, понятно, но все равно — хороший человек. Если хороший человек год таким и остается, то это уже приятель. Ну, а приятель с двухлетним стажем уже называется друг... Это, так сказать, эволюционный путь. Но есть и революционный — это когда я сижу и ничего не подозреваю, а кто-нибудь раз — и совершенно бескорыстно спасает меня от нешуточных неприятностей! Как кайзер в четвертом году — без его явной внешнеполитической поддержки Россия вполне могла получить затяжную войну с японцами. Так что в данный момент я горд, что имею честь беседовать с хорошим человеком Эдуардом.

Несмотря на многолетний стаж хорошего человека в лицедействе, на его лице мелькнула тень мысли, которую я для себя перевел как «эх, повесить бы наглеца». Но ведь здоровье-то не казенное! И Эдик неуверенно сказал:

— Вы знаете, мне кажется, что и якобы настоящий план кабинета про Китай и Южную Африку тоже на самом деле имеет отвлекающий характер... Но клянусь — в Китае действительно что-то задумано! И единственное, что я могу сказать — оно как-то связано с одним китайцем, который до недавнего времени пребывал в Токио, а сейчас перебрался на Гонконг. У него еще какая-то странная для китайца фамилия, кажется, Янсен.

Ага, подумал я, кто же это у нас там такой норвежский в Поднебесной завелся... Е мое, да небось отец китайского народа Сунь Ят Сен! Блин, этот сможет, если захочет. А уж если ему денег подкинут и оружия...

— Давайте договоримся так, — предложил я. — Для подготовки вашего глубокого оздоровления нужно время, не менее полугода. Так что я начинаю готовиться, а вы обращайте внимание на любую мелочь, имеющую отношение к Китаю и вокруг... Только осторожнее, надеюсь, вы понимаете, что стоит тем людям заподозрить вас в двойной игре, и вы покойник?

— Понимаю, — кивнул Эдик, — временами я даже завидовал тому, как у вас поставлена охрана первых лиц государства.

— Кстати, а вам-то что мешает организовать нечто подобное? — предложил я.

— Деньги. Вопреки расхожему мнению, права короля у нас весьма широки, он может объявлять войну, распускать парламент, назначать премьера, причем хоть последнего босняка с улицы... Но вот деньгами он не распоряжается.

— А право помилования у него есть? — поинтересовался я.

— Да, конечно.

— А по частоте оно ограничено — ну, например, сколько раз в день вы его можете объявлять?

— Не знаю, — задумался Эдик, — вроде писанных ограничений нет... Но к чему это?

— А вот представьте себе картину. Не хочет какая-то сволочь давать денег своему законному сюзерену! К ней приходят верные офицеры короля, числом десятка два, и вешают сволочь на люстре в ее же, сволочи, кабинете. Потом бегом бегут к судье, мгновенно во всем признаются, отказываются от суда присяжных и адвоката. Судья быстренько прописывает им веревку, а потом лезет в стол и достает оттуда ваше помилование. Офицеры жмут ему руку и отправляются к следующей сволочи... Это я, конечно, утрирую, но если вы хотите иметь действительно надежную охрану, то подсудна она должна быть только вам. После завтрака Эдик отплыл в свою Англию.

А через десять дней секретарь открыл передо мной дверь одного из кабинетов северного, то есть правительственного крыла Зимнего дворца.

— Разрешите, Иосиф Виссарионович? — спросил я, заходя.

Хозяин кабинета отложил бумаги, которые изучал до моего прихода, взял трубку и, кивнув мне «да, пожалуйста», начал ее набивать. Я сел напротив него и поинтересовался:

— Последнюю работу Владимира Ильича вы уже читали?

— Читаю, — Сталин показал трубкой на лежащие перед ним бумаги, — а к вам, значит, она попала раньше, чем ко мне?

— Разумеется, Гатчина же почти на тридцать километров ближе к Женеве, чем Зимний.

То, что статья написана по моим тезисам, которые я, в свою очередь, надыбал в ленинских же работах, но только более позднего периода, я уточнять не стал.

— И что вас в ней так заинтересовало? — прищурился генеральный комиссар по делам национальностей.

— Сама идея о том, что пролетарская революция в настоящее время может произойти не в самой промышленно развитой империалистической стране, а в той, которая благодаря пережиткам феодализма является слабым звеном в цепи, — пояснил я.

— Но в статье еще указывается, что необходимым условием для революции является и неспособность верхов править по-старому, Ленин определил это как «импотентность власти». Из чего я делаю вывод, что вы имеете в виду не Россию, так как тут вашими стараниями, которые я, кстати, далеко не все одобряю, власть последнее время... Чуть пошевелишься, тут же в позу поставит, какая уж тут импотентность.

— Ну, это вы мне льстите, до такой благодостой картины еще далеко, так что давайте продолжим разбор статьи. Дальше там идет тезис о поэтапности революции в таких условиях — то есть сначала буржуазная, в союзе с буржуазией и всем крестьянством, а затем пролетарская, против буржуазии в союзе с беднейшим крестьянством. Так?

— Так, — кивнул Сталин, — тут есть хорошая аналогия с двумя кучами мусора, которые лучше вывозить по очереди.

— В данный момент партия ведет большую работу в Ирландии, — продолжил я, — но тамошние условия сильно осложняются религиозными проблемами, а также почти полным отсутствием пережитков феодализма. Так что, не прекращая работы в том направлении, не расширить ли ее еще на одну страну, обстановка в которой почти идеально соответствует теоретическим построениям Ильича? Я имею в виду Китай. Дело в том, что сейчас он находится на пороге буржуазной революции. Но ведь устраивать следующую за ней пролетарскую надо достаточно быстро, пока власть буржуазии не окрепла! Вам, как комиссару по национальностям, будет проще развернуть соответствующую работу. Думаю, на днях вы получите соответствующие указания от исполкома Коминтерна.

Сталин усмехнулся — к руководству этой организации он относился без малейшего пиетета.

— И вот вам еще записка от Лапшинской с собственноручной припиской Владимира Ильича, — продолжил я. — А от себя добавлю, что готов вам в этом всячески содействовать.

Всячески — это значит без ограничений, имейте в виду.

Дальше мой путь лежал по диагонали через весь Зимний, то есть в малый императорский кабинет — в процессе законотворчества Гошу занесло малость не туда. Подождав минут пять, пока оттуда не вышел Столыпин, я вошел к доживающему свои последние дни самодержцу всероссийскому. Нет, помирать он вовсе не собирался, но с пятнадцатого мая вступала в силу конституция.

— Привет, — приподнялся он из-за стола, — ну, как там у тебя с товарищем Сталиным?

— Сплюнь, сглазишь, рано еще, — предложил я, — давай лучше про твое художественное творчество поговорим. Вот это — как понимать?

Я протянул ему проект его же указа о регламентации страхового дела в России.

Гоша посмотрел. Раздел «страхование вкладов» был подчеркнут зеленым фломастером и снабжен многочисленными вопросительными знаками. Раздел же «Страхование сделок» был похерен.

Тут надо сделать небольшое отступление. Вообще-то в русском языке буква «хер» стоит в одном ряду с такими заменителями всем известного понятия, как «хрен» и в какой-то мере «фиг». То есть посылать можно на любой из этих трех адресов, чай, посылаемый и сам догадается, что его послали на четвертый. Но глагол «похерить» стоит особняком. Попробуйте образовать аналогичное слово с корнями «фиг», «хрен» или даже с тем, что можно писать только на заборах и в интернете, а на бумаге нельзя. Фигушки! Нет такого слова. А все потому, что слово «похерить» насквозь цензурное и совершенно нормативное. Когда чиновник получал настолько бредовую бумагу, что у него даже не было слов для комментариев, он просто перечеркивал весь текст жирным косым крестом, то есть буквой «хер». Так вот, раздел «Страхование сделок» был мной похерен. Гоша вопросительно посмотрел на меня.

Я отхлебнул уже притащенный мне кофе, закусил бутербродом с красной икрой (ну не люблю я черную, и что моя кошка в ней находит?) и начал:

— Страховка вообще-то вещь для экономики неплохая... Примерно как стрихнин — в правильных дозах может служить лекарством. А превысишь — сразу такая прибыль! Только не тебе, а похоронному агентству. Вот и давай подумаем, до каких количеств это можно кушать...

Итак, ты задумал что-то рискованное. Это вообще-то двигатель рыночной экономики — кто не рискует, тот не выигрывает, так? Естественный отбор. А он жестокая вещь, разориться вполне можно и насмерть, а вдруг это у тебя была не последняя идея, а только трамплин к действительно стоящей? Значит, тебя надо подстраховать, чтобы в случае неудачи ты не издох в канаве от голода вместе с семьей, а мог как-то питаться водой там и хлебушком, имел хоть какую-то конуру для жилья и минимум средств для начала нового дела. При таком раскладе ты десять раз подумаешь, лезть ли в сомнительные сделки...

— Предлагаешь отдать все страхование государству? — прищурился Гоша.

— Нет, слушай дальше. Предположим, ты — страховщик. И приходит к тебе кто-то с идеей, вероятность воплощения которой ты оцениваешь в пару процентов. Будешь ты его страховать? Нет, если не дурак. Но вдруг какой-то добрый Гоша разрешил регистрировать страховые обязательства как ценные бумаги — ох, тут такое начнется! Чем выше степень покрытия, тем больше спрос на такие бумаги, верно? Значит, она будет искусственно повышаться и скоро дойдет до ста процентов. То есть риск исчезнет! Но в природе, чтоб ты знал, действует закон сохранения. Страховка — это та же пирамида. Ты страхуешь насквозь сомнительную сделку. Чтобы при этом избежать риска, ты страхуешь собственную аферу у кого-то третьего, а тот третий — у первого, который и обратился к тебе за услугой... Понятно? Эта система может существовать только за счет непрерывного расширения. А потом дойдет до упора — и крах.

То есть вместо всего здесь написанного я предлагаю установить, что страховое

покрытие сделок — это два процента вложенного или одноразовая выплата в размере прожиточного минимума на месяц, на усмотрение страхуемого. Слово-то, кстати, какое! Нормальные так не кончаются.

Вернувшись в Гатчину, я позвонил в Георгиевск и поинтересовался, как там кот Рыжик — три месяца назад я стаскал его через портал и обратно, появилась у меня одна мыслишка...

— Жрет как крокодил, — сообщили мне, — а растет еще быстрее! Восемь килограмм, и ни капли жира! Такая зверюга получается...

Я давно обратил внимание, что воздействие портала на организмы варьируется довольно широко. Но почему-то в опытах на мышах такого разнообразия результатов не было! А вдруг это связано с отсутствием у тех мышей мозгов, подумал я, и устроил несколько экскурсий кошкам. И у меня сразу закралось подозрение, что направление улучшения организма при переходе сам организм и задает, в виде своих себе пожеланий... Кошка — это очень тщеславное существо, так вот все, перемещенные через портал и обратно, начинали резко хорошеть. Несчастный рыжий помойный котенок, подобранный мной в Сергиевом Посаде, наверное, всю свою короткую жизнь мечтал, как когда-нибудь он вырастет большим и могучим... Интересно, в его понимании большой — это с собаку или с тигра?

Теперь понятно, о чем думал Фишман, перемещаясь из Гатчины в коттедж и обратно. А Мари и Танечка ходили за молодостью и красотой, так что теперь моя благоверная выглядит лет на сорок, если не принимает специальных мер, а если принимает, то на двадцать пять. Про Танечку же вообще лучше помолчать. Меня же в общем мое здоровье вполне устраивало и внешность тоже, так что я и застрял где-то примерно в пятидесятилетнем состоянии... В следующий поход беру с собой девонширского рекса, подумал я.

Глава 4

Над тайгой летел автожир. Точнее, тайгой это было до сегодняшнего утра... А теперь прямо по курсу и на пару десятков километров вперед лес лежал. Слева поднимался в небо громадный столб дыма, хотя теперь он был в несколько раз меньше, чем утром. Чуть дальше были дымы поменьше — то есть просто лесные пожары. За спиной осталось парящее, как кастрюля с кипятком, таежное озеро.

Хоть кабина автожира и была открытой, там можно было сравнительно спокойно разговаривать, потому что пассажир сидел рядом с пилотом.

— Малость перестарался дядя Жора, — поделился с летнабом пилот, — объявили запретную зону радиусом в шестьдесят километров, а мы почти в восьмидесяти от эпицентра.

— Да что восемьдесят, — поддержал его наблюдатель, — на Ангарской базе две мачты повалило и пулеметную вышку, и волна была, как в океане. А это двести с гаком верст! Вот только что ты канцлера-то так, какой он тебе дядя?

— Самый настоящий, — пилот повернулся к соседу, — как и всем, кто с ним воевал. А у меня вообще он лично пилотирование автожира принимал!

— Правду говорят — суров?

— Брешут, собаки. Единственно что — пьяных ближе километра от аэродрома не терпит, а так он добрый. И объясняет все хорошо — с инструктором у меня почти месяц взлет не получался, а с ним я за два раза понял, как надо.

— Так думаешь, это он устроил? Ученые на базе говорили, что метеорит.

— Ага, и дядя Жора за полгода узнал, когда он свалится, а потом два раза сроки переносил. Что, метеорит ждал, пока у него все готово будет? Да и место указал почти точно.

— Вот именно, что почти, на десять километров южнее эпицентр был обозначен.

— А ты попробуй из Читы сюда выстрелить, посмотрим, насколько промахнешься.

Хотя с таким снарядами можно и на полсотни километров в любую сторону махнуть — разницы все равно никакой.

— Река! — указал вниз наблюдатель.

— Вижу. Эта, как ее, Хижма? Вон излучина приметная, над ней нам поворачивать. Ну, если эти англичане оттуда ушли!

— Что «ну»? Искать тогда будем. Автожир повернул направо и полетел над речкой, удаляясь от эпицентра.

— До места, где мы им позавчера велели остановиться, двадцать километров.

— Клал они на наше веление, — усмехнулся пилот, — вон, смотри!

Примерно в полукилометре спереди было видно выкинутую на берег и разломанную лодку. Около нее суеились и размахивали руками двое.

— И чего машут, — поморщился летнаб, — лучше бы ракеты пускали.

— Если они есть. Вон как им весь лагерь покорежило-то... Ладно, вон там, метров на двести западнее лодки, явно можно сесть. Заодно посмотрим на того, про которого мы спорили. Ну и фамилия у человека — Скотт!

— Скотт, — уточнил наблюдатель, — и он точно профессор. Остальные-то понятно, шпион на шпионе, а этот настоящий ученый. Ну сам сообрази, откуда шпиону знать, как по латыни бурундук называется!

Автожир сел, метров десять поскользив по траве посадочными дугами. Заглох мотор, на землю прыгнул сначала летнаб с автоматом, за ним пилот. К экипажу машины уже бежали два англичанина.

— Здравствуйте, господа, — поздоровался с ними летнаб, — и что же вы добрых советов не слушаете? Остались бы там, где мы вам советовали позавчера, и было бы все в порядке. Ну куда вас, простите, черти понесли? Ясно же вам сказали — метеорит упадет.

— По вашим словам, он должен был упасть вчера днем, — поморщился англичанин.

— Ну так чего-то там не хватало для падения, подумаешь, задержался маленько. А где остальные члены экспедиции?

— Шелдон погиб. Профессор Скотт ранен, он в тяжелом состоянии, на палатку упало дерево. Медикименты и почти все продовольствие смыло волной...

Наблюдатель открыл крышку в носовом обтекателе автожира, достал из-под нее саквояж с красным крестом и предложил:

— Ведите к раненому.

У профессора оказались сломаны как минимум четыре ребра, причем было похоже, что осколки повредили легкие. Раненый дышал редко и неглубоко, на губах запеклась кровь, но он был в сознании.

Летнаб передал автомат пилоту и занялся больным. Осмотрел повязки, сделал пару уколов и сказал:

— Его надо срочно эвакуировать, вырубите пару шестов для носилок.

— Уже сделано, — кивнул англичанин. Второй подтащил носилки, сделанные из двух шестов и одеяла. Профессора осторожно, стараясь не менять его позу, положили на носилки и отнесли к автожиру. Пилот откинул спинку пассажирского кресла, отчего это место стало практически лежащим, после чего туда был положен раненый.

— Мои тамиясы..., — слабо простонал он.

— Бурундуки, что ли? — изумился пилот.

— Да, это новый, неизвестный науке вид... белый бурундук, их удалось добыть сразу двух... их необходимо доставить... Раненый потерял сознание.

— Ну вот, а ты говоришь, шпион, — попенял летнаб пилоту и обратился к англичанам:

— Господа ш... то есть ученые, где тут профессорские звери?

Ему показали небольшую клетку, накрытую тряпкой. Наблюдатель снял тряпку, полюбовался на засуетившихся бурундуков, снова накрыл клетку и начал пристраивать ее в носовой обтекатель, на место медицинского саквояжа. Клетка не лезла, так что ее пришлось

привязать наполовину торчащей наружу.

— А чего не в багажник? — поинтересовался пилот, — и что ты их закрыл так быстро, они действительно белые?

— Не, серые. А в багажник их нельзя, это же рядом с движком, сдохнут от страха. Господа, — обратился он уже к англичанам, — я вам оставляю пакет первой помощи, там на все есть инструкции, два комплекта сухого пайка и вот эту карту. Смотрите, в сорока пяти километрах на юго-юго-запад есть небольшое озеро. Через три дня туда прилетит амфибия, собрать погорельцев вроде вас и доставить в Илимск. Оттуда будут рейсы в Иркутск. Ваши носильщики и проводник, я смотрю, уже приняли правильное решение?

— Еще вчера сбежали, — подтвердил англичанин.

— Вот видите, с понятием люди, не то что некоторые. Кстати, вон там, впереди, где река поворачивает, наверняка волной на берег рыбы понакидало. Соберите, небось еще не протухла. Оружие есть?

— Один карабин.

— А больше вам и не надо. Да, есть к вам маленькая просьба. Тут где-то недалеко еще и французская экспедиция бродит, изучает язык эвенков. Так вот, если встретите, передайте, чтобы они тоже к тому озеру двигали, а то мы их никак найти не можем. Ну, до свидания, успехов вам в вашей научной деятельности! Автожир улетел, унося с собой профессора Скотта и его белых бурундуков.

— Сэр, вы верите, что это был метеорит? — спросил ранее молчавший второй англичанин у первого.

— Верить или не верить я буду не раньше, чем мы выберемся из этой чертовой тайги и окажемся как минимум в Иркутске! Так что, Генри, давайте собираться — если мы опоздаем, вряд ли русские будут долго ждать нас у того озера. А самим нам отсюда и за год не выбраться.

К исходу второго дня пути англичане вышли к помеченному на данной им карте озеру. У восточного края в небо поднимался дымок, и, собрав последние силы, путники двинулись туда. Через полтора часа они подошли к лагерю, который, как оказалось, разбила тут итальянская экспедиция.

— Полковник Амандо Конти! — представился руководитель итальянцев, — с кем имею честь?

— Майор Уолтер Фоссет, Великобритания. Генри Браун, мой помощник.

Пижон, подумал майор, глядя на итальянца. Небось тут просидел все время, вид как будто только из клуба. И снаряжение не пострадало, палатки вон как новые... Но быстро выяснилось, что майор ошибался.

Два дня назад к итальянцам тоже прилетал русский автожир. Но они не стали высокомерно разговаривать с его экипажем через губу, а на скорую руку организовали праздничный обед в честь гостей, даже попытались угостить их вином... Пить русские не стали, но рассказали итальянцам куда больше, чем англичанам.

Сказали, что метеорит, скорее всего, взорвется в воздухе, на высоте примерно десяти километров. Посоветовали оборудовать лагерь на обратной стороне холма, и чтобы рядом не было больших деревьев. Пилот, что-то посчитав в своем планшете, сообщил, что ударная волна дойдет до лагеря через две с половиной минуты после вспышки, то есть за это время надо будет убрать аппаратуру и занять места в убежище.

— Уникальные кадры! — разливался соловьем итальянский полковник, — мы засняли и пролет метеорита, и сам взрыв! Наши ученые в восторге.

— Вы думаете, что это был метеорит? — захотел ясности англичанин.

— Русские называли это метеоритом, — усмехнулся итальянец. — И еще они называли свой самый страшный самолет, пикировщик (это полковник произнес по-русски) — «кошкой». Кстати, я был недалеко от Пулы во время их знаменитого налета, и могу вот что сказать... Тогда, конечно, та картина представлялась просто кошмарной. Но теперь, по

сравнению с позавчерашним, она смотрится не более чем укусом комара. Перед тем, как на вас наступил слон!

Внимание майора привлекло странное зрелище — двое итальянцев что-то взвешивали на привязанной к низко расположенному суку оструганной палке с делениями и экспрессивно ругались при этом.

— Русские поставили нам лимит бесплатного веса, — пояснил полковник, — пять килограмм на человека. А то, что свыше, должно быть оплачено из расчета рубль за килограмм на километр.

— Грабеж! — возмутился майор.

— Ну, если у вас больше багажа и нет денег, они же не запрещают вам идти в Илимск пешком, это всего-то триста километров. Кстати, в «Кошке»-амфибии шесть пассажирских мест, а нас с вами уже семеро...

Следующим утром на озеро прилетела амфибия. На глаз оценив комплекцию пассажиров, пилот предложил залезать всем, один пусть на полу посидит. Хотя он может и остаться, вдруг экипажу от нечего делать захочется слетать сюда еще раз...

Когда взлетевший самолет скрылся за горизонтом, из тайги вышли отпущенные перед взрывом проводник с носильщиками и начали деловито знакомиться с оставленным улетевшими учеными имуществом.

Аэродром находился примерно в километре от собственно города Илимска, и прилетевшие на амфибии отправились туда пешком, проигнорировав две стоящие в ожидании пассажиров телеги со свежими надписями «taxi» и шашечками на оглоблях. Пилоты сказали, что иностранцам — в кремль, он же острог, это такая деревянная крепость посреди города. Действительно, кремль имел место, а город состоял из двух-трех десятков домишек вокруг него. Над самой большой башней висел плакат «летайте самолетами Аэрофлота», а ниже — стрелка с надписью «взлам сюда», показывающая в ворота. У входа путешественников ждала девушка в форме государственного комиссара третьего ранга.

— Английская и итальянская экспедиции? — уточнила она, — добро пожаловать в Илимск. Вам, как пострадавшим от тунгусского взрыва, положено бесплатное место в гостинице и бесплатное же питание. Все остальное — увы, за деньги. Телеграф — вон он, исходящие принимаются по десять рублей за знак. Дорого? Радио, господа, это вам не проволока на столбах, оно денег стоит. Имеется также отель, ресторан и пиццерия. Кассы аэрофлота — за телеграфом, но на ближайшие три дня все билеты уже раскуплены, очень большой наплыв публики. Филиал сбербанка — рядом с кассами, других банков тут нет. Для культурного досуга имеется кинотеатр, там идет «Подвиг разведчика», библиотека с подшивкой «Нивы» за четыре года и казино. Ко мне можете обращаться при любом затруднении, а пока я вас покидаю, у меня обеденный перерыв с часу до трех. Если вы тоже хотите есть — бесплатный обед перед гостиницей.

С завистью посмотрев, как полковник Конти повел свою радостно галдящую толпу в пиццерию при отеле, англичане поплелись в бесплатную гостиницу, ибо при ее наличии адмиралтейство однозначно признает траты на отель неоправданными и вычтет из жалованья в двойном размере. А этих макаронников финансируют американцы, чуть ли не сам Альперович, вот и жируют, дармоеды.

Гостиница показалась майору весьма подозрительной, ибо являлась просто сараем. Перед ним стояла полевая кухня и скучал сержант в поварском колпаке вместо пилотки.

— Прошу, господа, сегодня в меню уха и компот! — обрадовался развлечению он. — Количество не ограничено, кушайте на здоровье.

Когда англичане получили свои порции, их лица малость вытянулись. Уха представляла из себя воду без малейшего признака жира, в которой сиротливо плавали несколько неизвестных науке крупинки, кусочек капустного листа и голова какой-то мелкой

рыбки. Компот же более всего походил на ржавую воду, которой, скорее всего, и являлся.

— Сэр, неужели русские считают это едой? — удивился Браун.

— Вообще-то нет, — вдруг на чистом английском вмешался в разговор сержант, — но мы хотели сделать вам приятное и один в один скопировали меню из южноафриканского концлагеря. Так что мы это только готовили, а честь изобретения принадлежит вам.

Охваченный нехорошими подозрениями, майор заглянул в «гостиницу». Так и есть, земляной пол, двухъярусные дощатые нары и какая-то бадья в углу. Сквозь дыры в крыше просвечивало небо.

Так и не попробовав бесплатного обеда, англичане отправились в отель — довольно приличное на вид двухэтажное деревянное здание. Но, когда они познакомились с ценами, всякое желание поселиться отпало напрочь. Номера были всего двух видов, люкс и полулюкс, и последний стоил пятьсот восемь рублей в сутки. Узнав, что самое дешевое блюдо в ресторане — бутерброд с сыром — стоит семьдесят рублей, они совсем было собрались отдаться на милость бесплатного сервиса, но при выходе из отеля к ним подошел сравнительно прилично одетый мужичок из местных.

— Господам показалось немного дорого? — поинтересовался он, — могу поспособствовать. Некоторые тутошние жители пускают на постой, там же можно и столоваться. В какую сумму вы желаете уложиться?

— В пять рублей! — твердо заявил майор, неплохо знающий русские цены.

— Ну, господа, это же вам не Питер, — разочарованно протянул мужичок. — Тут вы дешевле двадцати рублей ничего не найдете, да и мне за комиссию прибавьте пятнадцать процентов.

В общем, через два часа довольные, что хоть в такой малости обманули Найденова, ибо ясно, что свистопляску с ценами устроил именно он, англичане поселились в частном секторе — всего за сорок рублей на двоих за три дня с полным пансионом и баней.

На следующий день снова прилетела «Кошка»-амфибия, привезла бельгийскую экспедицию и одного француза в обгоревших лохмотьях вместо одежды. Его экспедиция, презрев предупреждения русских, ухитрилась подобраться на тридцать километров к эпицентру, но почти вся там и осталась... Корреспондент «Пари Суар» спасся чудом, без денег и документов, и теперь ждал решения своей участи в гостинице, питаясь бесплатными обедами — впрочем, сержант, пожалев парижанина, дал ему свой старый халат и буханку хлеба.

Майор Фоссет, решив, что цивилизованные люди должны поддерживать друг друга в беде, ссудил несчастному пятнадцать рублей под расписку. Неизвестно, что решил полковник Конти, но он дал погорельцу двести рублей просто так.

Глава 5

Всю последнюю декаду июня Россия обходилась без канцлера, ибо мне хватало времени только на связанные с метеоритом вопросы, да и то не на все. В принципе, неплохо обходилась, но хорошо все же, что они падают не каждую неделю, подумал я, заканчивая закрытый доклад. Закрытый — это для тех, кому положено точно знать, что я к падению этого чуда природы непричастен никоим боком.

А те, кому этого знать было не положено, напрягали фантазию, и чем дальше, тем более интересно у них получалось.

Осенью прошлого года слегка подвинутый на астрономии смоленский мещанин Юрьев смог (с моей помощью, естественно) опубликовать свой труд о существовании в солнечной системе девятой планеты, названной им, в честь супруги, Агафеной.

Разумеется, никакого Плутона он не открыл, в его телескоп и Нептун-то было толком не видно, а мне лень было искать информацию, а потом еще и делать расчеты, где этот

Плутон в данное время искать. Просто астроном страдал излишне буйной фантазией, и, как только ему было обещано опубликовать его бред при условии вставления туда нескольких фраз, он не пожалел бумаги. В общем, планета Агафена состоит из льда, писал он, от нее периодически отваливаются куски и падают на Солнце, вот один такой двадцать лет назад взял и отвалился, теперь летит. Но на его пути — Земля, и как бы он не того... А то ведь не исключена возможность.

На этот бред обратили внимание исключительно из-за моего участия в деле, так что, когда из Иркутска в верховья Подкаменной Тунгуски потянулись дирижабли с разведывательными экспедициями, а я издал указ про то, что в том районе действительно может упасть метеорит, некоторые начали чесать в затылках.

Потом я объявил, что метеорит отменяется до весны, и отозвал экспедиции. К тому времени все, кому надо, уже знали, что под Читой построено что-то очень секретное. А весной Первый срок был назначен на третье мая, и ни одна экспедиция туда успеть уже не могла, так что кое-кто даже начал возмущаться. Тогда я перенес дату падения на шестнадцатое июня, а пятнадцатого подкорректировал ее на утро семнадцатого.

Всем международным экспедициям были вручены карты, где имелась жирная красная точка, обведенная не менее жирным кругом стокилометрового радиуса, и было сказано, что вот сюда во избежание чего-нибудь заходить не следует. То есть сомнений, куда надо идти, теперь уже ни у кого не оставалось...

От раздумий меня отвлек звонок, сообщивший, что прибыло его императорское величество. Вот ведь неймется-то ему как, подумал я, час назад только последнюю точку поставил!

— Ваше величество, — встретил я вошедшего Гошу, — кофейку или там пива не желаете? Или давайте побеседуем о чем-нибудь возвышенном. Погоды-то какие вокруг стоят великолепные!

— Доклад давай, — фыркнул Гоша, — и скажешь ты наконец когда-нибудь, что это все-таки было?

— Прямо сейчас скажу, причем совершенно однозначно — а хрен его знает! Мой доклад — он в основном про то, чем оно точно не было. Так вот, это не классический метеорит и не комета. Твоя любимая гипотеза о том, что это корабль пришельцев, не исключается. Короче, вот он, доклад, забирай, только не потеряй после прочтения.

Некоторое время Гоша боролся с искушением открыть папку и начать читать прямо сейчас, но воспитание пересилило, и он сказал:

— Ладно, а что за история с тем французом? Вечером ко мне их посол придет капать на мозг по этому поводу.

— Да обычная история, и чего они к ней прицепились? Французы залезли чуть ли не в эпицентр, как один все-таки ухитрился спастись, совершенно непонятно. Ну, доставили его в Илимск и спросили, на чье имя материальную помощь выписывать. Он говорит — корреспондент Альфонс де какой-то як, забыл я его полную фамилию. Наши, понятно, удивились — а кто же тогда капитан из второго бюро Пьер Фриан? — Ну, если я, то что, спрашивает лягушатник. — Три года за незаконный переход границы отсидите, отвечают ему, а потом и про матпомощь поговорим. Но чем-то ему этот вариант не понравился, так что сошлись на том, что пока он просто неустановленное лицо.

— Вербовать думаешь?

— Была поначалу такая мысль, а сейчас вот соображаю — да зачем? Он в Илимске местная достопримечательность, единственный, кто побывал на месте взрыва, и теперь такое корреспондентам плетет, что мне ни в жизнь не придумать! Там ведь всяких писак слетелось сотни полторы, вот этот погорелец и нашел свою нишу, бешеную деньгу на интервью заколачивать.

— Про цены мне уже жаловались.

— Блин, а как же права человека на свободное предпринимательство? Так и скажи, что

Найденов имеет право предпринимать. А что с таким размахом — так у него просто натура соответствующая. Надо же местным дать заработать в порядке компенсации, а то им весь вековой уклад жизни порушили. Зато теперь меньше двадцати рублей в день там только ленивый не зашибает, а раньше столько и в год далеко не каждый имел.

— Понятно, — кивнул Гоша, — тогда, если время будет, ты к вечеру составь про это бумажку поязвительней и пришли мне — интересно, насколько в связи с метеоритом у них терпимость повысилась. А то раньше чуть «превосходительство» с недостаточно большой буквы напишешь, сразу нудеть про протокол начинали.

— Кого ты у них превосходительством-то обзывал?

— Фальера, понятно.

— Так он же у них президент, то есть какое это в зад превосходительство? Демократия же! Подожди минутку, я сейчас... Взяв ручку, я быстро набросал:

Его Императорскому величеству (полный титул сам впишешь, у меня мозги не казенные) Георгию Первому
От президента Французской республики гражданина Армана Фальера

Заявление

Прошу подвергнуть амнистии незаконно проникшего на российскую территорию капитана П. Фриана.

Гарантирую возмещение ущерба в срок до 01.08.1908.

ФИО полностью

Подпись

Дата.

— Такое устроит? — поинтересовался я, подавая бумажку.

— Сойдет, — кивнул Гоша, — как подпишут, пусть забирают свою знаменитость. Только какой он тебе ущерб-то нанес?

— Моральный. Глядя на его вранье, я чуть комплекс неполноценности не заработал, что у меня так не получается! В общем, с них десять тысяч франков, я сегодня не жадный.

Император ушел, унося мою бумажку и доклад, а я продолжил размышления, правда, не совсем с того места, где был прерван.

Через три дня после взрыва, когда был осознан масштаб произошедшего в тайге катаклизма, мир был шокирован. Да, публиковались и метеоритные гипотезы произошедшего, но больно неубедительно они выглядели! А уж после официального подтверждения данной версии Императорской Академией Наук упоминание про метеорит и вовсе стало считаться дурным тоном.

Первыми сориентировались турки и прислали ко мне специального представителя для уточнения, чем Османская империя может помочь своему великому соседу. В данный момент онный представитель сочинял бумагу о том, что эта империя не возражает против присоединения незаконно отторгнутых у нее в тысяча восемьсот каком-то году египетских земель к Черногории. Для остальных же была начата железнодорожная операция.

Почти год на закрытой территории под Читой копились грузы, которые в принципе могли пригодиться в европейской части России — ягоды, грибы, еще чего-то там... И теперь в обстановке повышенной секретности все это грузилось в эшелоны, которые непрерывной чередой шли на закрытую базу под Киевом. Зарубежные агенты так и писали в своих донесениях — мол, отправлен эшелон номер такой-то с неустановленным грузом под видом ягод...

Англичане вдруг озаботились срочным созывом новой конференции в Гааге, на

предмет внесения корректировок в список не подлежащего использованию оружия. Дело в общем-то было неплохое, потому как Россия собиралась внести изменения в правила войны на море и теперь ждала только трибуны, с которой их можно было озвучить.

Вилли, ясное дело, тут же захотел подробностей, и ему под большим секретом сказали, что это была ракета, выстрелившая над целью снарядом из антивещества. Приличные физики у него есть, формулу «е равно эм це квадрат» я им написал, остальное сами додумают. Деморализованный Рейхстаг уже утвердил выделение четверти миллиарда марок на физические исследования, и нам еще предстояло подумать, как направить этот поток в конструктивное русло.

Но, пожалуй, был в России еще один человек, которому падение метеорита принесло не меньше хлопот, чем мне, а как бы даже и поболее — а именно моя племянница, ее двойное величество Маша. Она даже немного похудела с лица, спала по пять-шесть часов в сутки, дирижируя оркестром своих финансовых спекулянтов, и с восторгом заявляла мне, что таких мощных колебаний на биржах не было ни во время японской, ни даже черногорской войны. Гоша потихоньку начинал задумываться о том, насколько хорош профицит бюджета и как с ним бороться в случае чего.

В контакте с Машей работал и Альперович — он заранее купил на корню Теслу, профинансировал его идеи насчет беспроводной передачи полученного из воздуха электричества и теперь организовывал мощный концерн, долженствующий отобрать у русских по недосмотру великих держав взятую ими пальму технологического первенства.

А туманный Альбион недавно предоставил все имеющиеся материалы по тунгусскому феномену своему выманенному из Америки техническому гению Крису Бушу, ранее в гораздо более узких кругах известному под именем Ильи Кондратьева, а ныне в совсем узких — под агентурным псевдонимом Гейтс. И этот Буш-Гейтс уже высказал свое мнение, что ему это кажется взрывом бомбы на сгущенном эфире, судя по атмосферным явлениям после взрыва, а, главное, до него. И что доставлена эта бомба была жидкостной кислородно-водородной ракетой. Когда же он озвучил, сколько денег требуется для проведения только предварительных исследований, первого лорда адмиралтейства хватил кондратий, и теперь на освободившееся место энергично проталкивался некто Уинстон Леонард Спенсер Черчилль.

Во Франции же после первых вестей из тайги образовался всеобщий бардак, который за прошедшие две недели только вырос, и к чему там все клонится, сказать было пока нельзя. Ну, а Италия сразу после получения первых телеграмм из Илимска вдруг почувствовала непреодолимую любовь к России, которую и изливала по всем доступным ей каналам. Даже про то, что Суворов их, макаронников, освободил от французов, и то вспомнили! И про Драгомирова, объявив его ближайшим сподвижником Гарибальди. А уж какую встречу они устроили прибывшему с официальным дружеским визитом императору Николе Первому, это надо было видеть.

У меня даже появились мысли прямо сейчас осуществить свою давнюю мечту о даче — то есть купить Канары и построить ее там. В такой обстановке, как сейчас, Испания точно упираться не будет, особенно если ей пообещать, что в случае войны с Англией мы у нее отберем Гибралтар и восстановим историческую справедливость, то есть отдадим этот Гибралтар испанцам. А сами его только охранять будем, чтобы опять кто-нибудь не увел... Но, подумав, решил пока не спешить — времени на путешествия туда у меня сейчас все равно нет, только зря нервничать буду, типа а что там на моем участке, не попятили бы чего.

Теперь же мне предстояло выдать кучу документов для служебного пользования. Перво-наперво — закрытый отчет об испытаниях аннигиляционной бомбы, с выводом, что в таких обжитых местах, как сибирская тайга, столь мощное оружие испытывать нельзя.

Пожалуй, придется полигон на Северной Земле организовывать, которую тут уже открыли и назвали Георгиевской. Навезти туда пироксилина со всей России, благо его прорва, а снаряды давно пора полностью на тротил переводить, рвануть эту кучу и сказать, что все равно слишком мощно, теперь будем устраивать только подземные взрывы. Ну, и как будет близиться подходящий подземный толчок — заблаговременно закрывать Карское море и говорить, что теперь-то у нас все взрывается абсолютно безопасно.

Маша обещала мне, что по-быстрому, вот только с финансами разберется, напишет программу, заменяющую в тексте слово «ядерный» на слово «аннигиляционный», чтобы я мог пропустить через комп материалы по гражданской обороне из нашего мира — ну не самому же писать про «вспышку слева». Учения еще не помешают, пока только для военных, типа действий по А-тревоге... И какого-нибудь теоретика посадить, пусть статьи пишет о военных и экономических аспектах применения такого оружия. А то у нас ведь даже ядерной, то есть тьфу, аннигиляционной доктрины — и то нет!

Когда паника чуть схлынет, Гоша скажет несколько речей про то, что Россия осознает огромную ответственность, образовавшуюся на ней в результате владения А-оружием, и не собирается злоупотреблять столь мощным аргументом в международных спорах. Но в случае серьезной агрессии против нее — оставляет за собой свободу действий, причем самых эффективных — то есть по месту расположения вражеского правительства. То, что они, как правило, находятся в больших городах — увы, это не наши трудности, вот как-то примерно так. Ну и начинать запускать анекдоты типа «хрен с ней, с Австралией», про борьбу за мир, после которой не останется камня на камне, и так далее... Несколько лет мира точно выиграем, что будет совсем не лишним.

Самое интересное, что вся эта словесная эквилибристика была довольно близка к правде. То, что пролетающее небесное тело слишком мало для метеорита, вызвавшего такие разрушения, было видно даже на фотографиях итальянцев. А на наших можно было разглядеть, что взрывов было три, с интервалом в примерно в сто миллисекунд, два первых слабые, ну а последний — во всю мощь. И, главное, наши станции наблюдения зафиксировали мощный рентгеновский импульс, а вот продуктов распада — практически нет, только слабое вторичное излучение. Единственное, что меня утешало — я точно знал, что, кто бы не запустил в Землю бомбой из антивещества, в ближайшие сто лет он себя никак не проявит.

Глава 6

Не было бабе хлопот — купила порося! Так говорит народная мудрость. Применительно к текущим реалиям я уточнил ее до «не было дяде Жоре геморроя — так он шумиху вокруг Тунгусского дива придумал». Потому что теперь следовало определиться, как вести себя в декабре этого года.

В покинутом мной мире тогда произошло сильнейшее землетрясение между Италией и Сицилией, практически разрушившее город Мессину. Кстати, первыми на помощь там пришли русские моряки... Теперь же предстояло решить, как вести себя, заранее это зная. Можно, конечно, оставить все как было. Но ведь в этом случае наверняка кто-то начнет совершенно необоснованно вопить, что Найденов все знал заранее, потому корабли и оказались рядом! Просто в той истории такого удобного персонажа не было, а то и там бы разорались. Убирать наших моряков оттуда тоже не годится — англичане много не напасают, да и приплывут почти на день позже. Сказать, что я спрогнозировал этот катаклизм и теперь предлагаю жителям за час до него выйти в поле с вещами и посмотреть со стороны, как их город превращается в развалины? Можно, конечно, но в этом случае горожане получают свои жизни, а частично и барахло. Зато я не получу ни хрена материального! Ладно я, со мной иногда случаются приступы любви к ближнему, но ведь и

Россия тоже почти ни шиша не получит, что не есть хорошо. Думай, голова, думай... Оный предмет меня не подвел, и спустя всего полторы чашки кофе он родил мысль.

Итак, в меру своих возможностей представим себе процессы, приведшие к землетрясению. Лежит, значит, одна плита на другой, самым краешком, и не сваливается только потому, что обе плавают в магме. И вот, значит, эта магма помаленьку начала куда-то утекать. Плиты еще держатся, но скоро запас прочности кончится, и верхняя свалится с нижней. Причем чем прочнее они друг на друге лежали, тем сильнее будет «БУМ!». И мириться бы человечеству с таким положением вещей еще как минимум лет сто, если бы на данную проблему не обратил внимание Найденов!

А он скажет, что, раз плиты все равно свалятся друг с друга, надо спровоцировать этот процесс заранее. Тогда и дата будет точно известна, и сам «бум» будет существенно меньше. Как? Элементарно, господа Ватсоны. Можно, конечно, что-нибудь рвануть прямо по месту будущего разлома, но это неудобно, ибо там очень глубоко, вам, же самим придется рыть шахту от десяти до пятнадцати километров. Но можно бабахнуть и в другой, специально выбранной точке гораздо ближе к поверхности, откуда сотрясение магмы согласно положениям тектонической резонансно-волновой теории дойдет до места будущего землетрясения, многократно усилившись по дороге. И вместо катастрофы в одиннадцать баллов, которая размажет весь юг Италии по обломкам Сицилии, будет жалкий толчок лишь в семь с половиной баллов, который всего-то только и разрушит два приморских городишки...

И что нам нужно для коммерческого успеха данного мероприятия? Всего лишь знать, где в ближайшее время будет сильное землетрясение, а где слабое. Первое пойдет как пример того, что получится, если в переговорах с русскими пожадничать, второе — наоборот... А Мессина сойдет за бесплатную рекламную акцию.

Так как данная затея имела ясно видимый финансовый аспект, да и вообще являлась отнюдь не мелочью, вечером я отправил Гоше бумагу со своими мыслями по этому поводу. И уже через полтора часа последовал звонок из Зимнего, в котором племянница известила меня, что у нее не дядя, а натуральный гений. После чего трубку взял Гоша и сообщил, что идея весьма интересная, за завтра они с Машей обговорят ее между собой, а послезавтра надо встретиться всем трем — у кого, кстати?

— У меня, а то Маша до сих пор тут не была ни разу, пусть посмотрит на логово Гатчинского коршуна, — предложил я, — может, и предложит чего для улучшения имиджа.

Племянница восприняла идею серьезно, и они с Гошей, приехав на сорок минут раньше срока, устроили экскурсию по дворцу. Маша сразу сказала, что, если я хотел устроить образцовую казарму, то у меня это таки получилось.

— Неужели здесь нигде картин не было? — поинтересовалась она.

— Почему, были. Те, что представляют художественную ценность — сейчас в Эрмитаже. Те, что еще только будут ее представлять — в местной картинной галерее, это от столовой по коридору направо. А те, что даже и не будут — на складе, я их в качестве подарков использую.

— Да уж, — хмыкнул Гоша, — это надо было додуматься, устроить во дворце столовую самообслуживания.

— Так ведь у шестерки штаты не резиновые, у ДОМа тоже, а из кого еще службу набирать? — вполне резонно поинтересовался я. — Это вам нельзя, вы величества, а мне такое в самый раз. И, кстати, одна картина тут есть... Показать, это на втором этаже левого крыла?

Мы прошли в указанное место, и я показал им большой, два на три метра, парадный портрет генерального следователя Гниды при всех регалиях. Естественно, это полотно висело при входе в седьмой отдел.

— Невероятной художественной мощи картина, куда там какой-нибудь Джоконде, — поделился я с экскурсантами, — бывало, что при виде нее люди и в обморок падали. Это мне

один отставной мичман написал, он теперь тут в канцелярии работает. Вот ее не отдам, самому нужна! Ну что, посмотрелись, может, пойдем тектонику обсуждать? А то уже пора.

Обсуждение началось с того, что Гоша поделился возникшими у него мыслями по, как он назвал эту будущую контору, «Всемирной взаимопомощи».

— Цель — помогать друг другу в борьбе со стихийными бедствиями, — объяснил он, — от членов требуется подписать договоры об отсутствии территориальных претензий друг к другу, ну и какие-то взносы. Заодно это будет и карантин для желающих вступить в организующуюся Большую Четверку — ну не сразу же туда Италию, например, брать! А так посидят с совещательным голосом пару лет, послушают, как люди проблемы решают, глядишь, и проникнутся...

Дальше слово взяла Маша.

— Говорить, что мы можем железно обуздать любое землетрясение, нельзя, — заявила она. — Наоборот, надо заявить, что дело это трудное и далеко не всегда приводящее к результату — а то вон в двадцать третьем году в Японии будет почти девять баллов, и что же, говорить, что мы пятнадцать предотвратили? А вот предсказывать нужно все, странам — участницам ВВ за взносы, остальным — за деньги. Ну и пару-тройку якобы ослабить, не больше...

— Это надо, значит, какой-нибудь институт сейсмологии создать, чтобы он помаленьку изучал эти вещи, — заметил Гоша.

— В Пулково давно изучают под руководством Голицына, он даже нормальный сейсмограф уже изобрел, так что просто подбрось ему денег, а институт он и сам сделает, — предложил я. — И, когда сделает, я ему туда одну из первых ЭВМ поставлю. Кстати, напоминаю — нет в этом мире слова «компьютер»! Это чтобы вы, когда увидите, не ляпнули ненароком.

— А ЭВМ, что, уже есть? — поразилась Маша.

— Завтра Фишман мне первую привезет. Программируемых калькуляторов, ты, конечно, не видела... В общем, нечто вроде них, но чуть получше и с тумбочку размером.

— Постой, помню, у отца такой был... работает только с цифрами, то есть набираешь на клавишах последовательность вычислений, потом там еще кнопки «если, то» и отсылка к подпрограмме... Это?

— Примерно.

— Так ведь убогость же полная!

— За эту «убогость» при разработке, например, ядерного проекта Курчатов бы тебе, что хочешь, отдал, — уточнил я. — И у нас Иоффе, когда узнал, что эта штука сможет делать, чуть в пляс не пустился... Впрочем, ему-то посерьезнее машина готовится, правда, чуть попозже. Кстати, Главный Вычислительный Центр тоже тут будет, это то, что строят за дворцом у пруда.

— А, — рассмеялась Маша, — вот оно что! Я-то в толк никак не могла взять, что там такое — средства идут через «ДОМ», но архитектура для борделя ничуть не подходит...

— То есть как это? Вполне красивый был домик на картинках нарисован! Я их лично утверждал, вместе с архитектурными излишествами. Чем плохо?

— Тем, что это просто хрущевка, только почему-то с тремя колоннами у центрального входа и башенкой на крыше, — объяснила Маша. — У нас ведь теперь Архитектурный комитет есть, с твоей же подачи там великий князь Павел заправляет, а у него, в отличие от некоторых, вкус есть! Знала бы, что это у тебя не веселый дом, а ВЦ, попросила бы поучаствовать в проектировании.

Как и ожидалось, на следующий день Боря действительно привез мне первую, сделанную в этом мире ЭВМ. Несмотря на умеренность своих возможностей, тем не менее, она была большим подспорьем в научных, инженерных и прочих расчетах, но главное — на таких машинах вполне можно будет готовить кадры. А вот ВЦ в ближайшие годы будет

функционировать в несколько оригинальном режиме — при всех Бориных успехах он мне твердо сказал, что до машины даже вроде СМ [СМ ЭВМ — семейство управляющих вычислительных машин, разработанное в СССР в конце 70-х.] ему пока как до Пекина раком. Так что в главном зале, доступ к которому закрыт всем, кроме меня, величеств и Бори, будет сиротливо торчать обычный комп. А в комнатах ВЦ расположатся терминалы — то есть клавиатура, электрическая печатная машинка, устройство ввода на перфокартах и цифровое табло.

Для проверки я запустил Борино творение считать число «пи» и, вопросительно посмотрев на его кобуру, достал из сейфа пару стаканчиков. В ответ Фишман полез в портфель и вытащил оттуда четвертинку с водкой имени себя, а потом продемонстрировал, что в кобуре у него не фляга, а ПФ.

— Я же прямо от тебя в Петергоф еду, — пояснил он.

— И что, там пора кого-нибудь прибить? Так давай позвоним, Танины девочки мигом все сделают, — не понял я.

Тут надо сказать, что в Петергоф Боря собирался отнюдь не в целях повышения культурного уровня путем созерцания тамошних фонтанов — еще полгода назад он познакомился со здешней второй вдовствующей императрицей, то есть Алисой.

Первое время после смерти Николая она против своего желания вдруг стала чем-то вроде центра кристаллизации для недовольных Гошиной политикой. Но, потом, по мере их нейтрализации, вокруг нее начал образовываться вакуум. Она даже выразила желание уехать в свой Дармштадт, но Гоша ответил, что это нежелательно. Причем ответил достаточно сухо, ибо Алиса не смогла найти лучшего времени для своей просьбы, чем момент, когда Маша с минуты на минуту собиралась рожать. Однако придворному планктону этого оказалось достаточно, чтобы сделать вывод об опале вдовы Николая, и вроде даже начали появляться желающие ее, походя пнуть. Я уже собирался устроить показательное действо на тему о том, что кого пинать — это решать вовсе не им. И кто этим будет заниматься — тоже, а всякая инициатива тут неуместна! Но, выходит, рыцарь Фишман хочет навести там порядок прямо сейчас.

— Попадешь хоть? — продолжил сомневаться я, — они же метаться будут резкими скачками, тут тренировка нужна.

— Тьфу, на тебя с твоими живодерскими шуточками, просто надо показать, что за Алису теперь есть, кому заступиться.

— Тогда ты метод какой-то неэффективный выбрал. Бери с собой папку, как увидишь кого — открываешь ее и задумчиво переводишь взгляд с объекта на бумаги и обратно. Все, больше ничего не потребуется, как миленькие вылетят из Петергофа впереди собственного визга. Вот только неужели Алиса так и терпит твою кобелиную сущность?

— Она любвеобильная, а не кобелиная, — важно пояснил мне Боря, — и умные люди прекрасно понимают разницу. Тут другая трудность есть — после всех этих передраг у нее сильно религиозность повысилась, Алечка страдает, что ей со мной приходится жить во грехе... У тебя знакомого попа не найдется, который ей объяснит, что это не так страшно? Только настоящего, чтобы поверила.

— Который настоящий, он за такое предложение меня тут же анафеме подвергнет, невзирая на мундир, — усмехнулся я, — хотя есть, конечно, и такие, на которых и вовсе пробы ставить негде... Стоп, идея. Пусть Гришка ей это объяснит, у него точно получится, я Распутина имею в виду. Правда, этот жук вполне может у тебя даму-то и умыкнуть.

— Какой-то Распутин — у Фишмана? Жора, мне даже не смешно. И, кстати, твое «пи» готово, так что давай за успехи здешней кибернетики!

Закусив огурцом, Боря продолжил:

— У терминалов я специально память ограничил — пусть местные мозги тренируют в условиях недостатка ресурсов. С мегабайтом любой дурак, что хочешь, напишет, а ты попробуй вывернуться на шестнадцать кило!

— Кстати, у этого твоего арифмометра сколько?

— Шестнадцать программ по двести пятьдесят шесть шагов. Да, при его разработке мне здорово твой протеже Лузин помог — пора под него институт прикладной математики делать. И это, ты насчет Вернадского не думал? По-моему, не помешает ему ноосферой заняться, ибо твое вмешательство в дела этого мира уже потихоньку выходит на глобальный уровень.

— Сам думал, но тут имеется тонкость — у Владимира Ивановича хобби такое есть, делиться сомнениями с кем, ни попадя. Так что лучше я пока воздержусь. Да чего такого я тут особенно глобального навывтворял, по-твоему?

— Ну как же, выброс угарного газа в атмосферу ты точно увеличил в разы, сравни потребление нефти в той России и в этой.

— Зато в японской войне стреляли почти втрое меньше!

— И не там, где у нас, кстати, я про это тебе и говорю. Кстати, то землетрясение в Италии — мы же с точностью до минут знаем, когда оно началось! А, значит, любое отклонение будет результатом твоего вмешательства.

— Я с этим уже сталкивался, когда прогнозы погоды писал. Значит, в дневниках одного очевидца было написано, что пятого февраля четвертого года в Артуре установилась отличная погода. Открываю дневники другого и с удивлением читаю, что весь этот день был шторм! Потом сам дожил до пятого и увидел мокрый снег при низкой облачности и довольно сильном ветре. Так что это просто источники врут, на то они и очевидцы, а вовсе не глобальные последствия моей скромной деятельности.

— А вообще-то тебя сомнения не гложут?

— Не вижу оснований для их аппетита. Население России здесь растет быстрее, чем там? Вроде да. И потом, если ничего не делать, то впереди мировая война с десятью миллионами жертв. А здесь, кажется, удастся ее в худшем случае свести к локальным операциям, а то и вовсе предотвратить... А точно можно будет только в двадцать шестом году сказать, если доживем — то есть сравнить состояние дел у нас с данными тогдашней переписи. Потому как у той, что мы сейчас проводим, аналога не было.

— Кстати, не поделишься, что там Георгий про свой род занятий написал?

— Ну, уж не «хозяин земли русской», понятно. Просто «император», и все... Но мне почему-то показалось, что совсем без прикола оставлять такое мероприятие нельзя, и в моей бумажке графа «род занятий» заполнена как «дядя Жора».

Глава 7

Ранее я уже упоминал о том, что родился в деревне Григорьково. Но ее я совсем не помню, так как, когда мне было три года, родители переехали в расположенное недалеко село Кесова Гора. Там я прожил до девяти лет, да и после был регулярно сплавляем туда на каникулы. Последний раз я был там в конце семидесятых... Правда, была мысль как-нибудь сгонять туда на выходные и посмотреть, во что превратилось место моего детства, но заход в интернет убил ее на корню.

Бывшего нашего дома больше не было. На месте заднего огорода пролежала улица, а пруд, из которого мы с соседской ребятней таскали карасей, исчез. В общем, смотреть на то, во что превратилось село через пятьдесят лет после моих первых о нем воспоминаний, особого желания более не возникало. Но тут вдруг появилась возможность глянуть, чем оно было за те же пятьдесят лет, но до того!

Первая мысль устроить себе экскурсию возникла еще осенью шестого года, но выбрать несколько дней и просто съездить туда я смог только теперь. Ну, не то чтобы совсем просто так — надо было своими глазами посмотреть, как живет обычное село Тверской, например, губернии, и почему бы не сделать это в хоть сколько-нибудь знакомой обстановке?

Но, как вы понимаете, просто так сесть в свой поезд и, имея при себе взвод охраны, десантироваться на деревянном вокзальчике, а оттуда на бронированном лимузине ехать потрясать мундиром, бородой и очками местную управу... Нет, в данном случае это не наш

метод, мне же нужна реальная картина, а не созерцание потрясенных рож местного руководства. Так что ему была просто отправлена телеграмма, что, мол, приезжает бригада по проведению всеобщей переписи, коей, то есть бригаде, надо оказать всяческое содействие.

Бригада состояла из трех господ в сопровождении двух дам, (то есть сборная команда от Алафузова и Танечки), а я к ней присоединился уже в Кашине, прилетев туда якобы с пакетом для моего комиссара. Все-таки иметь характерные приметы очень удобно — ибо, избавившись от бороды и зеркальных очков, да еще в штатском костюме, я настолько перестал напоминать канцлера, что не было даже нужды перекрашиваться.

Час пути под неторопливый перестук колес натужно ползущего поезда — и мы на месте. Наш вагон был отцеплен и загнан в тупик, поезд уехал, а мы в сопровождении местного предводителя дворянства и исправника поехали к месту приготовленного в нашу честь обеда. На их бричку, или как там называлось подогнанное для нас транспортное средство, мы садиться не стали, а по-быстрому выгрузили из вагона «Чайку», на которую изволили воссесть начальник бригады коллежский секретарь Никодимов с просто секретаршей, ну а я, в шоферской куртке и кожаной фуражке, занял свое место за рулем. Рядом со мной сел якобы помощник господина секретаря и, стреляя двухтатником чуть ли не на полсела, «Чайка» вслед за двумя колымагами поползла в центр. Я с интересом оглядывался.

Там, где во время моего детства был стадион с танцплощадкой, ныне имелось что-то вроде небольшого запущенного парка с клумбой посередине. Улица, которую я знал как Ленинскую, не изменилась совершенно, вот только столбов на ней не было и называлась она наверняка не так. Мне было даже интересно — в какой из четырех имеющихся в селе двухэтажных домов мы едем — в сельсовет, милицию, промтоварный магазин или начальную школу? Ибо средняя была построена уже в тридцатые годы.

Когда мы въехали на площадь (названия не имеющую, ибо она была одна), я получил ответ на свой вопрос. Двухэтажных домов было не четыре, а пять! И тот, куда мы ехали, стоял на месте будущей средней школы. Начальство, то есть секретарь с секретаршей, было приглашено откусать чем бог послал, а нам с охранником предложили пройти на кухню. Мы отказались, ибо неподалеку маячил довольно интересный объект. Трехэтажный дом! Причем стоял он на месте, где в моем прошлом мире никогда ничего не было, кроме ста с лишним летнего дуба. Дуб, кстати, имелся, и почти такой, каким я его помнил, только теперь он был внутри ограды этого домовладения. Само же оно представляло собой неплохую иллюстрацию к выражению «мой дом — моя крепость». Первый этаж не имел окон, только что-то наподобие узких амбразур метрах в двух от земли. Второй был уже нормальным, а третий являлся чем-то типа хорошей дачи, построенной на крыше двухэтажной кирпичной коробки. Территория обрамлялась забором из чугунных прутьев, стилизованных под копыя. От площади к ней вела гравийная дорожка длиной метров двести. Я подъехал к этой непонятно откуда взявшейся в моей деревне гасиенде.

За домом обнаружили хозяйственные постройки, причем самая большая явно являлась гаражом. Оттуда доносились звуки заводимого на переобогащенной смеси движка «Чайки» — перепутать их было не с чем.

Дрых, дрых. Бах-бах-бах! Хлоп. — Да е..... ь, железяка...ва! — Дрых, дрых...

Я посигналил. Из гаража вылез молоденький, не старше двадцати лет, парнишка и оторопело уставился на незнакомую «Чайку» перед забором.

— Маетесь, молодой человек? — поинтересовался я.

— Ой, и не говорите... А откуда вы, и как вас величать-то?

— Зовут меня Андреем Георгиевичем, я из Москвы, привезли вон к вашему предводителю счетную комиссию по переписи. Он ее сейчас обедом кормит, а мы пока прогуляться решили... Вам помочь?

Неисправность оказалась простейшей — к запорной игле карбюратора прилип комочек какой-то дряни, из-за чего карб и заливало. Когда я его прочистил и поставил на место,

мотор тут же завелся, с минуту чихал, отплеываясь от натекшего в картер бензина, а потом заработал нормально.

— У Нобеля небось бензин покупаете? Зря, дерьмо — оно и есть дерьмо, я так езжу исключительно на георгиевском. А вы, значит, здешний механик?

— Да, меня Василием зовут, извините, что сразу не представился. Может, подождете, пока наш мастер с поля подъедет? С минуты на минуту должен быть, да вон, его уже видно.

Действительно, примерно в километре от нас по грунтовке меж полей поднимался хвост пыли. Минуты через три стало видно, что это еще одна «Чайка».

Вообще-то это мое детище оказалось неплохо приспособлено именно к сельским условиям — ну и для небольших городков вроде близкого Кашина. В старом мире нечто подобное выпускалось под именем «Кинешма», но никаким особым спросом она не пользовалась. Машина элементарно опоздала — с пятидесятых и по конец семидесятых годов ей бы просто цены не было! Ну, а тут она пришлась кстати.

Из подъехавшей когда-то зеленой, а теперь просто пыльной машины вышел водитель и подошел к нам. Что-то в нем показалось мне несколько неправильным... Ё мое, да у него же вместо правой руки протез! Причем с каким-то кольцом на конце, видно, чтобы удобнее было цепляться за рычаг скоростей.

Тем временем приезжий пялился на меня даже с большим изумлением, чем я на него.

— Ваше высоко... простите, сиятельство?

Ну вот, подумал я, опознали... И спросил:

— Руку — это на войне?

— Так седьмого же февраля, как раз в том налете, где вы японцам дали прикурить, а потом вас сбили. А меня чуть ли не первой бомбой накрыло, когда мы «Тузик» ко взлету готовили. Я еще видел, как вы мимо меня пробежали — и на взлет, и сразу она бабахнула... Я тогда в БАО первого полка служил, сержант Ненашев. Да что же вы на улице-то стоите, прошу в дом! Васек, сбегай, распорядись, чтобы большой стол накрывали.

— Стоп, прежде чем бежать, прошу уяснить — я здесь инкогнито, то есть под чужим именем. Василий, это для вас персонально — нет тут никакого канцлера! А есть отставной лейтенант Корейко, который, скажем, с вашим мастером служил в Артуре и был там его командиром. Ясно?

— Так точно, вась сиясь! — вылупил глаза механик.

— Да не сиятельство я, а светлость, но это только если в Питер ко мне в гости приедете. А здесь, если уж так приспичит титуловать, обзывайте благородием. Господин сержант, а вас как по имени-отчеству?

За обедом я начал расспрашивать, откуда тут взялся этот только что, по всем признакам, построенный дом, и вот что услышал.

Здесьние земли с доисторических времен были родовой вотчиной Прозоровских, а с середины прошлого века — Прозоровских-Голицыных. Барин, однако же, жил в основном в Твери и Питере, а тут распорядился управляющий, отец сержанта Петра Ненашева. Когда два года назад объявили земельную реформу, управляющий воспользовался моментом.

— У Прозоровского что, платежи по залогам просрочены были? — поинтересовался я.

— Ну да, а отец взял кредит... то есть я взял...

Понятно, подумал я, знание обстановки и наверняка имеющаяся пройдошистость Ненашева-старшего да плюс ветеранские льготы младшего... Небось баре лишились лучших земель. На просьбу рассказать поподробнее сержант неуверенно спросил:

— Ге... то есть Андрей Георгиевич, а можно отца пригласить? Он сейчас в Болдеево, это десять километров отсюда.

Я чуть не ляпнул «да знаю, я туда за белыми грибами ходил», но вместо этого сказал:

— Приглашайте, только не говорите, зачем, тут скажем.

— Васек, слышал? Мигом лети в усадьбу, скажи, что ко мне командир приехал и

Сергея Фроловича приглашает. Из самого Питера командир!

— Из Москвы, — уточнил я.

— Давай, Васек, быстрее, только машину не поломай.

Через минуту со двора донесся треск отъезжающей «Чайки».

Старший Ненашев оказался представительным господином с самую малость преувеличенно честным лицом. Зато, когда он узнал, кто именно сидит перед ним, честность и благородство его облика на глазах просто-таки вышли за рамки приличия! Мы разговорились.

В общем, свежееобразованный кулак имел примерно полторы сотни десятин земли, где у него росли хлеб, лен и немного картошки. Имеющийся в селе льнозавод он тоже недавно купил и вот теперь подумывал об организации ткацкой фабрики. Более того, соседний помещик, Ушаков, недавно поимел какие-то неприятности с законом, и как раз по поводу освободившейся усадьбы Ненашев в Болдеево и ездил.

Так, сделал я пометку в памяти — надо выяснить, этот Ушаков попал под раздачу в плановом порядке или по доносу, и если последнее — то по чьему.

— Ну, а вообще-то по какому пути тут реформа движется? — поинтересовался я.

— Да по всем сразу. Здесь, в Кесово, образовали обхоз, но только что-то не верится мне, что у них что-нибудь дельное получится — вон, в прошлом году как первую прибыль получили, так и разделили ее без остатка, а трудодни ставили всем поровну. В Хорошево как была община, так и осталась. Ну, а я тут помаленьку стараюсь, весной вот два трактора купил, кажется, не зря денежку за них выложил.

— Рубли или бабло?

— Ну конечно, бабло, лен-то у меня по этой программе берут. А вот скажите, Георгий Андреевич, правду говорят, что китайцы очень трудолюбивые и почти ничего не кушают?

— В тарелки к ним не лазил, так что про аппетит сказать ничего не могу, а вот про трудолюбие — в самую точку, работать могут хоть круглосуточно. Хотите, познакомлю? Господа Ли их зовут, один старший следователь, другой младший.

Мой собеседник малость сбледнул с лица, видимо, уже слышал что-то на эту тему.

— Это на каких тут работах китайцы понадобились, — продолжил я, — думаете, дешевые кредиты вам для чего дают? Чтобы вы российским подданным рабочие места создавали, а не везли мне сюда китайцев! И таджиков тоже не нужно, сразу предупреждаю.

По столыпинской реформе был разрешен выход из общины — либо с тем наделом, что имелся на момент выхода, либо с денежной компенсацией за него. Причем если община не могла оплатить оставляемую ей землю, то это делало государство, а потом сдавало ее в аренду той же общине либо образованному на ее месте обхозу. Вообще-то это был просто колхоз, но слово «коллективный» мужикам было не очень знакомо, так что он назывался «общинным хозяйством». Так вот, обхозу эти земли сдавались в аренду по пониженной ставке. Ну, а помещикам были несколько ужесточены условия залога, за малейшее нарушение которых они лишались части земли, а закон вдруг воспылал нездоровым интересом именно к этой группе населения. Нет, липовых дел им не шили, но за действительно сделанное очень быстро наступал пушной зверек с конфискацией. Причем узаконенная «сделка со следствием» в данном случае выглядела просто — сам отдай часть земли, какую — зависит от тяжести содеянного, тогда сажать не будут.

Понятно, что некоторая часть мужиков из общины вышла, если не сказать, на крыльях вылетела в первый же день реформы и на вырученные за землю деньги села пить водку. Однако даже самым экономным этого хватило только на полгода, а потом пришлось идти или в батраки к кулакам, или уезжать в город на заработки. И понятно, почему при таких сезонных рабочих Ненашеву хочется китайцев...

— Вы хоть понимаете, почему нормальные мужики неохотно идут к вам в рабочие? —

поинтересовался.

— Так чего тут не понять, зимой-то им на что жить?

— А до того на что жили? На то, что осенью соберут, и впритык до нового урожая хватало в нормальный год. А у вас, при больших полях, более правильной агрономии и механизации производительность труда должна быть выше, а значит, мужик тоже должен иметь возможность сделать запасы на зиму. Она есть?

— Ну, если не лениться...

— Ясно. О программе госзаказов на сельхозпродукцию слышали? Ах, не дошла еще сюда... Ладно, это я разберусь. Значит, есть такая программа. Участвующим в ней хозяйствам бабловые кредиты идут без процентов, но эти хозяйства должны обеспечить минимальный пакет социальной защиты своим работникам. Основная потребная продукция — продукты длительного хранения. Консервный завод организовать не хотите? Заодно будет чем мужикам зимой заняться. Причем если согласитесь сделать так, чтобы кроме основной продукции он мог и еще что-нибудь полезное выпускать, вроде мин или корпусов для ракет, будет прямая материальная помощь. Правда, и комиссар третьего ранга в нагрузку — но ведь при общении с местными властями он может оказаться очень кстати. Так что подумайте. А поросенок с хреном у вашего повара замечательно получился, так ему и передайте.

После обеда я отвез свое «начальство» в управу, а сам проехался в дальний конец села, на улицу Грачи. Когда-то, лет пятьдесят вперед-назад, там жила моя первая любовь, но сейчас на месте того дома обнаружился полуразвалившийся сарай без чего бы то ни было внутри. Я проехал еще чуток, до речки Кашинки, убедился, что мост тут куда приличней, чем я его помнил по последнему посещению, и, пройдя по берегу метров сто, вышел на место, где когда-то регулярно ловил пескарей на удочку. Река была заметно полноводней, вода — чище, а пескарей в ней плавало больше, да и вроде они выглядели как-то пожирнее. А еще говорят, что в детстве все было лучше! Врут, наверное.

Глава 8

Увы — как и все остальное хорошее, мой отдых на будущей родине продолжался недолго. Следующим утром мне даже не дали выспаться — а именно, растолкали и сообщили:

— Срочная из Москвы, взорван ваш дом в Нескучном.

— Однако! — буркнул я. — Действительно, пора просыпаться.

Пока я умывался и одевался, пришла вторая депеша, с подробностями. Оказывается, в девять пятнадцать, когда я бы точно дрых, но мой двойник, на свое счастье, давно встал и разминался в саду, прилетела «Кошка». Примерно с километра она вошла в пикирование, да так и не вышла из него до самой встречи с крышей моей резиденции. Судя по всему, в «Кошке» была полутонная бомба, потому что на месте Орловского домика теперь воронка. В момент взрыва там находились дежурный секретарь и повар с помощником. Обе нелетучие кошки, то есть зверьки с хвостами, целы, в момент атаки они гуляли. Среди охраны есть раненые.

— Ох, блин, ведь только-только ремонт сделали, — вздохнул я, — а теперь, наверное, придется в Кремле бомжевать. Юрий, заводите «Чайку», через пять минут выезжаем.

За час с минутами мы одолели тридцатикилометровую полосу препятствий, то есть дорогу до Кашина, а затем «Кошка» со мной на борту взяла курс на Москву. Еще через час с небольшим мы уже садились в Тушино. Там меня уже ждал доклад из Георгиевска, от «Дома». Описано там было вот что.

Итак, в восемь утра лейтенант Коньков, кстати, участвовавший в черногорской войне, а ныне летчик-испытатель Георгиевского авиазавода, вылетел на очередное испытание новой фугасной авиабомбы. Однако над полигоном он не появился, а взял курс на Москву... Через

час мой дом превратился в воронку. Через час пятнадцать, то есть когда об этом стало известно в Георгиевске, оперативный дежурный застрелился. Его помощник арестован и сейчас допрашивается. Результаты расследования будут сообщаться по мере их поступления.

На катере я быстро доплыл до места своего бывшего домовладения. Да, если новый дом строить на старом месте, то у него будут очень хорошие подвалы, подумал я, глядя на свои руины. Подбежавшие ко мне обе кошки громко, перебивая друг друга, начали жаловаться на творящиеся вокруг бардак и беспредел. Взяв их с собой, я поехал в Кремль, где имелаась Гошина резиденция — он уже успел дать мне разрешение на ее временное занятие. Двойник, кстати, даром времени не терял, а сразу после взрыва вышел к сбежавшимся зевакам и сообщил, что канцлер цел, враги промахнулись, и в ближайшее время он ими займется, а вы, уважаемые, лучше шли бы себе потихоньку по домам, тут сейчас совершенно не до вас.

Так что мне оставалось только ждать хоть каких-нибудь новых вестей из Георгиевска.

Во второй половине дня они появились, но яснее от этого не стало. Лейтенант-камикадзе политикой особо не интересовался, правда, какой-то его дальний родич еще до японской войны стал инвалидом, невзначай попав под взрыв эсеровской бомбы, так что в симпатиях ко всяким левакам заподозрить его было трудно. Характер всегда имел замкнутый, а последний месяц, по мнению сослуживцев, это даже усилилось. Сирота.

Действия же аэродромного начальства, то есть оперативного дежурного, были ярким образцом бестолковости. Получив донесение о том, что в назначенное время «Кошка» не появилась над полигоном, он почему-то поднял в воздух не дежурную пару «Ишаков», а «Тузика» с наблюдателем. Полчаса этот самолетик — один! — утюжил воздух между аэродромом и полигоном, пока летнаб не заявил однозначно, что никакой катастрофы тут не было. Тем временем из Подольска сообщили, что над городом, направляясь в сторону Москвы, пролетела «Кошка» номер семьдесят три, и только тогда дежурный поднял на перехват «Ишаков». Но при всем своем преимуществе в скорости догнать беглый бомбер они никак не могли... А оперативный все тянул и тянул с докладом наверх, и решился на это только примерно тогда, когда «Кошка» уже завершила свое последнее пике. В общем, почему он застрелился, особых вопросов не вызывало. Но что-то мне показалось в представленной картине неполным...

Сирота. А жил он где, кто его растил и воспитывал? Не из-под забора же он попал в авиацию! Будем надеяться, что в следующем докладе это прояснится — заглянуть в личное дело нетрудно.

К обеду следующего дня в Кремль явилась Татьяна с докладом. Некоторое время она с любопытством оглядывалась, ибо и в Кремле вообще, и во дворце в частности была впервые в жизни, но быстро перешла к делу.

— В общих чертах дело можно считать раскрытым, — сообщила она, — правда, тут есть интересные частности, с которыми придется повозиться. Надеюсь, что это вы поручите именно мне.

— И долго еще интриговать меня будете? В конце концов, мне тоже интересно, кто заварил всю эту кашу. Неужели Пакс до наших пилотов дотянулся?

— Вот это и есть те самые тонкости, в которых надо покопаться, но не они являются основной причиной. Шеф, мне даже как-то неудобно... Однако похоже, что главная причина — вы сами. Ваша статья в «Ведомостях» — помните? Да, та самая, про комиссаров.

Видя, что я по прежнему далек от полного понимания сути проблемы, Татьяна продолжила:

— Давайте я все по порядку изложу. Итак, родители Конькова умерли от тифа, когда ему было четыре года. Мальчика взял в семью двоюродный брат его отца. А в начале июня вы послали в Москву очередного своего комиссара, разобраться, почему полиция ничего не может или не хочет сделать с Хитровкой. Этот комиссар энергично взялся за дело, но девятнадцатого июля с ним случилось досадное происшествие — под колеса его автомобиля

попал человек, вам про это наверняка докладывали.

Помню, подумал я, было такое. Комиссар сбил какого-то рабочего, у пострадавшего несерьезные травмы, его тут же доставили в больницу, а к вечеру урегулировали вопрос с компенсаций. Более того, я вспомнил, что в той аварии явно виноват мой комиссар, потому как пешеход находился на одном из имеющихся в Москве семи пешеходных переходов. Однако групп разбора ДТП в Москве еще не было, они пока имелись только в Георгиевске и в Питере. В принципе, надо было, конечно, поглубже поинтересоваться подробностями, но ведь дело происходило через день после Тунгусского бабаха!

— Итак, — продолжила Татьяна, — у пострадавшего были переломы руки, двух ребер и сотрясение мозга. Предложенная комиссаром Ладейниковым компенсация в двести рублей его вполне устроила, но через три дня он внезапно скончался в больнице. Так вот, этот пострадавший был приемным отцом Конькова. Да, и еще один штрих. Ладейников ехал со встречи с Гиляровским, где, по словам последнего, каждый из них употребил грамм по двести водки.

— Та-а-к, — начал потихоньку звереть я, — а вот про это мне никто не докладывал. И насчет легких травм, от которых люди мрут, тоже...

— Коньков, судя по характеристике и словам сослуживцев, — продолжила Татьяна, — был человеком очень обстоятельным и необдуманных решений не принимал. Так что он три недели ждал вашей реакции на это происшествие... Но комиссар выполнил свое задание и уехал в Питер, а через несколько дней появилась ваша статья, где вы разъясняли обществу статус своих комиссаров. Что за некоторые нарушения законов, если будет доказано, что предотвращенный ими вред значительно больше причиненного, они ответственности не несут. А за нарушения, не связанные непосредственно с их заданием, ответственность на общих основаниях, но всегда по верхнему пределу. Так вот, Коньков ждал еще две недели. Увидев, что ничего не происходит, он, видимо, сделал окончательный вывод, кто виноват во всей этой истории.

У меня появилось большое желание прямо тут же попросить Танечку устроить несчастный случай всей дирекции моего комиссариата. Но, пожалуй, лучше сначала узнать ее мнение...

— Директору — пора, — без особых сомнений заявила дама. — И даже не по результатам этой некрасивой истории, а вот из каких соображений. У ваших комиссаров очень большая власть, но не своя, а отраженная от вашей, так сказать. В комиссариате нет ни оперативных, ни силовых подразделений. Когда они бывают нужны, просто временно задействуются люди полковника или мои. Так вот, директор недавно родил приказ о кадровом резерве, скоро принесет вам на подпись. Суть его в том, что лица, по тем или иным причинам не попавшие в школу комиссаров, могут поступить на службу в так называемый отряд кадрового резерва. Откуда якобы, если вдруг появится вакансия, можно поступить в школу... А на деле — обычное вооруженное формирование.

Через четыре дня в малом конференц-зале Гатчинского дворца состоялась встреча канцлера с общественностью. В качестве нее выступали полтора десятка репортеров обоего пола от газет разных направлений, трое летчиков из Георгиевска и представители политических партий.

Я кратко изложил предысторию вопроса. Народ начал с интересом рассматривать комиссара Ладейникова, сидевшего под охраной в углу зала.

— Данное деяние, — продолжил я, — было совершенно вне всякой связи со служебными обязанностями. А, значит, совершивший его подлежит суду на общих основаниях, но никакой меры наказания, кроме максимальной, суд назначить не имеет права. В случае непредумышленного убийства это семь лет. Господин Ладейников, у вас есть фантазия или вам рассказать, как отнесутся хоть уголовники, хоть политические к оказавшемуся в их компании бывшему комиссару?

Судя по виду комиссара, фантазия у него была.

— Однако, — продолжил я, — учитывая ваши прошлые заслуги, принято решение предоставить вам выбор, который вы и сделаете прямо сейчас.

Ладейников оторопело уставился на протягиваемый ему одним из охранников пистолетик двадцать второго калибра.

— Там один патрон, — пояснил я.

Несколько минут в зале стояла мертвая тишина, а потом ее прервал негромкий хлопок выстрела. Один из репортеров дернулся было вперед, но застыл, увидев направленные на него пистолеты охраны.

— Можете подойти и убедиться, — разрешил я, — фотографировать тоже можно, на это вам дается три минуты.

— Да, и еще одна новость, — продолжил я по истечении этого срока. — Сегодня ночью от острой сердечной недостаточности скончался директор Государственного Комиссариата господин Загрядский, царствие ему небесное. В некрологах же можно отразить следующую мысль...

Я отпил воды из стакана и продолжил:

— Комиссар неподсуден, пока он действует в рамках своего задания. За совершенное вне этих рамок он получает максимальное наказание. Если же упомянутый комиссар действует против государственных интересов, руководствуясь какими-то своими, то живет он ровно до того момента, когда его художества станут известны вышестоящему начальству.

Гоша, естественно, был в курсе происходящего. Правда, в известность о Танечкиных планах я его не ставил — ибо это внутреннее дело моих спецслужб. А сказала мне Татьяна вот что:

— В принципе, конечно, может быть и такое, что Коньков дошел до решения своим умом. Но не менее вероятно, что его кто-то очень тонко и незаметно направлял... И есть тут еще одна странность — отсутствие хоть какой-нибудь предсмертной записки. Оно, конечно, он пилот, а не писатель, но все же мне это кажется несколько странным. Вот, собственно, на расследование чего я и просила санкцию в начале нашей беседы.

Так вот, этого я Гоше не говорил, но он сам спросил меня:

— А ты не допускаешь, что кто-то выучил маршруты поездок комиссара, потом назначил потерпевшему место встречи, а в нужный момент просто окликнул его, например? И в это же время другой кто-то начал потихоньку нашептывать лейтенанту нужные слова...

— В принципе допускаю, — согласился я, — и уже начал помаленьку разбираться в этом.

— Значит, если выяснится, что все так и было, ты сможешь воскресить этих двоих?

— А зачем? Наказали же их не столько за само происшествие, сколько за то, что вместо мгновенного и четкого доклада на самый верх они начали замазывать картину. Если бы это расследование началось сразу, насколько больше было бы шансов на успех!

— Вообще-то в твоём мире власть давит людей чуть ли не сотнями ежегодно, и ничего, а тут ты с первого случая на дыбы взвился. Причем даже без «Кошки» тебе на крышу было бы то же самое, как мне кажется. Почему?

— Вот как раз потому, что я у себя на это посмотрелся. И здесь согласился быть канцлером при императоре именно России, а не оккупированной территории, население которой можно давить чем хочешь в любых количествах. Кстати, в деле защиты себя от народа власти того мира съели не одну собаку, нам до них далеко. Там бы самолет, пилот которого вдруг решил отбомбиться по какой-нибудь чиновной сволочи, вряд ли имел бы хоть какой-то шанс это сделать. Блин, хоть и противно чувствовать себя похожим на тех, но придется, пожалуй, всерьез заняться этим вопросом...

— Это ты на компенсацию намекаешь? Могу выделить средства, как лишившемуся крова погорельцу.

— Обойдусь, и сам еще не до конца обнищал.

— Да, кстати, Маша просила передать, что она умоляет тебя не строить на месте

Орловского домика хрущевскую пятиэтажку. Так что к тебе на днях зайдет наш генеральный архитектор, то есть великий князь Петр, на предмет согласовать проект твоей будущей московской резиденции.

Вечером я с некоторым трудом поборол желание напиться до отключки, а вместо этого начал думать о выводах, которые следует сделать из этой истории. Самый простой и лежащий прямо на поверхности, то есть создать еще одну спецслужбу по присмотру за комиссарами, я отмел сразу. Потому что если идти по такому пути, то для комплектования этих постоянно плодящихся контор в России элементарно не хватит населения! Так, стоп, значит, население, оно же народ... Вот уж он-то, как правило, всякие злоупотребления видит прекрасно. Но, опять же есть примеры, если бездумно поощрять такие вещи, так скоро одна половина России начнет писать доносы на другую. Значит, этим должны заниматься не все, а только некоторые. У которых совесть есть, как минимум. То, что в наше время понятие «совесть нации» извратили донельзя, еще не значит, что само по себе это вредное явление. Далее следует вопрос «где взять». В народе, надо думать, больше-то негде... Вот, кстати, прекрасное поле для всеобщего и равного, включая женщин, избирательного права — выборы в народный контроль. Контролер ничем не руководит, он только может донести до власти мнение народа о ее действиях... А что, неплохо. Дать контролерам что-то вроде депутатской неприкосновенности, но не такое отъявленное, а только от действий местных властей. Вот только кого бы посадить этим заняться? Что-то совсем я сегодня тупой, подумалось мне. Комиссар по делам национальностей свою работу практически выполнил, то есть создал вполне работоспособное министерство, дальнейшая деятельность — это уже рутина. Так пусть теперь поработает министром народного контроля! А я, наконец, пойду спать.

На следующий день я знакомил будущего министра народного контроля с его грядущим полем деятельности.

— Не уверен, что полное отсутствие у контролеров властных полномочий пойдет на пользу делу, — задумчиво сказал он мне.

— Зато я уверен, что их наличие сразу извратит всю затею. Ведь тут смысл в том, что в контролеры люди пойдут под влиянием чувства ответственности перед обществом, чувства справедливости, наконец! Стоит же наделить их властью — и там от карьеристов станет натурально не протолкнуться. А потом и похуже экземпляры полезут... Тут хоть есть надежда, что мандат контролера не будут элементарно покупать.

— Но в предложенном виде система будет работать только тогда, когда власть сама хочет видеть недостатки своих представителей. Однако как быть, если она не захочет?

— А вот тогда — тушим свет, сливаем воду и идем готовить революцию. Потому что если власть не считает, что народ имеет права голоса, так она, зараза, всегда найдет способ сделать так, чтобы это право, пусть даже и где-то записанное, не стоило и ломаного гроша.

— Не понимаю, как человек с вашими воззрениями смог очутиться на самой вершине власти, — усмехнулся Сталин.

— Кстати, не исключено, что со временем я познакомлю вас с подробностями этой истории. Ну, а пока пусть это останется моей маленькой тайной...

Глава 9

В этот раз я ехал в Зимний по приглашению генерального архитектора Российской империи, великого князя Петра Николаевича. Он хотел показать мне макет моего будущего дома, а в ответ на предложение приехать ко мне заявил, что его творение может плохо перенести транспортировку. Может, так оно и было, но скорее князь просто поддался общим настроениям знати — почему-то она без малейшего энтузиазма относилась к перспективам посетить Гатчину. Их послушать — так в том дворце вообще ничего нет, кроме триста

пятнадцатого кабинета и подвалов под ним! Просто так я, может, и не поехал бы в Питер, но в Зимнем жила моя дочь, да и жена тоже, так что при любом раскладе раз в неделю я там появлялся. И сейчас я пошел сначала к семье. Потом — обед с величествами, ну а уж в самом конце посмотрим, что мне предлагают для улучшения жилищных условий.

Дочь встретила меня в компании девонширского рекса. Сходяв через портал, он не стал, как я надеялся, обрастать шерстью, разве что самую малость на хвосте, а вдруг взял и резко поумнел. Ей-богу, у меня сложилось впечатление, что он начал понимать человеческую речь! Во всяком случае, он очень к месту кивал головой или, наоборот, вертел ей из стороны в сторону, когда слышал явную чушь. А тут как раз подоспел первый день рождения моей дочери Настеньки, так что я взял да и подарил Рекса (теперь уже с большой буквы) ей. Дочь была в восторге. Мари, правда, беспокоилась насчет аллергии, но, присмотревшись к кошаку, согласилась, что даже если это и шерсть, то выпадать она точно не будет, потому что дальше некуда.

Настя, увидев меня, с радостью затопала навстречу, однако, когда я посадил ее на колени, вдруг заявила «у-у-у!» и протянула ручки к кошаку. Тот быстро запрыгнул на другое колено.

— Теперь все в порядке? — поинтересовался я у дочери.

— Угу, — подтвердила она, а Рекс кивнул.

— Знаешь, — поделилась со мной Мари, — я даже слегка беспокоюсь! Настя натуральным образом разговаривает с этим котом, сидят рядом и беседуют... И не засыпает, если он не подойдет и не помяукает что-то. Сказки ей пытались рассказывать — не помогает.

— А кто рассказывал, эта рыжая корова? Да на фоне нее не то что кот, ишак и то Шахерезадой покажется.

— Так ведь Настеньке пора учиться говорить! А этот чему ее научит?

— Думаю, она не только с ним разговаривает. Правда, доча?

— Ага.

— Ну вот, видишь. Просто, если ребенок растет в двуязычной среде, то говорить он, как правило, сразу на двух и начинает. Так что Настенька с рождения будет знать не только русский, но и кошачий, чем плохо!

— Тебе бы только поиздеваться! Сам бы почаще с дитем разговаривал.

— Тогда она будет знать не два языка, а сразу три. Нет, все-таки русский командный лучше начинать учить попозже, где-нибудь лет с четырех. Вот стукнет четыре, подарю ей мотоцикл и займусь педагогией.

Мари рассмеялась, но, по-моему, зря — насчет мотоцикла я говорил вполне серьезно.

— Но все-таки, — продолжала она ябедничать на Рекса, — он иногда такое вытворяет! Вчера целый час ей что-то рассказывал, так она ко мне пришла чуть не в слезах и не успокоилась, пока я ее кота не приласкал.

— Наверное, делился тяжкими воспоминаниями об английской неволе, — предположил я.

Рекс снова кивнул.

— Вот видишь? Политическая ориентация у него совершенно правильная, плохому он Настеньку не научит.

На обед у величеств была уха, картошка с котлетами, брусничный морс и беседа про Антарктиду — дело в том, что на прошлой неделе англичане озвучили свои территориальные претензии. И это при том, что недавно оттуда вернулась наша экспедиция, натывавшая российских флагов везде, где только можно! Гоша пребывал в некотором недоумении.

— Понимаешь, — объяснил я, у них там есть институт новых технологий при Адмиралтействе, а заправляет в нем доктор Буш. Так вот, когда начальство спросило его, что может понадобиться русским в Антарктиде, тот после недельных вычислений выдал результат. Оказывается, если мы рванем там нечто наподобие того, что бабахнуло на

Тунгуске, произойдет растопление подледного слоя. И льды, как по смазке, поползут в океан... От айсбергов в Южном полушарии станет не протолкнуться. А потом они растают, и уровень мирового океана несколько поднимется.

— На сколько? — задал вполне резонный вопрос Гоша.

— Буш дал вилку от пяти до ста двадцати метров.

На самом деле эту вилку дал я, а английский гений просто подогнал под нее свои расчеты, но говорить об этом я не стал из скромности.

— Неплохая точность, — улыбнулась Маша.

— Нормальная, клиентам, как видишь, хватило. Так что с пятым материком делать-то будем? Просто так отдавать англичанам — это они первые же и не поймут.

— Вот поэтому и отдать, — предложил Гоша, — пусть ночами не спят, мучаются вопросом, какую на самом деле пакость мы им приготовили.

— Они что, задаром будут мучиться? — возмутилась Маша. — Только продать, причем торговаться буду лично я! Вам доверь — так вы за нее и миллиарда не получите. Фунтов, я имею в виду. Вот только не выйдет ли как с Аляской? Продали, а там золото с нефтью. Дядя, это к тебе вопрос, как к самому эрудированному.

— А причем тут эрудиция? В ближайшие сто лет точно не выйдет, это вы не хуже меня знаете. А что там потом будет — этого даже я не в курсе. Но сильно подозреваю, что еще лет пятьдесят ничего не изменится, а к тому времени или Россия будет то золото в поясе астероидов добывать, или ей станет не до Антарктиды, неважно, чья она. Так что, если сможешь развести народ на приличные деньги — я только «за».

Разобравшись с Антарктидой, я отправился в кабинет генерального архитектора, посмотреть, что там они с Машей придумали в качестве моего московского жилища.

При ближайшем рассмотрении проект оказался не так уж и плох — нечто вроде маленькой крепости с четырьмя башнями по углам и одной, тонкой и высокой, как минарет, в центре.

— Линейка и транспортер у вас тут найдется? — поинтересовался я и, получив просимое, приступил к измерениям.

— Не годится, — с сожалением констатировал я минут через десять.

— Почему? — не понял князь.

— Во-первых, сектора обстрела из окон второго этажа не перекрываются, если не высовываться, то получается аж четыре мертвых зоны, я в таком доме жить не согласен. И что это за каланча посередине?

— Она символизирует собой башню из слоновой кости, в которой мудрец будет думать о судьбах мира, — пояснил мне Петр.

— Так вы сначала того му... мудреца найдите, а потом уж стройте ему жилплощадь! И не в моем доме, кстати, а где-нибудь еще. Я же к возвышенным размышлениям не приучен, мне хороший подвал будет нужнее башни. А на этих, которые по углам, будут стоять зенитные батареи? Тогда тем более, этот центральный штырь им половину обзора перекроет. В общем, он тут ни к чему.

По лицу генерального архитектора было видно, что про зенитки он слышит первый раз.

— Да, и крыша должна быть плоской, без парапетов тут и тут, чтобы на ней могли нормально взлетать и садиться автожиры, — продолжил я, — а ворота вообще убрать.

— Как же тогда автомобили смогут попасть во внутренний двор?

— Через тоннель, выход из которого должен быть в виде отдельного здания примерно вот тут, — показал я место на краю стола, — а в самом доме обычная дверь. Ну, не совсем обычная, мне ее на Ижорском заводе сделают, я уже заказал.

О том, что второй тоннель будет идти от дома к пристани, я князю не сказал — в конце концов, к архитектуре он не имеет никакого отношения. Правда, временами мне казалось, что зато он имеет отношение к паранойе... В общем, после той бомбы на крышу я был настроен слегка перебдеть. Кстати, в этих мыслях я явно не был одинок, потому как новый

дом Ненашевых в Кесовой Горе строился практически из тех же соображений, что и озвучиваемые мной перед великим князем.

— Так, с внешностью вроде все, — продолжил я, — давайте посмотрим, что у нас тут внутри.

Внутренности были в виде эксизов. Некоторое время я всматривался в них, почти не ругаясь матом при этом, а потом предложил:

— Вот здесь у нас какой-то центральный зал? Давайте сюда и соберем все эти колонны, портики там, или вот это — я, блин, даже не знаю, что это такое, все эти завитушки под потолком... Да, и этих чертей с крылышками тоже сюда. Пол тут пусть и останется с картинками, согласен. Но остальные помещения... В жилых — нормальные окна без выкрутасов на подоконниках, стены с обоями, белый потолок, буковый паркет на полу. В служебных — стены, крашенные зеленой или бежевой краской, пол — продольная доска. Если хотите посмотреть, как это выглядит в натуре, зайдите в казармы гатчинского батальона охраны.

Надо заметить, что с Антарктидой англичане спешили — их делегация приехала через неделю после того разговора. Но за неделю можно много чего успеть — а нам сильно много было и не надо, хватило всего трех действий. Первое из них состояло в том, что Гоша подарил этот южный материк мне. Мотивировалось это тем, что Найденов, будучи канцлером, светлейшим князем, мужем вдовствующей императрицы и мно Второе действие вытекало из первого — персонал организованной нашей экспедицией полярной станции прислал радиogramму, что все население данного материка без исключения считает, что владелец этих земель должен называться не князь, а король. Далее шли подписи антарктического народа общим числом шесть, то есть волеизъявление было стопроцентным. Ну, а третьим пунктом была перерисована распечатанная мной карта обнаруженных в Антарктиде полезных ископаемых. Там были и железо, и никель, и вольфрам, да и много чего по мелочи. Честное слово, я даже начал сомневаться — может, не продавать, а сдать в аренду лет на пятьдесят? Как говорится, такая корова нужна самому.

Так что сунувшихся к Гоше дипломатов ждал облом — и рад бы помочь, сокрушенно развел руками император, но увы... Вам, господа, надо в Гатчину, могу предоставить поезд.

Приехавшая ко мне делегация начала свою работу с того, что заявила о своих сомнениях относительно законности моих притязаний на Антарктиду.

— Господа, позвольте вам предложить растворимый кофе, — отвечал им я, — а насчет сомнений... Понимаете, тут ведь важно только наличие их отсутствия у меня. То есть раз уж мне его величество подарил кусок земли, то он мой, независимо от мнения кого-то еще. И вопрос тут не в том, насколько это законно, а в том, насколько эффективно я смогу охранять свои новые владения. Мне, честно говоря, это самому интересно, так что не расстраивайтесь, меня вполне устроит и полный провал данных переговоров.

После чего сэрам была показана карта. Присутствующий в делегации капитан Роберт Скотт сразу заявил остальным, что эта карта явно составлена на основе длительных исследований, а одно из помеченных месторождений (всего лишь слюды) он знает. Разговор потихоньку начал переходить в конструктивное русло. Англичанам были показаны цветные фотографии, причем изображение озера с голубым льдом вызвало у зрителей легкую оторопь. В общем, результатом первого дня переговоров стало то, что делегация, взяв карту и часть фотографий, отправилась в свое посольство для консультаций. И, получив их, начала следующий раунд с того, что вопрос о покупке у меня прав на Антарктиду как-то рассмотреть можно, но вот признать меня королем они никак не могут.

— Да на здоровье, — удивился я, — подумаешь, мелочь какая, надо будет, найдется кому признать.

— Но ведь, даже если предположить невозможное, то есть наличие у вас прав на этот титул, то вы все равно их теряете в результате продажи! — заявил мне сэр Коллингвуд, старший в этой антарктической команде.

— Это не проблема, у меня еще остров есть в море Лаптевых, так что не волнуйтесь. И потом, речь вроде шла не о продаже, а о сдаче в аренду?

В ответ на это сэр заявил мне, что ни о какой аренде речи идти не может, это твердая позиция кабинета.

— Ну, а насчет продажи вам к моей поверенной в делах, то есть ее величеству Марии Первой. У нее прием с четырех, так что вполне успеете и пообедать у меня, если хотите.

Почему-то англы не захотели, а, сев все вчетвером в поданную им «Оку», укатили на станцию, где их ждал поезд в Питер.

С Машей делегация общалась неделю, но не договорились они абсолютно ни до чего.

— Все нормально, — сказала мне племянница, — это же все-таки целый материк, и весьма не задаром... Думаю, месяцев за восемь они созреют, если не за полгода.

Я же, глядя на закручивающуюся интригу вокруг Антарктиды, только горестно пожимал плечами. О, люди... Не помню, что там в цитате дальше, но ничего хорошего. Ведь знают все про этот материк лет двести, Беллисгаузен его открыл с соблюдением формальностей почти сто лет назад. И все это время никому она была нафиг не нужна! Пока я не отправил туда экспедицию. Зато теперь — вынь им всем да положи. Ладно, англичан я понимаю, норвежцев в общем-то тоже. Но французы-то тут при чем? А уж тем более китайцы. В общем, в сторону Антарктиды даже сейчас плыло два корабля, хотя там зима. Что начнется летом — это просто страшно подумать. А ведь я всего-то только хотел открыть южный полюс!

Вообще-то Маша явно додумалась до нового слова в международных сделках. Ибо продавала она не саму Антарктиду, а мои права на нее! То есть результатом недели переговоров явился проект документа, который гласил — права на Антарктиду есть у Англии, Норвегии и России в лице Найденова. И теперь страны должны разобраться, где чей кусок, а также кто и сколько за него нам должен.

Но вот внутренности моего строящегося домика отстоять так и не удалось. Послушав князя Петра о моих планах, Маша подключила к делу тяжелую артиллерию, то есть Мари. С тем, что центральную башню надо убрать, моя ненаглядная еще согласилась, но на остальном встала насмерть. Мол, тебе положение не позволяет жить в казарме! И мне, кстати, тоже, добавила она. В общем, сошлись на том, что три комнаты моих личных апартаментов будут сделаны по моему вкусу, а все остальное — по первоначальному проекту. И теперь в Нескучном начиналось строительство, которое обещали закончить к следующей осени.

Глава 10

Вот оно, пожалуй, и началось, — подумал я, прочитав телеграмму от нашего шанхайского консула. Документ гласил, что туда прибыло два парохода с туристами из Соединенных Штатов.

Собственно говоря, сведения от короля Эдика о том, что главным направлением готовящихся нам пакостей будет Китай, и что по этому вопросу между Англией и Штатами достигнуто полное согласие, таким уж откровением не являлись. Дело было в том, что формирование из тамошних китайцев пехотной бригады и ее годовичную подготовку у американцев скрыть никак не получалось. Зато англичане в этом процессе конспиривались очень сильно, так что мы даже с некоторым трудом нашли признаки их участия в подготовке борцов за свободу. Теперь должно было произойти восстание в Пекине, и туристы, движимые вдруг вспыхнувшими национальными чувствами, просто не смогут его проигнорировать. Но мы начали действовать, даже не дожидаясь заварушки в китайской столице.

В Харбине к маньчжурскому наместнику явилась делегация от Социалистической Партии Китая во главе с ее председателем Чэнь Чаншэном. Наместник поначалу порывался

было оную делегацию просто арестовать, но сделать это казалось несколько затруднительно, ибо как раз в это время на площади перед дворцом происходили плановые учения российской миротворческой бригады. Да и японский консул со своей стороны сообщил мандарину, что таковые его действия Империя Ямато просто не поймет... Так что делегация была принята наместником, и произошла краткая, но содержательная беседа, по результатам которой вся китайская администрация Харбина оказалась арестованной. В тот же вечер было объявлено, что Манчжурия отделяется от Китая, и теперь тут будет построено общество согласия. Парламентские и президентские выборы — через месяц (голосуйте за СПК!), а пока власть принимает на себя Временное правительство. Ура, товарищи! Наконец-то сброшено ярмо династии Цин, триста лет тиравившей Манчжурию.

В Монголии произошло в общем то же самое, но в соответствующих масштабах, то есть при поддержке всего одной десантной роты. Но зато действие там разу обрело красивое название — «Великая Октябрьская Социалистическая Революция».

Естественно, на следующий же день вспыхнуло восстание в Пекине, где главным был генерал Юань Шикай. Поднятые им части уже на второй день заблокировали императрицу Цыси с примерно тремя тысячами дворцовой стражи в Летнем дворце. На озере Куньминху неизвестно откуда взявшиеся три торпедных катера разнесли в пыль Мраморную Лодку, где любила обедать Цыси — правда, понятно, что в этот раз ее там не было. Некоторое время еще работала радиостанция дворца, засоряя эфир истошными воплями «спасите» на всех языках, но к исходу вторых суток осады она заглохла. Американские же добровольцы под командованием Сунь Ят-сена быстро брали под контроль южные провинции. В самой же Америке набирало силу движение в поддержку свежих ростков свободы и демократии...

Неясным пока оставалось одно — кто же тут главная фигура? В то, что действия англичан и штатовцев не скоординированы, мне не верилось. Впрочем, еще меньше верилось в то, что генерал Юань сможет мирно ужиться с Сунь Ят-сеном.

Вильгельм уже получил толстые намеки на то, что, если он не станет поддерживать марионеточные режимы в Монголии и Манчжурии, то немецкую колонию в Циндао не тронут. Но эта ситуация с нами была уже оговорена заранее, так что кайзер согласился, даже не моргнув глазом. Впрочем, особенно моргать ему было и некогда, ибо как раз в это время он присутствовал на высочайшем смотре Еврейской Казачьей Армады, которая, будучи добровольческим формированием, недавно выразила единодушное желание отправиться в Манчжурию. Стройными рядами добровольцы проходили мимо трибуны, на которой торчали два императора и один канцлер — да уж, подумал я, до их строевой подготовки нашим далеко. И как, однако, ответственно относятся к порученному им делу! Взять хотя бы верховного атамана Хаима Дорфмана — ну прямо совсем ничего общего с Людендорфом, кроме пяти букв в фамилии. Даже усов не пожалел! А наши, блин, еще и не все свои имена выучили, тоже мне поцы. Впрочем, в дороге будет время подзубрить... Вслед за пехотой мимо нас с лязганьем проползли бронированные чудища с теми самыми поцами, и смотр закончился. Прямо с него части отправлялись к месту погрузки в эшелоны.

Прошедшие перед нами танки представляли плод моей фантазии на тему — а что будет, если скрестить английский МК-1 с нашим Т-35? Получилось нечто с гусеницами вокруг корпуса и двумя полубашнями по бокам, как у первого английского танка, но сверху имелась еще одна большая башня с трехдюймовкой плюс четыре пулеметных. Это убоище весило сорок две тонны, перевозиться могло только на специальной платформе, а своим ходом развивало аж пятнадцать километров в час. Как и положено танку, оно имело броню — спереди тридцать пять миллиметров, с боков двадцать пять, сзади и сверху десять. Несмотря на свое чисто показушное назначение, подумал я, против больших масс плохо вооруженной и необученной пехоты эти монстры могут и неплохо себя показать. Интересно, хорошо ли китайцы бегают?

Авиация, предназначенная ко вмешательству в грядущий конфликт, уже находилась в Иркутске. Это были два десятка «Кошек», тридцать пять их лицензионных сестер Ju-07 и шестьдесят фоккеровских «Валькирий» — машин, сделанных на основе «Ишака», но с

убирающимся шасси и большим разнообразием бомб на внешней подвеске.

К середине ноября можно было сказать, что ситуация прояснилась. Увы, Англия с Америкой спелись окончательно... И если в ихних газетах или даже высказываниях политиков еще были разночтения относительно того, кто в этом альянсе главный, то лично мне все было ясно. Обе страны надежно контролировались сплотившейся группой Ротшильдов, которых теперь правильнее было называть американскими, Рокфеллерами и наследниками Джи Пи Моргана. Альперовича в это высшее общество пока не пускали, но считали если и не до конца своим, то сильно сочувствующим. Потребности данной оравы были незамысловаты — нужна большая война. Вообще-то не очень критично, кого с кем, но лучше против кого-то из нашей Большой Четверки, остальные сами втянутся. Но противник требовался как минимум из соизмеримой весовой категории — потому как представить, что и, главное, как быстро произойдет с Австрией, например, под ударами России и Германии, мог даже самый тупой индивидуум. В этом смысле Китай представлял собой идеального, так сказать, партнера — совершенно неисчислимы людские ресурсы, большие трудности со снабжением для стран четверки и возможность нанесения существенного ущерба России, а если та будет рыпаться — то и Японии. Кстати, именно положение последней было наиболее двусмысленным — хотя срок союзного договора с Англией и истек, но экономика от полного разрыва с владычицей морей пострадала бы очень сильно.

Внутрикитайский же расклад лишился всякой таинственности на Великой Ноябрьской Всекитайской конференции, где два народных вождя, Сунь Ят-сен и Юань Шикай, под гром оваций встретились, поклялись в вечной дружбе и тут же назначили друг друга президентом и премьером. Но Юань еще до президентства выглядел несколько больным, а потом ему и вовсе поплохело, так что на четвертый день своего срока он взял и скончался. А вот не надо было вокруг себя столько английских советников разводить! В общем, выпавшее из ослабевших рук знамя подхватил Сунь Ят-сен, который получил почти официальный титул «отца китайского народа», и вот уже неделю как тот самый народ под руководством своего папочки хоронил героя революции, надорвавшего силы в борьбе за народное счастье.

А наши эшелоны ползли на восток... Единственно, что пока оставалось неясным — это решится ли новый Китай на войну сразу, то есть до завершения подвоза необходимого вооружения, да еще и зимой. Судя по тональности речей «Отца», он таки собирался решиться именно на это. Так что через два дня в Зимнем должно было состояться подписание союзных договоров Монголии и Манчжурии с Россией — для экономии времени и денег за один присест, тем более что эти договора были совершенно одинаковыми, отличаясь только буквами «онгол» и «аньчжур» в названиях стран. Текст же гласил, что мы обязуемся защищать эти государства от любой агрессии. В ответ они должны будут призвать в армию потребное количество народа, но не более десяти процентов от общей численности, воевать под нашим оперативным командованием и поставлять стратегическое сырье и материалы с прибылью не более пятнадцати процентов.

Наша стратегия в предстоящей войне строилась на только что разработанном понятии «экономически активная оборона», идея которого принадлежала мне, а детальная разработка делалась немецким генштабом. Суть ее была в том, что оборона от обладающего огромными людскими ресурсами противника должна строиться на основе самоокупаемости. То есть вдоль китайско-манчжурской границы спешно создавались пять мощных укрепрайонов — соответственно, между ними было четыре прохода достаточной ширины. Противник наверняка найдет эти проходы и в конце концов начнет наступать именно там. Местность же за проходами заранее оборудуется коммуникациями и временными укреплениями на особо опасных направлениях, с тем, чтобы наступающие части, двигаясь по направлению наименьшего сопротивления, попадали в «мешок». Противоположная от линии фронта сторона каждого «мешка» заранее снабжалась концлагерем. Соответственно попавшему в эту ситуацию противнику будет предоставлен абсолютно свободный выбор — или помереть

с голоду, дожидаясь, пока китайцы через Красный Крест оплатят содержание своих пленных, или признать себя виновными и добровольно взять обязательство отработать четыре года на Трансибе и насыпке сахалинской дамбы, где их будут кормить и даже платить аж до двадцати копеек в день — правда, условно, то есть с выдачей по окончании срока.

Представляя этот план кайзеру, я немного беспокоился, что его рыцарская натура вдруг не приемлет такого образа действий, но он, наоборот, сразу заявил — только что продемонстрированная узость мысли меня не красит. Почему это я решил, что искупать вину можно только в Сибири? В Германской Африке оно выйдет ничуть не хуже... В общем, мы договорились о том, что возмущенный нашим варварским отношением к пленным кайзер внесет за какую-то часть требуемые деньги через Красный Крест, ну, а дальше вступят в силу законы о несостоятельных должниках. Количественно же мы решили делить гостей примерно в соотношении два к одному. Два, понятно, нам — все же у нас существенно выше объем потребных работ. Разница компенсируется Германии акциями возводимых объектов.

За всей этой суетой я чуть не забыл про грядущее итальянское землетрясение. Впрочем, совсем забыть мне не дал бы третий секретарь, в обязанности которого после случая с Мосиным входило, получив от меня кодовое слово или фразу, в нужное время передать мне его под расписку. Но за три дня до того, как этот секретарь принес бы мне написанное мной же слово «Мессина», ко мне на прием явился директор Международного Сейсмологического Института Борис Борисович Голицын и сообщил, что обстановка на юге Италии внушает опасения. И это не только его мнение, но и других ученых. В общем, судя по динамике процесса, где-то в начале весны там возможно сильное землетрясение, сказал он и попросил дополнительное финансирование для организации станций наблюдения по месту событий. Деньги я ему выделил, все равно ничего организовать он не успеет, до толчка оставалось восемь дней, и, сделав задумчивую морду лица, произнес:

— Да, по моим сведениям там действительно может сильно потряхнуть — баллов этак на девять, если не на десять. Но ведь можно спровоцировать данный процесс, тогда толчок произойдет раньше, но будет существенно слабее. Вы с теорией сейсмического резонанса знакомы?

— Знаком. Вот только... вы меня, ваша светлость, извините, но это бред, а не теория.

— Ну ладно, не нравится вам она, но людей-то обижать зачем? Светлостью вон обзываете, несмотря на то, что я вас, как человека, именую Борисом Борисовичем. А насчет теории — да, согласен, у автора избыток фантазии не очень удачно наложился на недостаток знаний, но что-то в ней, по-моему, есть. И я настроен все-таки провести ее проверку — так быстро, как только в моем ВЦ смогут вычислить подходящую точку воздействия. Ну, и взрывчатку подвезти, это тоже требует времени. Кстати, вашему институту выделяется два электронных программируемых вычислителя, с ними все расчеты можно будет делать в десятки раз быстрее. А как у вас народ на них работать научится — допущу к машинному времени на ВЦ, к тому времени там и более серьезные агрегаты будут стоять.

Утро шестнадцатого декабря я встретил невыспавшимся, чуть простудившимся и потому злым, как собака. Нет чтобы итальянцам устраивать у себя землетрясение не по григорианскому, а по юлианскому календарю! Тогда сейчас был бы разгар рождества, и бабах был бы куда уместней... С другой стороны, саперы тогда могли бы, пожалуй, и принять за воротник, что чревато. А вообще сам виноват — захотел посмотреть, как четыре килотонны взрываются, вот и сиди тут в наспех отрытой землянке у перископа, любуйся. Кстати, а капонир-то для «Тузика» успели отрыть? А то ведь придется обратно на открытой «Оке» ехать, если самолет взрывной волной заденет! Впрочем, ординарец уверял, что все в порядке, а самому тащиться на мороз и ветер было лень.

Из соображений не возить боеприпасы черт знает куда расчеты показали, что одна из точек воздействия находится как раз между Сестрорецком и Выборгом, где я сейчас и сидел. До взрыва оставалось десять минут.

По истечении этого срока я смотрел левым глазом на часы, правым — в перископ, а головным мозгом решал помаленьку возникающую задачу.

Плюс десять секунд. На Камчатке у меня эти взрывники службу продолжать будут!

Плюс пятнадцать. Нет, на Георгиевской Земле лучше...

Плюс двадцать. Пожалуй, пока Антарктида еще моя, загоню уродов на Южный полюс.

Плюс двадцать две... И тут над горизонтом вспыхнуло зарево. Честно говоря, я ожидал большего — и цвет не очень яркий, и форма какая-то неправильная, не шар, не гриб, а что-то медузообразное...

— Время! — закричал соседний наблюдатель, и мы быстро скатились в отнорок метром ниже. Секунд через пять до нас дошла ударная волна. Тоже, в общем, ничего особенного — помню, когда на перешейке в ста метрах от калединской землянки рванул снаряд японской мортиры, так и то впечатление было посильнее.

— Вас не контузило? — заорал наблюдатель мне прямо в ухо.

— От вашего вопля? Вроде нет, но повторять все равно не надо. Полезли, что ли, наружу?

Мы вылезли, и я обозрел окрестности. Никаких особых разрушений не наблюдалось, кроме двух упавших деревьев, но одно из них точно было сухое. В общем, и чего мне в Гатчине не сиделось?

С самолетом ничего не случилось, и через десять минут я летел домой. На небе висела луна, на земле, где надо, горели огоньки, так что после пятидесятиминутного полета я спокойно сел в Гатчине. В кабинете разделся, сполоснул морду холодной водой, развел кофе покрепче и начал ждать новостей. Впрочем, первая даже не дала мне толком хлебнуть кофе — в Риге землетрясение! Слабое, балла три — три с половиной, жертв и разрушений нет, но паника скоро будет.

.....! — подумал я и велел передать, что если тамошние власти допустят панику, то уж о жертвах среди них я позабочусь сам. И попросил переключить меня на нашу итальянскую группу.

— Пока все спокойно, — доложили мне, — жители предупреждены, но погода на редкость мерзкая, почти шторм, дома они покидают неохотно. Многие нецензурно ругают Голицына и вас, причем некоторые даже по-русски. Процентом тридцать вообще не верят и отказываются выходить на улицу.

— Не хотят — не надо, — вздохнул я и налил себе новую чашку. До толчка оставалось еще двадцать минут, и тут динамик снова запищал — срочный вызов.

— Началось! — услышал я возбужденный голос из Мессины. — Первый толчок произошел минутой назад, только что был второй, заметно сильнее. В городе пыль, почти ничего не видно, кажется, занимается пара пожаров...

— Информировать меня о ходе спасательных работ каждые полчаса, — велел я и откинулся на спинку кресла. Предстояло обдумать, что я буду говорить Вилли, если он попросит устроить небольшое землетрясеньице где-нибудь в районе Елисейских полей.

Глава 11

Просто удивительно, насколько подготовка к боевым действиям сейчас отличается от ситуаций в четвертом и шестом годах, — не мог не признать я в середине января девятого года. Перед японской войной был совершенно невообразимый бардак. Перед черногорской — он же, но уже в вообразимых количествах. А теперь даже и придаться-то толком не было к чему... Наверное, наши все же чему-то научились, а главное, сказалось большое количество немецких офицеров, участвующих в операции. Так что укрепрайоны были вовремя построены и заняты. Они имели нумерацию с первого по пятый, первый — у Ляодуна, оборонялся в основном японскими частями под видом китайских добровольцев. Вторым и третьим занимали наши под командованием Каледина, эти не маскировались ни под кого. Четвертый и пятый — это были немцы, то есть тьфу, еврейские казаки во главе с

Людендорфом. Верховным главнокомандующим был объявлен Гоша, но вот ведь дела — сам он сидел в Питере, а на месте событий присутствовал только небольшой огрызок Главного штаба во главе с Куропаткиным. Зато имелась большая группа военных наблюдателей, которая, собственно, и являлась настоящим командованием Дальневосточной группы войск, а заправлять там будет сам Шлиффен. Над ним стояли только два императора, Гоша и Вильгельм. Черногорская империя прислала батальон своих бойцов (у нее больше не было), ну, а Курильское королевство собиралось действовать исключительно на море.

Январь прошел в непрерывных попытках противника нащупать слабые места в нашей обороне, но попытки эти предпринимались небольшими отрядами хунгузов, так что даже в проходах между укрепрайонами их легко останавливали пулеметным огнем. Но к границе уже потихоньку подтягивались части настоящей армии — по данным разведки, в первом эшелоне наступающих должно быть около миллиона человек.

Пока еще Китайская Республика не объявляла войну ни Манчжурии, ни Монголии, а набеги на наши укрепрайоны сходили за бандитские выходы местных отморожков, англичане и американцы непрерывно гнали в Китай пароходы со всяким вооружением — в основном, конечно, несусветным старьем. Однако Гоша уже разродился двумя нотами, в первой из которых сообщал, что, если правительство КР не обуздает своих бандитов до мая девятого года, то Россия оставляет за собой свободу действий по защите своей собственности в тех краях. А во второй мировое сообщество было проинформировано, что в случае войны с Китаем Желтое и Восточно-Китайское моря будут объявлены зоной боевых действий, в котором любой корабль, кроме российского или черногорского, сможет плавать только при наличии у него специального пропуска, выдаваемого представителями этих держав. Мировое сообщество в лице Англии, Франции и Штатов взвыло, но Гоша твердо подчеркнул, что терпеть ситуацию, когда по морю к нашим противникам будет подвозиться то, что способствует войне против нас, он не намерен, а все с этим несогласные могут объявлять войну России хоть завтра. Франция притихла, а Штаты даже остались довольны — теперь отпали последние сомнения в том, что Россия будет воевать с Китаем сама и всерьез.

Для подготовки внутреннего общественного мнения император в своем новогоднем выступлении объяснил, почему мы должны воевать за вроде бы чужие нам Манчжурию и Монголию.

— Все очень просто, — сказал Гоша и отпил воды из стакана, причем это было слышно в динамиках. — К власти в Китае пришли оголтелые бандиты, которые никогда не удовлетворятся уже имеющимся у них. И если мы не остановим их неисчислимые полчища в Манчжурии, на следующий год нам придется оборонять Читу и Иркутск. А ведь стоит китайцам где-то перерезать Транссиб, который там идет вплотную к границе, и все — с Забайкальем, Хабаровским краем и Приморьем можно прощаться. Разумеется, правительство по дипломатическим каналам делает все от него зависящее, чтобы не допустить войны, но также и предпринимает необходимые действия для укрепления наших группировок в Манчжурии и Монголии.

Тем временем наконец-то был рожден первый международный документ про мою Антарктиду. Читая его, я в восхищении хлопал глазами — это надо же было так запутать вроде не очень сложный вопрос! В общем, Антарктида объявлялась достоянием всего человечества, не могущей принадлежать ни одному отдельному государству. А дальше шел длинный график платежей — с кого и сколько за это России причитается. В общем, платежная программа была рассчитана на десять лет и в сумме составляла около трех миллиардов долларов. Это, так сказать, была первая часть. Вторая же заключалась в том, что право любой деятельности там имели только Норвегия — на острове Петра Великого, Англия — пока уточняется, но все равно это мелочь на северо-западе, остальное — князь Найденов. Следить за соблюдением данного документа будет Международный

Антарктический Комитет, за ввод своего представителя в который надо платить Найденову, Англии и Норвегии в соотношении площадей правообладания. Эта часть была еще не утверждена, но имелся Машин комментарий: «Вот хрен им, а не дележка по площадям. Делить деньги будем в соотношении объемов! Дядя, с тебя обоснование, почему.»

А ведь действительно, подумал я, Антарктида же не обычный материк, и тупо считать по площади тут нельзя. Нет, у него, конечно, есть и общие ценности — то есть земля, на которой можно что-то и кого-то разводить, внутри которой лежат полезные ископаемые... Это будет одна составляющая ценности, которую, действительно, можно считать по площади. Но ведь общепринята и другая, по степени выгодности географического положения. Насколько я в курсе, особым спросом пользуются места, лежащие на пересечении чего-то с чем-то — водных и сухопутных торговых путей, например. Кажется, с этим моему материку малость не повезло... Нет, понял я через минуту, это ему с хозяином не повезло, слишком тупой достался. Антарктида же лежит на пересечении меридианов! Причем не двух-трех, а вообще всех, что есть в природе. Значит, это записываем отдельным бонусом к моему куску. И переходим к главному, то есть антарктическому льду. Это совершенно уникальное образование, не имеющее аналогов на всей остальной планете! Ведь тут в нетленности хранится то, что сыпалось из космоса на Землю в течении миллионов лет. Вот, например, когда-то в недалекой древности упал в Индии железный метеорит, и что? Небось и остыть толком не дали, тут же отволокли на кузню и перековали в колонну — сами можете в Дели съездить и посмотреть. То, что падало в Европе, пошло на ВИП-мечи и доспехи. Однако ведь не только метеориты с неба плюхаются... У Уэллса марсиане приземлились в Англии. Но ведь гораздо вероятнее их появление в более безлюдных местах — в амазонских джунглях, например. Но там, если пришельцы вовремя не превратятся в ушельцев, их сожрут крокодилы с пираньями, а сам корабль, будь он хоть из мифрила, в тамошнем гнусном климате быстро съест ржа. Если корабль сядет в Сибири — экипажем займутся комары и медведи, а кораблем — местные жители. Их хоть и немного, но они предприимчивые, лет за двести точно по гаечкам растащат. А вот в Антарктиде он может миллионы лет лежать в толще льдов!

То есть главное богатство пятого континента — древние льды! И чем древнее, тем дороже. Скажем, то, что до тысячи лет, вообще льдом не считаем. До десяти тысяч — это лед третьей категории, сильно уцененный. У норвежцев, кстати, скорее всего другого и нет. Далее, с возрастом от десяти тысяч лет до миллиона лед пойдет по второй категории, это уже сравнительно качественная вещь и стоить должна подороже. Ну, а первая категория — это возраст больше миллиона, и такой есть только у меня.

Я быстро записал свои озарения и отправил их ее величеству племяннице.

В середине февраля проездом к месту событий Петербург посетил Шлиффен, который еще из Германии телеграфировал, что хочет со мной встретиться, так что я лично встретил его на станции и отвез в Гатчинский дворец. Генерал сразу взял быка за рога:

— Господин канцлер, — сказал он, — я уже стар, и это моя последняя война. В то же время это первая в истории война нового типа — война моторов и миллионных армий, вооруженных автоматическим оружием.

— Насчет старости, — усмехнулся я, — так некоторые в вашем возрасте только начинали карьеру и заводили себе двадцатилетних девочек...

Это я не к месту вспомнил своего предшественника. Блин, нет чтобы ему сразу двух девочек завести — глядишь, и ухайдакали бы болезного еще до Берлинского конгресса... Вслух же продолжил:

— Но вообще-то ваша мысль понятна, я и сам собирался предложить вам перед фронтом слегка подлечиться.

— Спасибо. Не знаю, важно ли это, но хочу уточнить — я не прошу у вас молодости и еще одной жизни. Но эта война может затянуться, и я хотел бы иметь возможность работать

столько, сколько нужно, не отвлекаясь на старческие недомогания и не думая, успею ли закончить начатое.

— Принято. Значит, так. Сеанс скорее всего будет завтра в обед. Сейчас — пройдите в отведенные вам апартаменты и постарайтесь думать именно о том, что вы мне только что сказали — то есть про работоспособность, про то, что самые вредные с вашей точки зрения болячки должны исчезнуть, и так далее...

Сеанс «туда-сюда» прошел буднично. Я завязал Шлиффену глаза и провел его в небольшую комнатку, где меня ждал Гоша. Пять шагов вперед — и мы уже в гостиной коттеджа на Торбеевом. Я включил комп, потом несколько раз ткнул курсором в некорректные кнопки, чтобы он похрюкал, затем достал из тумбочки фен и подул генералу в лицо сначала холодным, потом теплым, потом горячим воздухом. После чего взял генерала под локоть и через вновь открывшийся портал провел его в Гатчину. Два десятка шагов по коридору — и мы снова в моем кабинете. Я снял Шлиффену повязку с глаз.

— Вы знаете, — поделился он со мной, — такое впечатление, что я стал моложе лет на пятнадцать. Даже аппетит появился! Кстати, позвольте вопрос — говоря о том, что некоторые в моем возрасте только начинали карьеру и... э... ухаживать за девочками, вы имели в виду не себя?

— Нет, — рассмеялся я, — Горчакова. А насчет аппетита — через двадцать минут тут обед, и обещал быть его величество. Не составите нам компанию? Тогда посидите вот здесь на диване, после сеанса нужно немного покоя, а я вас минут на десять покину.

— Можно ж было догадаться, — корил я себя по дороге в «Дом», — что после лечения у бабушки возникнут забытые потребности, тем более что я и малость заострил на этом его внимание перед сеансом... Но ничего, импровизации у Танечки обычно получаются неплохо.

Изюминкой обеда было блюдо из сублимированных продуктов — в данном случае картошки и мяса. Для большего впечатления исходные, почти невесомые пакетики были поданы тоже. Производство сублиматов недавно наладил Иркутский консервный завод, и теперь пайки нового образца начали поступать в войска.

— Суточная норма для бойца весит сто грамм, — пояснил я, — для готовности содержимое пакета надо вымочить и разогреть.

Услышав это, Шлиффен отодвинул тарелку с супом и в три присеста умял второе, потом прислушался к своим внутренним ощущениям, довольно кивнул и сказал:

— Весьма и весьма неплохо, но на сутки может оказаться маловато.

— Так ведь то, что вы съели, весило сорок грамм, — пояснил я.

— И насколько такие продукты дороже обычных?

— В несколько раз. Так что для сидения в обороне лучше использовать нормальную еду, а вот при глубоком наступлении или снабжении частей, оказавшихся в окружении, это будет то, что надо.

Гоша с задумчивым лицом ковырял вилкой в своей порции. Судя по всему, величество прикидывало, под каким бы предлогом накормить этим своего министра двора барона Фредерикса. Ибо надоел он всем в Зимнем хуже горькой редьки, но не гнать же столь заслуженного и ни разу даже в мыслях не отклонившегося от генеральной линии человека только за то, что он непроходимый дурак!

— Как начнется война, — посоветовал я Гоше, — можно устроить большой патриотический обед. А я за это время найду в окрестностях Питера часть, где солдат кормят хуже всего, и пусть эти повара из своих продуктов и готовят блюда к тому обеду. Будет, так сказать, пример единения с народом. Ну, а чтобы он получился поосновательней, можно будет проследить, чтобы кто не надо перехватить помимо стола ничего не мог...

— Я думал, — рассмеялся Шлиффен, — что только его величество кайзер склонен к таким шуткам. Скажите, не вы ли его научили?

— Мы об этом даже не знали, — пожал плечами я, — но чего же тут удивительного, если хорошие мысли приходят в голову сразу нескольким умным людям?

Сушеные в вакууме продукты появились у нас в общем-то случайно. В Георгиевске не так давно было сделано две установки вакуумного напыления по заказу моторного завода, и по результатам их использования было решено загрузить данной продукцией только что построенный Таганрогский станкостроительный завод. А он, туды его в качель, пошел гнать брак... В общем, к моменту появления первой рабочей установки в наспех сколоченном сарае уже стояло десять нерабочих. Ну, я и вспомнил молодость, когда, будучи лаборантом в Институте кристаллографии, готовил такое мясо на списанной вакуумной установке — ибо в то время я ухаживал за девушкой, увлекавшейся горным туризмом. Так что теперь Таганрог продавал свой брак в Иркутск, а склады постепенно заполнялись субстанцией, по виду более всего напоминавшей крысиные какашки.

Для поездки к месту событий и в качестве места проживания там Шлиффену был подан бывший мой поезд — тот, в котором я ездил в Порт-Артур. И на следующий день этот состав тихо, без всякой помпы отошел от станции Гатчина, взяв курс туда, где он один раз уже был. А я, проводив генерала, вернулся в свой дворец, где пора было провести один небольшой эксперимент.

Он состоялся в подвале, где я иногда, озверев от всякой бумажной тягомотины, отдыхал душой с какими-нибудь инструментами в руках. В последний раз я развлекался тем, что из обломков лазерного дисковвода и такой же указки соорудил довольно мощный гибрид. Сегодня по моему указанию в подвал был притащен баллон с водородом.

Я достал из стола воздушный шарик, надул его и отпустил. Шарик взлетел к потолку, качнулся там несколько раз и затих. Я взял свое творение, подключил питание, нажал кнопку... Вспыхнул ослепительно-красный луч, и, когда он уперся в шарик, тот с грохотом взорвался.

— Вот так, — сказал я себе, отключая провода, — пора Толстого, который хоть и граф, но без бороды и вообще вменяемый человек, сажать за «Гиперболоид инженера Гарина», иллюстративный материал уже есть.

Глава 12

Из-за китайских событий и возни вокруг Антарктиды землетрясение в Мессине не произвело такого резонанса, как ожидалось. Да и привык, похоже, народ к тому, что у этого Найденова постоянно рождаются новые мысли на предмет как бы побольше чего разломать с минимальными усилиями... Однако жертв было всего шесть тысяч человек, то есть как минимум вдесятеро меньше, чем в нашей истории, что, как ни странно, грело мне душу. Побочным результатом этой аферы стало то, что итальянский король вдруг проникся желанием посетить Питер. Ну и приятно было посмотреть на обескураженного Голицына, который сказал, что, кажется, он понимает, почему за моим взрывом последовало мини-землетрясение в Риге, но в то, что этот же взрыв подействовал и на юг Италии, он не верит и склонен скорее считать это случайным совпадением. Однако, будучи настоящим ученым, Борис Борисович не поленился посчитать вероятность такой случайности, и, получив вилку от десяти в минус четвертой до десяти в минус пятой, обескуражено сообщил об этом мне. Я, понятное дело, ничем не смог ему помочь, кроме выделения дополнительных средств, что и было проделано.

К концу февраля общими усилиями всех разведок Четверки удалось прояснить стратегические планы противника.

Итак, на наших восточных границах безобразничает Китай. Россия вынуждена будет

отправить туда лучшие войска из европейской части, а тут тем временем провоцируется война между Германией и Францией, которую поддержит Австрия. Англия будет делать вид, что в эту свару она не полезет, но с началом военных действий, придравшись к какой-нибудь ерунде типа нарушенного суверенитета Бельгии, тоже объявляет войну Германии. Если мы не вступаемся за Вилли, тому станет нехорошо, он обидится и Четверка начнет помаленьку разваливаться. Если вступаемся, то в добавление к восточному Россия получает и западный фронт.

Наконец, японцам через третьи руки уже намекали, что в такой обстановке они могут под шумок оттяпать Филиппины, мол, американцы не решатся на полномасштабную войну... В том-то и было дело, что до серьезного щелчка по носу сподвигнуть Америку на большую войну не представлялось возможным, а вот после него... В общем, наших восточных друзей усиленно агитировали устроить янкесам какой-нибудь Пирл-Харбор. И вот это последнее меня беспокоило, хотя Ито и обещал, что до ликвидации очага напряженности в Китае Япония не полезет на Филиппины.

А сейчас наши заграничные друзья ждали, когда же наконец Россия объявит мобилизацию. Однако пока имели сплошной облом, да еще на нервах, ибо дальше мобилизационных учений мы не шли. Но зато их проводили очень интенсивно, так что начальник мобуправления генерал-лейтенант Деникин уже заработал репутацию пугала как в войсках, так и на призывных пунктах. Но зато появилась надежда, что, когда наступит час, мобилизация пройдет без особого бардака.

Внутриполитическая обстановка пока была терпимой. Последние, так сказать, олицетворения недовольства в высшем свете потихоньку сходили на нет — в частности, сбежавший в Париж великий князь Сандро тут же начал демонстрировать свою козлиную натуру и вовсе изменять жене — благо то, что она сестра царя, более никакой роли не играло. Это, так сказать, он делал сам... А вот то, что обманутый муж одной его новой пассии взял да и пристрелил ловеласа, тут Танечке пришлось немножко поработать.

Великий князь Владимир тихо умирал, отстраненный от всех должностей, и от Алафузова требовалось только следить, чтобы около него случайно не появился хоть один приличный медик — потому что имеющиеся уверенно вели князя к могиле. Некоторые трудности возникли по поводу Николая Николаевича младшего. Этот персонаж всегда поддерживал Гошу, не воровал, но при этом являлся мало того что дубом, так еще и дубом честолюбивым. Очень уж ему хотелось выиграть какую-нибудь войну! На белом коне и в белом мундире, как Скобелев. Так что про него Гоша пребывал в глубоких сомнениях — мол, ну нельзя же так, человек хочет как лучше... Правда, если его выпереть в отставку, он вполне может захотеть и чего-нибудь другого. Но к чести императора надо сказать, что колебался он недолго, минуты три, а потом дал добро на операцию. И у Ник-Ника появилась новая любовница совершенно невообразимых кондиций и темперамента, а также несколько упаковок виагры. Естественно, что кончилось это ну в точности так, как у того самого Скобелева. [Генерал Скобелев погиб прямо на даме, которую, кстати, после этого долго звали «Роза Генеральская Могила».] Оставшийся без покровителя Янушкевич впал в панику и чуть не испортил мне всю игру, сам кинувшись в Гатчину с целью покаяться, но идиота удалось перехватить по дороге и отправить на место, продолжать руководить Генштабом.

Снизу тоже была хоть и не благодать, но вполне терпимая картина. Оставшиеся нелегальные партии твердо уяснили правила игры — пока они не нарушают табу, с ними борются обычными методами. Табу же было два — террор и получение денег из заграницы. Если какая-то группировка позволяла себе это, тут же начинался отлов и отстрел. Правда, пункт с деньгами первое время пытались обходить по схеме, когда экстремистов финансировал какой-нибудь предприниматель, имеющий интересы за рубежом, ну, а там уж ему это компенсировали, но после третьего процесса, кончившегося для гешефтмахеров червонцем с конфискацией, желающих поучаствовать в отмывании резко поубавилось.

В самом конце зимы ко мне пришел посетитель. В принципе, любой российский подданный мог явиться в приемную Гатчинского дворца и заявить, что он желает видеть канцлера по такому-то вопросу, после чего его ставили в очередь и сообщали, когда это можно будет сделать. Но о том, что данный человек хочет меня видеть, я знал до того, как он велел подать автомобиль и, кряхтя, начал напяливать парадный мундир с орденами. Зачем он это хочет, я тоже был в курсе.

Тяжело шагая, генерал-адмирал Российского Императорского Флота великий князь Алексей Александрович вошел ко мне в кабинет. Я пожал ему руку, и он сел в предложенное ему кресло, жалобно скрипнувшее под весом огромной туши.

— Знаешь ведь небось, Андреич, зачем я к тебе пришел, — без всяких вступлений заявил генерал-адмирал, с которым мы уже три года были на «ты».

— Знаю, — кивнул я, — но ты лучше все-таки расскажи, а то вдруг я знаю что-нибудь не то.

— Да где ж тут ошибиться... Даже твоя хитрая наука, которой ты людей с того света вытаскивал и молодость им возвращал, на меня не подействовала.

Да, генерал-адмирал был нами разок проведен через портал, но никакого улучшения не получилось. Похоже, ему просто надоело жить.

— А это о чем говорит? — продолжал тем временем Алексей. — О том, что отжил я свое, все что мог сделал, и даже немного того, что и не мог, это уж тебе спасибо и Оленьке. Пора и честь знать... Вот только неохота от обжорства помирать или от пьянства. Война на носу... Был бы я летчиком, попросил бы у тебя самолет на последний вылет. Но корабль — там же ведь люди, их-то за что?

— Дам я тебе корабль. Новая модификация катамарана может управляться одним человеком, там управление движками и пуском торпед выведено на капитанское место. Вот только тогда давай один вопрос утрясем — ты на Дальний Восток поездом поедешь или с эскадрой?

— Конечно, с эскадрой.

— Отлично. Дело в том, что она туда Северным морским путем поп... пойдет. Так что ты уж покомандуй ей этот переход, а на месте можешь брать катамаран, ну и... Или не ну, может, и поумнеешь в дороге.

— Да какой из меня командующий?

— Самый лучший. Как там что, на этом северном пути, сейчас знает один Вилькицкий со своими людьми. Думаешь, его наши адмиралы будут слушать, как Бога? А у тебя ни одна сволочь и не пискнет, вот уж это-то ты умеешь. Ну, по рукам?

После ухода генерал-адмирала я велел запускать следующего посетителя, и в кабинет зашел высокий молодой человек. Честно говоря, когда я увидел его в первый раз, то просто не узнал классика советской литературы, красного графа Алексея Толстого — подумал, что в секретариате чего-то напутали, пригласили не того... Но оказалось, что это все же он, только совершенно неузнаваемый из-за отсутствия признаков маститости на лице. И выражало это лицо сильнейшее беспокойство — по поводу чего трое молодых людей вежливо пригласили его аж к самому канцлеру? Но, по мере моего рассказа о том, как я себе представляю книгу «Гиперболоид инженера Гарина», он успокоился, только поинтересовался, что с ним будет, если он вдруг не справится.

— Ничего интересного, — пожал плечами я, — будете жить, как раньше, разве что иногда вспоминая о безнадежно упущенном шансе. Они же, эти шансы, не под каждым углом валяются.

Посмотрев на мой лазер, прослушав краткую лекцию про гиперболоид вообще и монохроматичность излучения в частности, граф сел творить и вскоре представил мне план-конспект своего будущего шедевра. Я почитал и офигел со второй страницы...

То, что Гарин оказался сотрудником секретного завода в Георгиевске, из-за махрового

индивидуализма не пожелавшим работать на благо Российской империи и сбежавшим, меня не удивило. Но ловила его почему-то прекрасная сотрудница одной очень секретной конторы! Причем это еще ладно, но в качестве героя второго плана там присутствовал я. То есть я эту сотрудницу напутствовал перед заданием, глядя на нее мудрыми усталыми глазами. И постоянно то тут, то там по тексту этот я не к месту изображал из себя рыцаря без страха и упрека.

— Не годится, — вынес я свой вердикт. — Вы кого тут описываете, канцлера Найденова или черт знает что с нимбом и крылышками? Где у вашего меня хоть один недостаток — покажите! Как это не видите, а кого треть Питера считает хамом и самодуром — мне что, специально вам демонстрировать эти свойства? Вот и я тоже думаю, что лучше поверить на слово. В общем, вот вам бумага, почитайте, что ваш однофамилец и тоже граф про меня думает. Ну а дальше сами сочиняйте, вы из нас двоих писатель, в конце концов. В общем, Найденов должен получиться личностью неоднозначной, чтоб было понятнее, с чего это от него Гарин сбежал. Далее, эта девушка, Зоя... Знаете, а давайте-ка я вас с одной дамой познакомлю, она вам расскажет в пределах допустимого, как действительно наши агентессы работают, а то вы тут понаписали явную ерунду.

Вообще-то на некоторых типов Танечка производила неизгладимое впечатление вовсе не своей выдающейся красотой. Так, например, директор информбюро как начал весьма ее опасаться с самой первой встречи, так за восемь лет знакомства не перестал. Генерал Янушкевич, хоть и встречался с ней всего раз в течение пяти минут, все эти минуты отчаянно трусил и потом до вечера не мог прийти в себя. Опять же Малечка Кшесинская боялась ее куда больше, чем даже меня... В общем, люди с развитым воображением и интуицией иногда воспринимали Танечку несколько своеобразно. И Алексей Николаевич тоже оказался из их числа, так что ловить Гарина у него тут же начал бывший матрос Шельга, а Зоя стала просто авантюристкой, ни малейшего отношения к нашим спецслужбам не имеющей. Ну, а для более глубоко изучения образа канцлера я пару раз позволял графу присутствовать на каких-то своих не касающихся секретных дел встречах. А сейчас граф пришел поинтересоваться, не следует ли ему съездить в Манчжурию, где явно назревают серьезные события. Причем по нему было видно, насколько не хочет он услышать положительный ответ.

— Зачем? — пошел навстречу его тайным пожеланиям я. — Там будет просто эпизод, хотя и очень масштабный. А основная борьба идет по всему миру и вовсе не между русскими и китайцами... Суть ее в том, что международная финансовая олигархия решила захватить мировое господство, но опираясь уже в основном на деньги. И ваша книга — она про то, что в этой борьбе, даже будучи законченным индивидуалистом, не желая иметь ничего общего ни с одной из сторон — все равно против своего желания будешь работать на какую-то. Так что главное в ней не гиперболоид, это всего лишь попавшееся герою под руку средство, а оливковый пояс и связанные с его эксплуатацией проблемы.

— Простите, — замялся граф, — но я видел, что гиперболоид, пусть и пока маломощный, тем не менее существует... Позволительно ли мне будет поинтересоваться степенью достоверности сведений про оливковый пояс?

— В принципе это возможно, — усмехнулся я, — зайдете к госпоже Князевой, пройдете все необходимые инструктажи, подпишите бумаги о неразглашении — и интересуйтесь на здоровье! Вам ответят. Вот только зачем вам оно нужно? Сейчас вы ничего не знаете и поэтому ничего не сможете разгласить. Значит, и санкций за это никаких быть не может... То есть пишите, исходя из логики развития сюжета, ну, а правдоподобность уточняйте в Геологическом управлении, я распоряжусь, чтобы вас там консультировали.

Через неделю мне на стол легло интересное донесение. Оказывается, сразу после беседы со мной будущий классик начал активно избавляться от имеющегося у него золота, включая какие-то фамильные безделушки, а вырученные деньги он вкладывал в основном в акции строящегося Московского машиностроительного завода, где мы собирались

производить горнопроходческое оборудование.

Кстати, я в общем-то чисто случайно сообщил Маше о своем спонсорстве Толстого, и поначалу это у нее никакой реакции не вызвало. Однако через пару дней она мне позвонила:

— Дядя, ну надо же заранее о таком в известность ставить! Нет, и сейчас еще не поздно, но можно было бы сыграть красивее.

— А чем же ты тогда два дня занималась?

— Э... — замялась ее величество, — все как-то не было времени прочитать.

Тут уже я малость офигел.

— Так ты, значит, до этого момента вообще «Гиперболоид» не читала? Может, тебе и фамилия инженера Лося ни о чем не говорит?

— А это в какой он главе, я же быстро читала?

— Тыфу, — сказал я, — а еще что-то про мой культурный уровень вякаешь. Инженер Лось не в главе, а в «Аэлите»! Это такой роман про любовь, а не ночной клуб на твоей бывшей улице.

В общем, заодно племянница и повысила свой культурный уровень. А на очередной встрече за ужином в Зимнем она мне сообщила:

— Действительно, искусство — великая сила! Твой Толстой еще и трети не написал, а Гинцбург уже застрелился.

— Постой, — удивился я, — так он же через полтора месяца все равно помрет, а сейчас и в сознание-то приходит не каждый день! Как это его угораздило?

— Да не Гораций, а его сын, Альфред. Так что теперь национализация Ленских приисков вообще пройдет как по маслу. Давно, кстати, пора, а то этот Горациевич уже начинал думать, кого бы привлечь из зарубежных инвесторов. Правда, здесь он связался не с англичанами, а с американцами. И ведь намекали же ему, как человеку, что Альперович весьма заинтересован в этом деле — так нет, связался с Рокфеллером! Впрочем, может, оно и к лучшему. Кстати, застрелился он из твоего пистолетика «эм эс шесть с половиной». Вот только почему такое странное название? Вроде принято оружие называть по одной фамилии конструктора, а тут с именем, да еще стоящим в конце.

— Да потому, что «эм эс» — это на самом деле не «Мосин Сергей», а «мечта Сократа», — пояснил я, — тем более, что этот пистолет проектировал не Мосин, а его ученик Токарев.

— Предупреждать надо, — возмутилась Маша, — я же себе тоже такую игрушку купила! Подождите немного, я прямо сейчас эту пакость выкину. Ну, дядя, ты и удружил! Остряк, блин.

Глава 13

Охренеть, подумал я, читая бумагу, полученную нашим МИД-ом из Форин Офис. Английская разведка сливает с таким трудом добытые сведения своим писателям-фантастам! А ведь как старались, раздобывая крупинцы информации о нашем реактивном самолете с пульсирующими двигателями... Мы, кстати, намучились с ним не меньше. Гадское устройство летало не когда его мог видеть паксовский агент, а когда ему вздумается! Для определения, проработает очередной движок положенные ему пятнадцать минут или прогорит еще в момент запуска, требовались не инженеры, а астрологи. За все четырнадцать полетов этого чуда техники было только два случая, когда оно и взлетало, и приземлялось на всех своих четырех движках. Правда, при этом оно летало очень быстро, достигнув семисот пятидесяти километров в час, но уже при такой скорости начинались проблемы с управляемостью.

Так вот, в английской бумаге спрашивалось, не примет ли Россия собирающегося туда известного фантаста Уэллса, а если примет, то не покажет ли ему тот реактивный самолет,

ибо Уэллс сейчас пишет роман о будущих войнах в воздухе.

В общем, я за три минуты прочел данную бумажку, потом минут пять офигевал над ней, а потом быстренько накарябал ответ за Гошиной подписью.

«Мы будем счастливы показать достижения российской авиации великому английскому писателю», — колотил я по клавишам, — «и готовы не только дать ему возможность с земли понаблюдать за полетами наших новейших аэропланов, но и самому попилотировать реактивный самолет».

В общем, три дня назад рейсовый дирижабль из Берлина привез в Питер, кроме очередной группы немецких офицеров, еще и Герберта Уэллса. Встречал его практикант из школы комиссаров, который в процессе поддержания светской беседы очень высоко оценил роман гостя «Война миров». Дальше, правда, образованность кандидата в комиссары показала дно, и он начал хвалить сначала «Из пушки на Луну», а потом и вовсе «Робинзона Крузо». Уэллс, как истинный джентльмен, даже не подал виду, что не имеет к написанию этих книжек ни малейшего отношения, а только благосклонно кивал. Впрочем, возможно, он просто не совсем понимал английский нашего курсанта, потому как тот учил язык всего пять месяцев и поэтому говорил отнюдь не на языке Диккенса.

На следующий день гость улетел в Георгиевск, где им занимался уже Перельман (да-да, тот самый популяризатор), и три дня провел там. Вообще-то планировалось управиться за день, но проклятое реактивное чудо упорно не хотело взлетать! Так что Уэллса кормили фантастикой про то, что канцлер дико занят и принять его пока никак не может, так что не хотите ли еще, например, сходить на нашу киностудию или побеседовать с господином Фишманом... Наконец на третий день самолет удалось-таки поднять в воздух, и он, оглушительно ревя тремя движками (четвертый заглох сразу после взлета), пронесся чуть ли не над самой шляпой английского гостя. И тут же с узла связи явился курьер с депешей, что канцлер, наконец, выкроил полдня и надо срочно лететь в Питер.

Пока гость летел, я знакомился с его похождениями в Георгиевске. Понятно, что от предложения полетать на реактивном самолете он вежливо отказался, сославшись на неумение и слабое здоровье (его и в «Кошке»-то укачивало до позеленения), но на предложение Бори Фишмана покататься на танке ответил согласием.

Наши супертанки в количестве девяти штук были сделаны в Екатеринбурге, но опытный образец строился на Георгиевском автозаводе. Боря, решив возродить лучшие традиции советской интеллигенции, по окончании испытаний выкупил этот образец, а потом за свой счет произвел капремонт и глубокую модернизацию. Изнутри танк оббили пробковой переклейкой, чем-то пропитанной для негорючести, а поверх нее наклеили обои фривольного содержания. На рычаги фрикционов были поставлены гидроусилители, так что усилия на них упали до килограмма. Из дополнительного оборудования танк заимел стереомагнитофон, складную койку и унитаз в углу боевого отделения. Затем это зримое воплощение патриотического подъема получило собственное имя «Борис Фишман» и сейчас ждало только экипажа, чтобы отправиться в Манчжурию, ну, а пока Боря ездил на нем в «Путаниум». В «Ведомостях» уже писали про этот танк, причем статья называлась «Стыдно, господа русские промышленники!».

Молодец Боря, подумал я, а то про показ этого танка в моем секретариате почему-то не подумали.

Гость прилетел к обеду, так что первым делом я повел его кормиться в нашу столовую самообслуживания. Не могу точно сказать, как он отреагировал на самолеты и танк, но столовая его просто потрясла. Первое, чего он не понял — это кому и как платить за еду.

— Никому и никак, — пояснил я, — питание тут бесплатное. Впрочем, вы обратили внимание, что в конце раздачи все берут вот такие бумажки?

Я показал ему листок вроде объявления с отрывными телефонами, только вместо номеров там были просто крупные цифры от единицы до пяти.

— Когда покушаете, оторвете нужную цифру, которой вы оцените обед, и бросите ее в ящик рядом со столом для использованных подносов. Пять — это значит, что вы считаете обед великолепным, единица — отравой, ну а все остальное между этими понятиями.

— И что, вы всегда едите здесь? — не поверил Уэллс.

— Разумеется, не всегда. Во-первых, бывают протокольные мероприятия. Во-вторых, у меня иногда случаются гости, отягощенные слишком высокими титулами — вроде вашего короля, например. Ну, и со временем бывает напряженно, так что приходится у себя в кабинете одновременно и есть, и читать. А так — конечно, хожу сюда, тут хоть выбрать можно, а в кабинете что принесли, то и жрешь.

Первое Уэллс съел в молчании, но затем набрался решимости задать давно созревший у него вопрос:

— Господин Найденов, я не могу отделаться от мысли, что в глубине души вы социалист.

— То есть как это в глубине? — даже слегка обиделся я. — И снаружи он же самый, просто пробы ставить негде! Неужели не видно?

— Но ведь ваша безжалостная борьба с социалистическими партиями... — неуверенно начал Уэллс.

— Простите, но это вас кто-то обманул — не борюсь я с ними. В России две легальных партии социалистической направленности, и с ними я не то что не воюю, а вовсе даже плодотворно сотрудничаю. Еще есть две нелегальных, и с ними, если они нарушают закон, поступают исключительно в рамках этого закона. Кстати, по российским законам образование нелегальной партии преследуется не уголовным, а административным порядком. А то, на что вы, скорее всего, намекаете — так это просто бандиты. Понимаете, у вас на Западе странная традиция — стоит только грабителю объявить о своих социалистических воззрениях, его тут же записывают в политические борцы.

Я не стал уточнять, что такое происходит исключительно с зарубежными поборниками прогрессивных учений, а своих те же англичане всегда за милую душу сажали и вешали именно как бандитов. Вместо этого я продолжил:

— Я считаю, что если грабеж или убийство имеют идеологическую подоплеку — то это отягчающее обстоятельство. А те, которых западная печать преподносит как невинных жертв злодея Найденова, были взяты на месте преступления и расстреляны в процессе оказания сопротивления.

Действительно, тут я несколько не кривил душой. После убийства комиссара в Киеве принадлежность к партии левых эсеров или ее финансирование были объявлены преступлениями против Империи, и у фигурантов имелись целые сутки, чтобы прибежать в ближайший полицейский участок и покаяться. Четверо, воспользовавшиеся этой возможностью, живы до сих пор.

— Однако то государственное устройство, которое вы пытаетесь построить в России, не очень похоже на социализм, — заметил Уэллс, делая перерыв в поедании макарон по-флотски, ибо на его европейский взгляд порция была явно велика.

— Это смотря по какому классическому социализму, — возразил я, — да вот хотя бы Ленина почитайте. Он ведь ясно и аргументировано пишет, что государственный капитализм является идеальной заготовкой для социализма, последним этапом перед переходом к нему! Так именно госкапитализм мы с его величеством императором и строим.

После обеда я провел гостя в подвал и продемонстрировал ему свой лазер. Правда, случился небольшой конфуз — в этот раз шарик хлопнул не сразу, а секунды через полторы после того, как в него уперлась ослепительная красная точка, но Уэллс все равно впечатлился по самое дальше некуда. Он ведь был воспитан на механистических представлениях и считал, что если что-то работает в виде маленькой модельки, то только в средствах упирается вопрос, насколько огромным и мощным может в ближайшее время стать это устройство. Ну, вроде как паровые машины — совсем недавно их мощность мерилась в

лучшем случае десятками лошадиных сил, а сейчас — уже десятками тысяч! И воодушевленный показом столь секретной вещи Уэллс спросил меня про Тунгусское диво.

— Это был метеорит, — сказал я, делая значительное лицо. — Я ценю доверительные отношения, вроде бы сложившиеся между нами, и, не желая их испортить, настоятельно советую — поверьте, что это был именно метеорит!

Фантаст проникся, и, вздохнув, сменил тему:

— Я специально интересовался уровнем оплаты труда, и вообще качеством жизни рабочих на заводах Георгиевска, — заметил он, — и, по-моему, далеко не на всех английских предприятиях он так высок. А вот как обстоят дела с этим в остальной России?

— Гораздо хуже, — честно ответил я. — Вы ведь были на авиационном, моторном и автомобильном заводах, там собраны самые квалифицированные рабочие со всей страны. На вагоностроительном уже несколько хуже. Но из заводов в других городах... На АРН-е, честно скажу, неплохо. А вот на Путиловском работы в этом направлении только начаты, так что, если есть желание, завтра можете заехать и посмотреть, я распоряжусь, чтобы вас пустили.

— Это значит, — усмехнулся Уэллс, — что на самом деле там все обстоит не так уж и плохо. А можно посмотреть, какова ситуация на предприятиях, где условия труда и оплата хуже всего?

— На здоровье, только сами выбирайте, чтобы не подозревать потом, будто я специально для вас что-то подготовил.

— Тогда... — Уэллс сделал паузу, — я хотел бы... (снова пауза)...посетить завод «Треугольник»!

Ишь, гордый какой, тоже мне, раскрыл государственную тайну, — подумал я и, посмотрев на часы, предложил:

— Поехали. Именно сейчас, потому как там в данный момент происходят аресты руководящего состава, так что завтра смотреть будет уже не на что. Сто раз им, козлам, прямым текстом намекали, что терпеть такое издевательство над русскими рабочими мы не будем! Так нет, решили, что раз у нас с Германией дружба, то они на своем заводе могут творить что угодно.

— А что скажет кайзер? — спросил ошарашенный Уэллс.

— Уже сказал — что такие нечистоплотные дельцы позорят всех честных немецких предпринимателей. И пожелал им побыстрее испытать на своей шкуре всю суровость русских законов. Зря, между прочим, удивляетесь — неужели кайзер будет ставить под удар почти миллиардный оборот с Россией из-за зарвавшихся резиновых царьков? Крупп, кстати, их бы своими руками придушил, потому что из-за них у него в Курске сейчас комиссия от объединенных профсоюзов. Но там особо придаться не к чему, я уже узнавал.

— И что теперь будет с заводом?

— Он станет совместным русско-немецким предприятием. Так едем?

Я позвонил в охрану, и через полчаса мой лимузин двинулся в сторону Обводного канала. Уже на подъезде можно было видеть какую-то суету возле входа в главный корпус, а чуть в стороне стояла толпа, на глаз приблизительно человек в пятьсот. Автомобили комиссариата были еще тут, и несколько бричек полиции тоже. Около них что-то возмущенно орал высокий и хорошо одетый господин.

— Чего ему не хватает? — поинтересовался я у подбежавшего к моей машине комиссара третьего ранга.

— Это американский консул, потому что среди арестованных есть два гражданина САСШ, — объяснил комиссар.

— Вы еще не забыли, как вас учили в школе действовать в таких ситуациях? — поинтересовался я.

— Никак нет! Сначала надо предупредить о недопустимости подобного образа действий — уже сделано и задокументировано. Если это не привело к результату, принять

силовые меры.

— Так что же он у вас до сих пор вопит — мне, что ли, идти ему бить рыло?

— Есть, — просиял комиссар и кинулся было к оратору, на бегу натягивая специальные перчатки со стальными вставками, но, услышав мое «стоп!», вернулся обратно.

— Когда воспитуемый очнется, — сказал я комиссару, протягивая ему свою визитку, — дадите ему это и скажете, что протесты надо подавать не в устной, а в письменной форме, вот сюда, с десяти до семнадцати по будням. Да, и еще, пожалуйста...

Я достал из кармана вторую визитку — стоматолога, дальнего родственника моего личного портного Айзенберга.

— Надеюсь, что клиенту это тоже понадобится, — напутствовал я комиссара.

— Не боитесь международного скандала? — с сомнением спросил Уэллс, когда я разъяснил ему суть происходящего.

— С чего бы его бояться? Хороший скандал оказывает на организм стимулирующее действие, так что перед ужином, например, это будет самое то, что надо. Но ведь не будут они скандалить... Это он тут по инерции разорался, привык, небось, где-нибудь в Аргентинах разговаривать с аборигенами в соответствующей тональности. А тут ему не Уругвай! И я просто выбрал самый доступный его пониманию способ разъяснения этого факта. У вас в Англии, кстати, он бы себя так не вел. И английский консул в подобной ситуации не драл бы глотку, а тихо строчил бы уже как минимум третий протест.

— Знаете, — доверительно сказал мне Уэллс, — а ведь вы не совсем правы... Мне приходилось общаться с американскими дипломатами, так последнее время и в Англии у них в поведении что-то такое проскальзывает...

Додумать окончание его фразы — «но там им некому дать в морду» — для меня не составило особого труда.

Тем временем командующий операцией комиссар второго ранга взял мегафон и неуверенно вякнул в него:

— Граждане, разойдитесь...

Вот ведь напасть, подумал я и спросил у него, подходя:

— Вы кому сдавали предмет «выступления перед толпой»? И что по нему получили, хотелось бы знать?

— Борисоглебскому, тройку, — покраснел комиссар.

— Сейчас вместо него там Керенский, настоятельно рекомендую прослушать его курс, это настоящий мастер, — сказал я и, взяв мегафон, осведомился у толпы:

— Господа, надеюсь, вы знаете, кто я такой? А, у некоторых есть сомнения... Тогда пусть те, кто знает, объяснят тем, кто еще нет, минутку я подожду. Так, с этим прояснилось? Тогда сообщаю вам, что цирк кончился, всех, кого надо, уже взяли. Или кто-то считает, что не всех?

— Что теперь с нами будет? — в несколько голосов закричали женщины, составляющие большинство в этой толпе. А из середины раздался крик:

— Завод уже закрыли, нас — на улицу, и подышайте с голода!

— Так, — хмыкнул я, — спрашивать, кто это сказал, как мне кажется, бессмысленно. Я лучше спрошу другое — а вот скажите мне, уважаемые, есть среди вас желающие получить тысячу рублей? Прямо сейчас и прямо здесь.

Толпа чуть подалась вперед.

— Значит, — продолжил я, — каждый, кто сейчас выйдет и приведет хоть один — Дядя Жора, плюнь на них, дур, говори, мы слушаем! — заорал невзрачный мужичок средних лет. Должно быть, в японскую войну служил на Квантуне, потому что так меня называли только там. Стоящие рядом с ним женщины отшатнулись, одна почему-то заплакала.

— Итак, — сказал я, — до понедельника, то есть в ближайшие четыре дня, завод будет закрыт. За эти дни вам будет выплачена компенсация в размере полного заработка, а за

сегодняшний день — в полуторном размере. Это чтоб вы меньше расстраивались воспоминаниями о том, как ваше горячо любимое начальство, заломив ему руки за спину, пошвыряли в черные воронки.

В толпе раздались неуверенные смешки.

— Далее, — перехватил я поудобнее тяжелый матюгальник, — начнется реконструкция завода. К этому времени вы должны решить, что будете делать дальше, ведь многие специальности после реконструкции станут ненужными, списки уже есть в дирекции. Так вот, всем желающим будет обеспечена возможность переучиться, причем во время учебы будет выплачиваться стипендия. Кроме того, на время реконструкции понадобятся разнорабочие, и тут у вас преимущественное право занятия вакансий. Наконец, кто-то может начать искать новую работу. Независимо от того, кто что выберет, всем в течение месяца будет выплачиваться треть среднего заработка. Вопросы есть?

— Спасибо, господин канцлер, — вдруг закричала какая-то старуха. Или не старуха — в условиях этого производства, говорят, люди за десять лет старели на сорок...

— Спасибо, спасибо! — раздались еще голоса.

— И последнее, — прервал я неуместные пока проявления благодарности, — мне надо извиниться перед вами. О том, что на вашем заводе не работа, а натуральная каторга, мы знали давно. Но просто так вмешаться было нельзя, потому что завод принадлежит, то есть принадлежал, немцам! Его величество лично договаривался с кайзером, чтобы прекратить это безобразие. И, как вы видите, договорился, после чего я и получил возможность навести здесь порядок. Ура его величеству!

— Ураааа! — с облегчением завопила толпа.

Уэллс внимательно слушал, как комиссар переводит мою речь и раплики из толпы, и что-то лихорадочно строчил в своем блокноте. Вот ведь думает, небось, до чего повезло случайно оказаться в гуще таких событий...

На самом деле элемент случайности тут действительно присутствовал, но в минимальных количествах. Еще неделю назад, то есть когда Гоша получил неофициальное «добро» от кайзера, информбюро начало работу по резкому усилению и так имеющихся слухов, что, мол, хуже, чем на «Треугольнике» только в аду — это было нужно для того, чтобы народ правильно и с одобрением воспринял сегодняшнюю акцию. Естественно, что циркулирующие по столице слухи уж в английском-то посольстве отслеживали очень внимательно, так что когда Уэллс явился туда и спросил, на каком из питерских предприятий рабочим живется хуже всего, адрес ему назвали без колебаний. Ну, а так как сроки начала операции были исключительно в моей компетенции, то я и назначил ее на день прибытия ко мне английского гостя.

По пути в Гатчину гость поделился со мной еще одним сомнением:

— Вы знаете, а теперь я уже вовсе не уверен в том, что хотя бы половина циркулирующих про вас слухов имеет отношение к действительности. Но вот только... наверное, вы в курсе, что говорят про ваш «Дом-два»?

— И вы туда же? — рассмеялся я. — Второй отдел департамента охраны материнства — это секретариат, там сидят милые девушки, разве что чуть располневшие от малоподвижной работы, и стучат на пишущих машинках. Если хотите, давайте туда прямо сейчас зайдем, тем более, что к ним недавно попал один экземпляр вашего последнего романа «Пища богов», и девушкам будет очень приятно познакомиться с его автором.

Глава 14

Уж полночь близится, а Германа все нет — так, кажется, сожалела какая-то дама у Пушкина? Вот и у нас тоже всю близился май, а китайцы все никак не начинали войну. Правда, проанализировав разрозненные данные разведки, я более или менее понял как причины задержки, так и сроки ее окончания, но первой в этом была Маша. То есть одну из

причин она назвала еще в начале марта и совершенно точно.

По конституции Курильского королевства королева являлась еще и верховной главнокомандующей, и в преддверии надвигающейся войны она вдруг вспомнила, что у нее нет никакого военного мундира, кроме полковничьего с японской войны, который, во-первых, уже стал ей откровенно тесноват, а во-вторых, не полностью соответствовал ее представлениям о прекрасном. И ее величество в редкие свободные минуты начала сочинять себе мундир...

Первый вариант более всего напоминал костюм гусара времен наполеоновских войн, но с глубоким декольте. Гоша, ознакомившись с эскизами, предложил обрядить в это кого-нибудь из фрейлин и отправить, например, в Академию Генштаба. И посмотреть на реакцию... В общем, Маша начала думать дальше, а тут на одном из совместных ужинов зашел разговор про задержку сроков начала военных действий.

— Гоша, дядя Жора, вы что, — оторвалась от созерцания очередного рисунка королева-императрица, — какая сейчас может быть война? Мне же одеть нечего!

Так вот, одна из причин задержки китайского наступления состояла именно в этом — воинам Поднебесной было банально нечего одеть. А ведь китаец из центральных, а тем более южных провинций уже при плюс пяти теряет всякую подвижность, это я помнил еще со времен обороны Артура. В Манчжурии же вообще зимой часто бывает снег...

Вторая причина состояла в весьма невысокой воинской подготовке основной массы солдат. Ознакомившись с ней, английские военные специалисты пришли в ужас и заявили, что на такое воинство русские даже не станут тратить патроны, а просто нагайками загонят его, куда им будет нужно. И теперь огромная армия, высунув язык, срочно постигала азы солдатской науки.

У нас же наметился еще один аспект, на который до того как-то не было повода обращать специальное внимание — а именно еврейский вопрос. Собственно, немцы были выданы за сынов израилевых просто потому, что не татарами же их было представлять! Но неожиданно это дело получило довольно громкий резонанс. Начался он с того, что со мной пожелала увидеться делегация Бунда, который являлся хоть и нелегальной, но последнее время довольно прилично себя ведущей партией. Причем перед приходом официальной бумаги ко мне явился мой портной и спросил, позволяет ли его длительное знакомство с таким замечательным человеком, как канцлер, просить об аудиенции для нескольких его родственников? Если да, то благодарность его, Айзенберга, не будет иметь границ.

Меня так и подмывало уточнить размеры безграничности, но я просто сказал, что несколько — это слишком много, не люблю я митингов в своем кабинете. Пусть они одного поавторитетней выберут и сообщат об этом в мою приемную, мариновать делегата я не буду.

Так что через день в секретариат пришла бумага, а через два из приемной сообщили, что туда пришел представитель Бунда.

— Дайте ему сопровождающего до кабинета, — велел я. И, уже положив трубку, сообразил, что не помню всего раз слышанную фамилию гостя — вроде что-то похожее на «вынь руку из кармана». Я попытался мысленно перевести эту фразу на немецкий, но в это время ожил селектор, и голос дежурного секретаря сообщил мне:

— Прибыл Арон Самуилович Немнихер, «Бунд».

— Запускайте, — велел я.

Запущенный бодро зашел в кабинет, наткнулся на мой взгляд, малость сбледнул с лица и сделал полшага назад, но я уже избавился от наваждения и улыбнулся:

— Заходите, Арон Самуилович, почувствуйте себя как дома. Извините, но вы просто очень похожи на одного моего знакомого, прямо руки зачесались... Еще раз извините.

Действительно, гость был точной копией первого российского премьера — и упаси господь, я имею в виду вовсе не Столыпина!

— Неужели мой непутевый брат Ися чем-то насолил вашей светлости? — с выражением сильнейшего беспокойства на поросычьей морде ужаснулся гость.

— Нет, не волнуйтесь, этот человек вовсе не из Российской империи, и ни к вам, ни к вашим уважаемым родственникам он не имеет никакого отношения. Так что давайте перейдем к делу — вот вам кофе, и я вас внимательно слушаю.

Гость отпил кофе и начал свою речь. По ней выходило, что в Бунде, проанализировав текущую обстановку, пришли к выводу, что призывы некоторых экстремистов к образованию еврейского государства именно в Палестине несколько преждевременны, в то время как сама идея о создании где-нибудь такого государства уже давно созрела.

— Понятно, — кивнул я, — и во избежание ее перезревания вы и решили проконсультироваться со мной. В принципе я не против, но хотелось бы начать с географической части этого вопроса. Где Эрец Исраэль делать будем?

— Поймите меня правильно, — замялся Арон Самуилович, — но в нашей партии есть люди, считающие, что лучше всего для этой цели подходит Крым.

— Так это ненадолго, — успокоил я собеседника, — сегодня они есть, а насчет завтра я бы уже не поручился. Надеюсь, вы пришли сюда с целью представить мне более реалистичный проект?

— Ну разумеется, — прижал лапки к груди делегат, — большинство, выразителем интереса которого я и являюсь, считает, что данное государство может быть образовано на Дальнем Востоке.

— Замечательно, — восхитился я, — позвольте мне продолжить вашу мысль! Великий еврейский народ решил не остаться в стороне от борьбы чуть менее великого манчжурского против китайских захватчиков! И вы пришли предупредить меня о грядущем наплыве сотен тысяч добровольцев, готовых в едином порыве отбить свою будущую землю у миллионных армий противника? Кстати, не знаете, кто у нас был Гете по национальности? Впрочем, это не важно, больно уж он хорошо сказал — «лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день за них идет на бой».

— Э-э-э... — проблеял представитель великого народа.

— То есть вы хотите сказать, что сотен тысяч добровольцев не будет? — огорчился я. — Тогда хоть поясните, что вы хотите предложить вместо них.

В общем, через пару минут выяснилось, что Бунд предлагает нам, выражаясь современным языком, информационную поддержку.

— И все? — осведомился я, глядя на карту с их территориальными пожеланиями. Будущий Биробиджан предполагалось расположить в восточной Манчжурии, между Амуром и КВЖД. — За такой кусок, пожалуй, маловато будет.

— Разве России не нужно дружественное государство на ее восточных границах? — начал агитировать меня бундовец.

— Конечно, нужно, но ведь вы нарисовали его совсем не там! Желаемый вами кусок находится практически внутри российской территории. Так что или формируйте две... нет, три полноценные дивизии, или способствуйте этому материально.

— Мы поспособствуем! — заверил меня делегат, — но, значит, вы не против образования там именно независимого государства?

— Разумеется, нет — при его правильном политическом устройстве. Это будет монархия или республика?

— Республика, — потупил глазки бундовец.

— Тогда тамошним президентом, с правами примерно как у английского короля, должен избираться российский император. Ну, а премьера сами выбирайте как хотите.

— Простите, не понял — а как же свобода выбора президента?

— Так вам еще и ее хочется? Тогда это надо прикинуть, почему нынче такое. А оно вам точно надо? Возьмите да запишите в конституции, что каждый гражданин Израиля имеет право выбирать в президенты русского императора, вопрос-то в чем?

— Хотелось бы что-нибудь не столь безальтернативное.

— Ладно, уговорили. Пусть у каждого будет абсолютно свободный выбор между русским императором и русской же императрицей. Что, опять недовольны? Ну, знаете...

Возьмите для примера цитадель демократии, то есть Штаты. И что? Никто не возмущается, а все каждые четыре года радостно выбирают одного из двух абсолютно одинаковых кандидатов. У вас же они по определению будут хотя бы разного пола! В общем, этот вопрос дальнейшему обсуждению не подлежит. Давайте-ка лучше вот что уточним... Я вообще-то и раньше обращал внимание на вашу партию, но почему-то не замечал особого стремления создать свое, абсолютно независимое государство. Говорилось только о равноправии и культурной автономии. С чего это вдруг такие новации?

— Так ведь, ваша светлость...

— Блин, вы социалист или кто? А если да, то я для вас Георгий Андреевич или гражданин канцлер. В товарищи пока не набиваюсь, вы уж извините.

— Георгий Андреевич, но ведь по императорским указам от пятого и седьмого годов равноправие уже есть, а благодаря усилиям господина Сталина стала возможной и культурная автономия, но...

— Аппетит приходит во время еды, — вздохнул я. — Хотите совет? Хоть Пушкина и трудно отнести к классикам еврейской литературы, но все же советую внести в школьную программу по литературе «Сказку о рыбаке и рыбке». Но это потом, по мере построения социализма, а пока давайте вернемся к более близким вещам.

Я пододвинул собеседнику лист бумаги и ручку.

— Вы обещали мне всяческую поддержку? Так в порядке ее начала напишите, пожалуйста, список лиц, которые разевали хлебала на Крым.

— Вы их... — оторопел собеседник.

— Да не я, а следственный комитет и прокуратура. Неужели вы верите, что они никогда в жизни не допускали ни малейшего нарушения законов?

Посмотрев на своего визави, я решил разъяснить этот вопрос поосновательней.

— Вы слышали термин «неотвратимость наказания»? Так вот, строго говоря, это фикция. Полной неотвратимости за всю историю человечества не было, и я сильно подозреваю, что ее лет сто еще не будет. Для нарушившего закон всегда существует вероятность избежать наказания, и весь вопрос только в том, по каким признакам будет происходить ее распределение. Например, возьмем того же недавно почившего в насквозь демократической Америке Моргана — да по нему же за его железнодорожные и нефтяные дела давно виселица плакала! Однако тогда не нашлось достаточно решительных конкурентов, чтобы профинансировать выполнение американской Фемидой своих обязанностей. То есть при демократии степень слепоты карательных органов зависит от толщины кошелька клиента. Согласитесь, что этот параметр не имеет ни малейшего отношения к интересам государства. У нас нечто похожее в том смысле, что переловить всех нарушителей физически невозможно, даже увеличь я штаты полиции хоть в десять раз. Но решает, кому первому знакомиться с правоохранительными органами, не случай в лице купленной на корню прокурорской братии, а император — ну или ваш покорный слуга, как его первый заместитель. Это лучше хотя бы тем, что купленный чиновник блюдет исключительно интересы своего нанимателя и свои собственные, а император вполне может руководствоваться и государственными. Ну, и возвращаясь к нашим баранам... Административный кодекс вы наверняка читали, уже скоро год, как он действует. Но на всякий случай напомню, что полагается за нелегальную политическую партию. Организаторам — штраф в двадцать процентов от состояния и имущества, но не менее двух с половиной тысяч рублей. Руководящему ядру партии — десять процентов и полторы тысячи соответственно. Ну, а с рядовых членов всего по пятьсот рублей. И вы что, хотите, чтобы я лично проследил за тем, чтобы именно эти меры и были приняты ко всей партии? Или все-таки давайте ограничимся только наиболее одиозными личностями, список которых вы мне сейчас и напишите?

Арон Самуилович внял моим аргументам, пододвинул листок поближе и начал строчить. Понаблюдав за его вдохновенным трудом, я счел необходимым заметить:

— Вы знаете, я же живой человек, и у меня есть свои слабости. Вот не люблю я, когда

мне пытаются втюхать что-то недоброкачественное, а уж если это «что-то» — информация, то я и вовсе зверею. Даже самому потом на похоронах иногда бывает несколько неудобно...

Рука творца дрогнула, он быстро зачеркнул четыре фамилии, дописал еще две и передал мне список, сопроводив это действие кротким взглядом.

Я мельком проглядел перечень — больше половины фамилий были мне не знакомы. Ладно, послушаем, что про него скажут Алафузов и, пожалуй, Сталин, а пока продолжим беседу.

— Мне еще вот какой вопрос покоя не дает — почему Бунд до сих пор нелегален? Террором вы не увлекались, призывы к насильственному свержению существующего строя тоже вовсе не являются основным содержанием вашей агитации... Неужели дело только в запрете стачек на оборонных предприятиях и телеграфе?

— Нет, — покачал головой мой собеседник, — просто в такой ответственный момент, как сейчас, партия должна заниматься чем-нибудь одним. И если начнутся споры про легализацию, то сил на работу по созданию государства может и не хватить.

Арон Самуилович замолчал, видимо, собираясь с мыслями. И, кажется, собрался — даже внешность слегка изменилась, то есть почти исчезло сходство с обеспокоенным поросенком.

— Георгий Андреевич, можно задать вам непосредственно к этому делу не относящийся вопрос? Сразу хочу сказать, что он непростой... возможно, вы даже сочтете его оскорбительным. Но он настолько важен, что я готов рискнуть!

— Вы герой? — усмехнулся я. — Если да, то вы немножко не по адресу. Приведите мне хоть один пример, когда я кого-то преследовал за вопрос, заданный лично мне! Не можете? Тогда излагайте, что там у вас.

— Видите ли, — осторожно начал гость, — Бунд возник как партия еврейского пролетариата, ремесленников и крестьянства. Но через некоторое время он приобрел массовую поддержку интеллигенции, а последнее время — и деловых кругов.

Ну, тут господин немножко лукавит, подумалось мне. Ибо за Бундом мои службы присматривали достаточно внимательно, так что я уже давно обратил внимания на некоторые отличия здешней партии от таковой же в моем прошлом мире. Здесь не было революции пятого года и связанного с ней скачка Бунда влево, но главное — там, в том мире, крупному еврейскому капиталу этот Бунд был в общем-то до лампочки. Банкиры и до Витте чувствовали себя достаточно привольно, а уж в результате его деятельности и вовсе не открывали дверь к императору ногой только потому, что это не принесло бы никакой прибыли. А тут вдруг на трон взошел Георгий Первый. И это бы еще ладно, но кого он поставил канцлером! В общем, весь пятый год я вдавливал российским банкирам, девяносто процентов которых имели весьма характерные фамилии, что при планировании любого действия первым делом надо подумать, не нанесет ли оно вреда Российской империи и не пойдет ли вразрез с политикой канцлера. В результате из несговорчивых четверо сумели сбежать, хотя на самом деле им просто создали условия, ибо было бы нехорошо, если бы слинять удалось одному Альперовичу. Еще двоих пышно похоронили, четверых провели через публичные процессы, кончившиеся стандартным червонцем с конфискаций, и на этом непонятливые иссякли. Нет, небольшие поползновения еще иногда происходили, но людям теперь стало вполне достаточно беседы с комиссаром, который объяснял, в чем данный банкир неправ и какая сумма сможет загладить это досадное недоразумение.

Так вот, в этих условиях еврейские деловые круги обратили самое пристальное внимание на Бунд. А насчет интеллигенции... Да, в небольших количествах она присутствовала в партии с момента ее образования, но массовый наплыв случился уже после получения, так сказать, социального заказа, причем оплаченного.

— И эти круги испытывают определенное беспокойство по двум причинам. Первая... Георгий Андреевич, вы же только что разрешили мне называть вещи своими именами! И я вам прямо заявляю — то, что вы делаете в области взаимоотношений государства и частного капитала — это произвол!

— А что, разве он когда-нибудь был похож на что-то другое? — удивился я. — Именно произвол, таковым он и был задуман, таковым и реализуется. Или вы считаете, что он реализуется недостаточно решительно?

По виду собеседника было совершенно ясно, что ни малейшего недостатка решительности он не видит, но я решил до конца прояснить этот вопрос:

— Весь народ России должен жить по одному закону, это неоднократно подчеркивал император, ну а я прилагаю все силы для того, чтобы оно побыстрее стало именно так. Но ведь народ же, а не элита! Ибо она всегда какой-то мере причастна к созданию законов, и что, она их будет писать сама против себя? Не смешите. И пока у нас не отработан механизм разработки и принятия дополнительных законов именно для элиты, которые она должна соблюдать помимо общих, эти законы временно заменяются произволом со стороны его величества, меня и последнее время в какой-то мере премьер-министра. А к элите мы относим всех, могущих оказать реальное влияние на политику государства. Причем чиновник начиная с четвертого класса относится к элите автоматически, а бизнесмен — только когда начинает лезть в политику. Я вполне допускаю, что лично вам или еще кому-то такое положение дел не нравится, но это не мои проблемы.

— Надеюсь, что этот... э-э-э... переходный период кончится достаточно быстро! — вздохнул гость и продолжил:

— Однако пока в определенных кругах наличествует серьезное беспокойство, не будет ли что-либо подобное культивироваться и в образовавшемся государстве.

Вот, значит, с чем связано вдруг охватившее некоторых стремление к собственной государственности, сообразил я. И разъяснил:

— Ничего похожего на произвол не будет, но в случае соблюдения несложного... ну, скажем, кодекса. Первое — без согласования с комиссариатом запрещено финансово поддерживать любые политические либо общественные движения в России. Второе — накладывается запрет на поддержку некоторых партий и вне наших границ, их список будет вам вручен. И, наконец, ни в коем случае нельзя вести никаких несанкционированных дел с субъектами, находящимися в списке нелояльных к России. Список небольшой, на сегодняшний день там все Ротшильды, Рокфеллер и банкирский дом «Кун и Леб». Пока эти пункты будут соблюдаться, Россия полностью воздержится от какого-либо вмешательства во внутренние дела новообразованного государства. Ой, зря вы с таким облегчением вздыхаете, я же еще не закончил... Так вот, между Россией и вами должен быть подписан еще и договор о взаимной выдаче преступников. Какие статьи в нем перечислите вы — это ваше дело, а Россия потребует выдачи по статьям из раздела «Преступления против Империи». Они, кстати, срока давности не имеют. Да, и побледнели вы тоже зря, дослушайте же до конца, прежде чем реагировать! Так вот, иметь право и пользоваться им — это две большие разницы. Россия вам устно обещает, что не будет пользоваться своим правом требовать экстрадиции, пока вы будете прислушиваться к рекомендациям финансового департамента Ее Величества. Ну, а конкретно на кого и сколько у меня есть материала — пусть это пока останется моей маленькой тайной.

Глава 15

У меня зазвонил телефон.

В отличие от героев Чуковского, мне не было повода предполагать, что звонит слон, потому что на аппарате зажглась вторая слева лампочка, означающая, что звонок из Георгиевска.

«Ну, если опять что-то переносится, то даже и не знаю», — подумал я, снимая трубку. Но услышал всего лишь:

— Жора, ты? Фишман на проводе. Не передумал послезавтра к нам лететь?

— Типун тебе на язык, — со всей искренностью пожелал я собеседнику.

— Ну, мало ли... А на чем собираешься?

— На обычной армейской «Кошке», чего зря «Кондор» гонять.

— Это самое, — замылся Боря, — может, хоть на широкофюзеляжной полетишь? А то у этих бомберов со всех щелей дует, как бы у тебя ревматизм не обострился.

— Слушай, ты лучше Расскажи толком, чего тебе надо, а мозги мне полоскать и без тебя хватает кому. Чего тебе захватить, что не влезет в «Кошку»-пикировщик?

— Алечку с детьми.

Я напряг память — у Алисы четыре дочери плюс сын, то есть все шесть пассажирских мест будут заняты. Это значит, что мне придется лететь в пилотском кресле, да еще четыре часа слушать за спиной галдеж этого вывода! Нет уж, кушайте сами.

— А чего бы им в своем вагоне не поехать, ведь есть же он у Алисы? — поинтересовался я.

— Он был, — просветил меня Боря, — но, пока он стоял в тупике четыре года, Алечка же никуда не ездила, его малость разукomплектовали... Даже колеса сперли, уроды! Совсем твои явные и тайные полиции мышей не ловят.

— Согласен, отдельные недостатки есть, — признал я, — но и Алиса тоже хороша. Где, черт побери, заявление от потерпевшей? А без него возбудить дело трудно. И у тебя что, денег не хватает любовнице вагон починить?

— Да я им уже мини-поезд заказал, к середине лета будет, а сейчас захвати их, будь другом! Не на обычном же поезде им ехать, они даже и не представляют, как это делается.

— Ладно, уговорил, полечу на «Кондоре». Только сам ей звони и говори, чтобы к половине одиннадцатого они все были на аэродроме. Вылет в одиннадцать, пусть не опаздывают.

— Жора, а ты не можешь послать за ними свою машину?

— Блин, у нее что, и с авто колеса попятости? — возмутился я.

— Нет, но у нее же «Роллс-ройс». Не доедет эта колымага от Петергофа до Гатчины без поломок, а ты же, сатрап такой, ждать их не будешь.

— Господин Фишман, мне стыдно за вас, — сообщил я своему собеседнику. — Я понимаю, что подарить всем твоим пассиям по отечественной машине невозможно, у нас всего три автозавода, но хоть некоторым-то мог бы! Ладно, предупреди их, чтоб не испугались ненароком, и, так уж и быть, в благодарность за полевые транзисторы привезу я тебе это семейство.

— И обратно захватить не забудь! — счел нужным напомнить мне этот лесбиян.

— Тьфу на тебя, кобеля, — попрощался я с Борей и положил трубку. Но, подумав минут пять, позвонил в комиссариат и велел послать разобраться с вагоном какого-нибудь практиканта — хоть многие и считают, что Алиса сейчас в опале, но это же не повод, чтобы сквозь пальцы смотреть на разграбление вагона, находящегося, между прочим, на балансе министерства двора!

Вечером будущий комиссар, малость краснея и заикаясь от неожиданной аудиенции, рассказал мне суть этой истории. Оказывается, вагон три года стоял под открытым небом, потом ему одной прекрасной ночью кто-то разбил стекло, залез внутрь и самую малость там поживился. В результате транспортное средство было отправлено в ремонт, в числе прочего и на профилактику колесных пар, но тут начались события в Китае, а за ними — массовая перевозка всего на Дальний Восток. В депо царил бардак, и на робкий вопрос Алисы «когда же?» ей сказали, что колес сейчас нет, когда будут — неизвестно, все вопросы к канцлеру, который велел любой ценой обеспечить вагоны для Манчжурии. С кандидатом же в комиссары разговаривали более конкретно — если делать все обычным порядком, на приведение этого вагона в порядок потребуется две недели, а для необычного нужно распоряжение свыше.

— Скажите им, чтобы через три недели он точно был, — вынес вердикт я, — и, если на ремонт нужны будут дополнительные средства, пусть обращаются в мою бухгалтерию.

В двадцать первом веке, насколько я обращал внимание, полет на самолетах стал уже

такой обыденностью, что даже летящие в первый раз пассажиры вели себя совершенно спокойно, но тут это было еще экзотикой, заставлявшей напрягаться почти всех новичков. По поведению в воздухе они четко делились на две группы. Первая бледнела, становилась какой-то заторможенной, задерживала дыхание на каждой воздушной яме и вообще весь полет, стиснув зубы, ждала только одного — когда же он наконец закончится. Вторая впадала в возбуждение.

К моему счастью, Алиса со своими дочерьми и двумя сопровождавшими их фрейлинами относились к первой группе, и только Алексей с восторженным визгом носился от окна к окну. За ним присматривали стюардессы — я, хоть и неплохо относился к мальчику, сейчас был совершенно не в настроении общаться с кем-то. Все три с небольшим часа полета я еще раз просматривал уже не раз и не два перечитанные бумаги.

Я летел в Георгиевск на заключительный этап заводских испытаний нового самолета, истребителя-штурмовика «Стриж», сделанного под новый четырнадцатилиндровый мотор ТН-27 — Тринклер настоял, чтобы в названии появилась еще и буква «Н», потому что, действительно, мой вклад в эту работу был весьма заметным. А мотор этот по сути представлял из себя АШ-82ФН, только с электронным управлением впрыском — правда, аналоговым. Сам же самолет был почти точной копией И-185, и самым главным отличием от прототипа было наличие большого числа управляющей электроники. Вовремя Боря снабдил нас полевыми транзисторами! Правда, мощность их была невелика, и силовые ключи состояли из нескольких десятков параллельно включенных полевиков, которые перед запайкой еще и подбирались по параметрам.

Отчеты испытателей, хоть и написанные сухим официальным языком, все же позволяли между строк разглядеть совершенно детский восторг летчиков перед этой машиной. И потом оба единодушно утверждали, что недостатков эта машина не имеет вообще! Одни сплошные достоинства, причем выдающиеся.

Сразу по прилету, сдав Боре его ораву, я отправился на авиазавод. Сегодня по плану было общее знакомство с самолетом, обсиживание кабины, запоминание уже не с картинок, а в натуре всех приборов и органов управления — этим я занимался до семи вечера. Потом, наспех перекусив в заводской столовой, пошел смотреть на еще одну новинку — глубоко модифицированную «Кошку», которую тоже скоро должны были начать испытывать. Внешне это было почти то же самое, но моторы были шестисотсильными двухрядными, а в конструкции прибавилось металла типа стальных полок лонжеронов и дюралевых нервюр. На одной и той же базе предполагалось делать сразу несколько разновидностей — двухмоторный штурмовик, ближний бомбардировщик, палубный пикировщик, а некоторые уже задумывались и над дальним истребителем сопровождения. Но здесь особых революций не было — «Кошка» осталась «Кошкой», только стала вдвое тяжелее, втрое мощнее и получила крыло с закрылками и предкрылками. Ну и название подлиннее — самолет уже имел имя «Выхухоль». Выбрал я этого зверя потому, что, как уже говорилось, эта модель должна была иметь много модификаций, и их спокойно можно было называть «Похухоль», «Нахухоль» и так далее, у меня в ноуте было полторы страницы такой прикладной зоологии.

Весь следующий день я занимался сначала рулежкой, а потом подлетами. Ох, как хотелось главному конструктору Миронову и бригаде испытателей придаться к чему-нибудь и отложить мой полет! В принципе их можно было понять — а вдруг канцлер гробанется, это ж сколько вони-то будет! Но и я, и самолет вели себя прилично — правда, на малых скоростях он рулился куда хуже «Ишака», при первом подлете я вообще с трудом развернулся в конце полосы.

Я сам ввел порядок, согласно которому первый для данного пилота вылет на новом самолете не мог быть произведен в тот же день, что рулежка и подлеты, а только на следующий или позже. Чтоб, значит, навыки маленько утряслись, да и лишнее время на обдумывание тоже не помешает.

Ну, и утром двадцатого апреля состоялся настоящий полет. Перед ним я выслушал «а

может, не надо» сначала от Миронова, потом от Тринклера, а когда с этим же самым ко мне подгреб Фишман, я его с облегчением послал, ибо сделать такое по отношению к двум предыдущим доброхотам не позволяла субординация, они все-таки мои подчиненные и в какой-то мере ученики.

Перед взлетом я еще немножко погордился своим самообладанием — такой полет впереди, а спокоен, как удав! Впрочем, буквально через пять минут я вынужден был признать, что спокойствие это происходило исключительно от недостатка воображения, а пока, увидев отмашку дежурного, до предела двинул вперед сектор газа.

Все-таки при рулежках и подлетах мощь мотора ощущалась не так, меня буквально вдавило в спинку кресла, как при старте на мощном автомобиле. Не успев толком ничего сообразить, я уже оказался в воздухе — руки все сделали сами, не ожидая команд от мозга. Но тут он очнулся и завопил: «шасси»! Я убрал колеса, слева раздалось «вж-ж-ж» электромотора, и расположенный за газом рычаг управления механизацией крыла сдвинулся на два щелчка вперед. Самолет чуть просел, но тут же начал резво набирать и высоту, и скорость.

Первый этап — скорость триста тридцать, высота шестьсот. Общие впечатления были нормальными — самолет реагирует на ручку и педали чуть резче «Ишака», но именно что чуть. Горка, вираж... На бочке случился сюрприз. Чтобы дать ручку влево, пришлось сдвинуть левое колено, но, когда в таком положении потребовалось дать правую педаль, левый каблук за что-то зацепился. Выдернул я его быстро, но бочка получилась в два приема, с задержкой на спине. Повторил, но заранее чуть оттягивая носок левой ноги — теперь нормально. Но вообще-то это непорядок... Однако пора переходить ко второму этапу, то есть — снова полный газ. Вот самолет набрал положенные четыре километра, и я перешел в горизонтальный полет. Тон мотора слегка изменился, и стрелка тахометра на мгновение коснулась красной зоны, но тут же отползла на место — это сработал автомат изменения шага, но, кажется, с некоторым запаздыванием. Так, скорость пятьсот шестьдесят, прибираю газ, можно попробовать для начала вираж.

Я отработал ручкой и педалями, но тут же покрылся холодным потом — вместо примерно тридцатиградусного крена у меня получился почти мгновенный набор ста метров высоты в положении практически на боку! Хорошо хоть, что за время этой не поддающейся классификации фигуры пилотажа самолет немного сбросил скорость.

Похожая ситуация была у меня даже не знаю сколько лет назад, в девяносто втором году. Тогда я впервые выехал за границу, в Голландию, и там мне дали проехаться на настоящих мотоциклах. Сначала я прокатился на хондовском классике СиБи — ван. Мотоцикл привел меня в восторг — правильная «Ява»! Мощная, с жесткой рамой и ходовой, отлично управляемая и очень устойчивая. А после нее я сел на ямаховский спортбайк... До скорости в сто сорок он казался мне обычным мотоциклом, только излишне резким и с неудобной посадкой. На скорости же в сто восемьдесят я с ужасом понял, что не чувствую машину! Она была готова повиноваться малейшему движению пальцев, но вот только пальцы эти не были способны ни к какой осмысленной команде. Сброс газа — и я чуть не разложился из-за проскользнувшего от торможения двигателем заднего колеса. С трудом отгоняя мысли, что сейчас на дороге может попасться какая-нибудь колдобина, я начал осторожно сбрасывать скорость. И прошло немало времени, прежде чем у меня стало получаться нормально ездить на такой технике... Сейчас было то же самое. Я мысленно приказал себе сделать еле заметную горку, скорее даже ухабчик, а получился хороший рывок вверх, да еще с каким-то дурацким покачиванием крыльями. Нет, хватит, остороженько так тянем газ на себя, а ручку, наоборот, самую малость от себя... Самолет с воем вошел в пикирование. В панике я дернул одновременно и ручку, и сектор газа, и тут же зашипел от боли в раненом над Артуром плече — при перегрузке руку вывернуло не совсем естественным образом. Но вот, наконец, скорость упала до трехсот, я с величайшей осторожностью добавил газа, убедился, что самолет управляется уже не так резко, и начал осматриваться. Блин, оказывается, в процессе духовных переживаний я потихоньку залетел

хрен знает куда! Подо мной должен был быть второй химзавод, а тут поля и какая-то речка явно шире Нары. Вопить по радио «иде я?!» — позор-то какой! Ладно, применим дедукцию, то есть попробуем думать головой, а не задницей. Если речка шире Нары, но явно уже Оки, то как она может называться? Скорее всего Протва. А если это Протва, то где-то тут должна быть характерная излучина, на которой в том мире находилось Протвино, а в этом — пока еще ничего. Точно, вон она! Я с облегчением развернулся почти на сто восемьдесят градусов и полетел к аэродрому.

На посадку я заходил аккуратно, заранее снизившись и выпустив шасси. Перед самым аэродромом дернул за находящийся под сиденьем рычаг, и сдвижная часть фонаря кабины с лязгом отъехала назад — у прототипа такого не было, это мы придумали сами в порядке его улучшения. Вот до земли осталось метра полтора, самолет задрал нос, и всякое подобие обзора вперед исчезло. Я высунул голову и, свесив ее влево, смотрел вперед чуть сбоку капота, так было видно полосу хоть и не прямо под собой, но достаточно близко к этому. Очки тут же начало помаленьку забрызгивать масляной пылью, но самолет уже катился по бетону. Я подрулил к краю полосы и попытался вылезти из машины. Однако фиг вам — оказалось, что проклятый фонарь открылся не до конца! Голова пролезала, а вот насчет сиделищной части у меня были определенные сомнения. Решив не рисковать и не давать повода для рассказов, как застрявшего канцлера тащили из самолета, я стал ждать, когда ко мне подбегут механики.

Минут через пять меня освободили, я сообщил, что все в порядке, список замечаний невелик и будет к вечеру, и потихоньку пошел к КДП. На душе было грустно.

В японскую войну я мог считать себя одним из лучших пилотов мира. В черногорскую — просто неплохим летчиком. Сейчас же меня можно назвать администратором, политиком, инженером, генералом — кем угодно, но только не пилотом, теперь это в прошлом. На таких, как эта, машинах я нормально летать уже не могу, а учиться банально некогда. Значит, ни на чем, что в пилотировании сложнее «Ишака», летать лучше и не пытаться. Увы и еще раз увy, вот такие дела...

Из ждавших окончания полета только Фишман правильно понял мое состояние.

— Да не расстраивайся ты, подумаешь, полет у тебя получился без должного блеска. Я вон на «Тузике» летаю хуже, чем ты на «Стриже», и что, думаешь, я тебе завидую? Хотя... действительно, когда ты меня сюда вез, что-то такое было. Но сходил в «Путаниум» — и как отрезало! Может, и ты сейчас слегка расслабишься? А то физиономия больно траурная. У меня машина с тонированными стеклами, что внутри, совершенно не видно, и ее появление там никакого интереса ни у кого не вызовет... Все лучше, чем переживать на пустом месте.

— Поди ты в зад со своими похабными предложениями, — посоветовал я Боре, — у меня моральный облик. И жена ревнивая, что тоже немаловажно. И вообще мне надо отчет о полете писать, а не соучаствовать в бытовом разложении своего генерального комиссара. К нему величество в гости приехало, а он по девкам намылился! Офигеть можно.

— Так я же только тебя проводить!

— Да, представляю себе картинку... Привез ты меня туда, значит, сдал персоналу, а потом сел на скамеечку ждать, пока меня там обслужат. Самому не смешно? Вон, кстати, тебя твоя Алечка ждет, и морда такая взволнованная, как будто это ты тут черт знает на чем летал.

Глава 16

С аэродрома я отправился в свою пристройку, писать про обнаруженные в полете недостатки машины. Не так уж их было и много — фонарь, раз уж имеет рычаг принудительного открывания, под действием этого рычага по идее должен открываться, а не застревать в промежуточном положении. Опять же не помешает разобраться, за что может цепляться каблук при одновременной подаче ручки и педалей. Сектор газа лучше перенести

сантиметров на десять вперед. И обратить внимание на то, что в конце полета хоть и совсем немного, но фонарь забрызгивается маслом.

Пока я занимался маринованием бумаги, с прогулки вернулся Фишман в сопровождении Алисы с детьми — она остановилась в бывшей Гошиной резиденции, а ныне георгиевском дворце главнокомандующего ИВВФ. И через некоторое время ко мне подошел управляющий моим здешним домовладением и сообщил, что ее величество спрашивает, когда ей можно будет посетить господина канцлера.

— Да прямо сейчас пусть и посещает, — отложил я бумаги.

Минут через десять вдовствующая императрица была у меня в кабинете.

— Георгий Андреевич, я очень беспокоюсь, — поделилась она со мной.

— Так расскажите, о чем именно, и начнем беспокоиться вместе.

— Я про вашего зверя... Он такой огромный, у него такие когти и зубы, а уж как он бросился на этого несчастного! Загрыз бы, если бы ваш управляющий не вмешался. Мне просто страшно за Алешу...

Вопрос «какой еще к этой бабушке зверь?!» явно не соответствовал образу мудрого и всезнающего канцлера, так что я произнес его только мысленно, а вслух попросил гостью подождать минут пять. И пошел к управляющему, потому как раз он вмешался, то, наверное, сможет рассказать мне, во что именно.

— Зверь? — удивился вопросу домоуправ, — так это же ваш Рыжик! Только что тут пробежал, небось опять на кухню. Рыжик! Рыжик, зараза мохнатая, хватит жрать, иди сюда, хозяин тебя зовет! Рыжик! Вот ведь скотина ненасытная... Сейчас придет, он же не собака, чтобы сломя голову на первый зов бросаться, да вот, смотрите.

По лестнице навстречу нам важно поднималось нечто, имеющее определенное сходство с котом. Довольно-таки сильное сходство, за исключением размеров — тварь была высотой примерно мне по колено.

Да уж, вымахал котенок...

Тем временем Рыжик явно узнал меня, но подошел солидно, без щенячьей торопливости, потерся об ногу и негромким мявом сообщил, что хочет на руки. Я поднял животное — ох и ни фиги себе! Да что же в нем, двадцать кило?

— Пятнадцать с половиной две недели назад было, — пояснил управляющий, — а сейчас, наверное, больше пуда. Это он еще сожрал не очень много... Но расти вроде перестал.

Рыжик повозился, удобнее устраиваясь на руках, и заурчал.

— И как он тут у вас, говорят, на людей бросается?

— Да вы что, тихий такой котик и ласковый! Нинка, дура, недавно ему на хвост наступила, так он ее даже не укусил. Так, рыкнул маленько для острастки, и все. Правда, собак не любит... Особенно если дворняга, да еще светлой окраски, может ненароком и погрызть, если сразу не оттащить. Или, как вы босяков называли, я, извините, запямятовал?

— Бомжами.

— Вот-вот! Тоже на дух не переносит, а уж коли тот пьяный, так и вообще. Вчера такой непонятно как недалеко от дворца оказался, так Рыжик его в мусорный бак загнал! Я котика еле уговорил домой идти, пришлось пообещать дополнительную миску сметаны.

Понятно, подумал я, кто обижал Рыжика на помойке в Сергиевом Посаде сто лет вперед. Но один вопрос, однако, подлежал немедленному выяснению.

— То есть, если я правильно вас понял, у мусорных баков рядом с задними воротами дворцовой территории вчера ошивался бомж?

— Да что же вы такое говорите, Георгий Андреевич, кто бы его туда пустил? Он был у тех, что на углу Самолетного и Химической.

— Так ведь это метров триста отсюда!

— Очень уж он орал громко, — пояснил управдом, — а я уже беспокоиться начинал, что Рыжик к обеду не идет, вот и сбегал на шум. Там как раз ее величество с детьми на машине проезжать изволили, из монастыря возвращаясь. И зря, скажу я вам, она за Алешу

опасается, Рыжик — животное с понятием, ребенка даже не царапнет. Мой обормот вообще за хвост его додумался таскать, так котик просто вывернулся и ушел.

Вернувшись в кабинет, я попытался убедить Алису в безобидности Рыжика, но, кажется, не преуспел. У меня вообще сложилось впечатление, что она приходила за чем-то другим, но так и не решилась об этом сказать. Ладно, сама не решилась — спрошу Танечку, на что и почему. А пока следовало зайти к начальнику охраны, прояснить насчет бомжа. В принципе триста метров от дворца — это открытая зона, теоретически там может гулять кто угодно. Но теория теорией, а часто ли встречаются бомжи в радиусе тех же трехсот метров от Кремля в двадцать первом веке?

Выяснилось, что визитер задержан, и не один, там их было три штуки. И собаки, кстати, тоже сбежались к тому перекрестку, потому как вчера со стороны химзавода пахло чем-то очень вкусным. Так что скорее всего это просто бродяги, пришедшие на запах, но на всякий случай с ними побеседуют люди из шестерки, как дойдет очередь.

На этом суть происшествия для меня окончательно прояснилась — все правильно, вчера должны были состояться испытания «изделия МВ-1», но мне было не до них, я, как вы помните, занимался рулежкой и подпрыгиваниями на «Стриже». А теперь, пожалуй, можно и на это новшество посмотреть, так что я позвонил на химзавод, узнал, что сегодня они продолжают испытания, и сообщил ординарцу, что через полчаса мы туда едем.

Изделие представляло собой мотовонялку на базе «Чайки». Представьте себе картину — сидят китайцы в окружении. Недельку сидят, две... Питаются в основном травой, так как мышей там мало, их и командному составу не хватит. Сначала у меня родилась мысль просто подтаскивать полевые кухни поближе и с наветренной стороны, но потом я задумался. Полевая кухня — она малоподвижная, при смене ветра просто не успеет переехать куда надо. Потом из-за этих передвижений могут возникнуть трудности с кормежкой своего личного состава, и самое главное — вдруг голодные китайцы, нанюхавшись обеденных ароматов, побегут не сдаваться, а в атаку, отбивать кухню?

Так что я дал задание — сделать моторизированный источник вкусных запахов. Он вовсе не должен был готовить еду, его назначение — только вонять на всю округу! И теперь временная бригада из поваров, биохимиков и механиков с автозавода готова была сдать мне заказанное. Значит, нам будут не страшны атаки — пусть себе китайцы, исходя слюнями, бегают за «Чайкой», а она уж как-нибудь приедет куда надо.

Мотовонялка представляла собой «Чайку», имеющую только передние сиденья. Сразу за ними располагались два баллона, а сзади — большой чан с чем-то вроде примуса-переростка внизу. Когда я приехал, экипаж как раз вылил в чан последнее ведро с чем-то противным на вид и отвратным на запах, а теперь закрывал накидные зажимы по периметру крышки. Через плечо у них висели противогазы.

— Надо отъехать, — посоветовал мне один из разработчиков, — либо на пару километров по ветру, либо метров на триста под прямым углом, а то тут концентрация будет слишком высока. Сегодня, кстати, мы испытываем рыбную гамму, учитывая особенности национальной кулинарии противника.

Мы отъехали в сторону. Экипаж натянул противогазы, оператор разжег подбачный примус, а водитель встал около баллонов. И через пару-тройку минут до нас действительно донесся запах... Аромат, скажем прямо, был еще тот.

В бытность свою студентом я часто заходил к друзьям в общагу. И в том же корпусе, только в противоположном крыле, жили приехавшие за знаниями вьетнамцы. В принципе это были нормальные ребята, но только по будням. А по воскресениям они, заразы, жарили селедку! На маргарине. При соответствующем направлении ветра запах за полчаса распространялся по всей общаге... Помню, было даже комсомольское собрание с разбором одного не в меру чувствительного студента, в конце концов не выдержавшего и пошедшего бить морды.

Так вот, сейчас амбре было практически такое же.

«Надо будет и в записях, которые мы собрались крутить с оснащенных магнитофонами и мощными матюгальниками машин — ну, типа, китайские солдаты, сдавайтесь! — фоном ввести чавканье, а в конце — продолжительное сытое рыгание», — подумал я.

Пока «Чайка» исходила селедочными ароматами, мы с ее разработчиками договорились, что за шесть дней они сделают еще четыре таких машины, снабдят их боезапасом и с очередным эшелоном отправят в Манчжурию, где, похоже, скоро должна была наконец начаться война. Точного срока разведка назвать не могла, но исключительно потому, что командование противника само никак не могло его установить, однако Сунь Ят-Сен уже неофициально предупредил командование, что голова — это вещь, легко отделяемая от туловища. Его можно было понять, ибо американцам надоело ожидание, и они придержали очередной транш кредита на расширение демократии.

После обеда мы, то есть я и Алисино семейство, полетели обратно в Гатчину. Салон «Кондора» не имел деления на отсеки, но четко делился на две зоны. Спереди были два нормальных места — стол с терминалом радиостанции письменными принадлежностями, мини-сейф, откидная табуретка для секретаря или еще кого, если понадобится. Далее шли два дивана с журнальными столиками, ну, а в самом хвосте — два ряда кресел, как в обычном пассажирском самолете. Так вот, весь Алисин выводок я загнал туда, мотивировав свое указание необходимостью сохранения центровки, а сам сел в кресло, разложил перед собой нашедшиеся в сейфе материалы про свободу слова, оставшиеся тут с предыдущего полета его величества, и задремал. Но, видимо, сделал это слишком незаметно для окружающих, потому что вскоре ко мне подошла стюардесса и передала вопрос Алисы — сильно ли нарушится центровка самолета, если она одна подойдет ко мне? И можно ли это сделать.

— Пусть идет, — вздохнул я.

Алиса аккуратно присела на откидной стульчик, и глянув на бумаги, сказала:

— Какое совпадение, именно про это я вас и хотела спросить... Или эти бумаги секретные, и смотреть на них нельзя?

— Да не волнуйтесь, секретные вам никто показывать не будет, — успокоил я женщину, — лимонаду вот выпейте, и давайте, действительно, не стесняйтесь. Кстати, неужели в этих документах есть что-то для вас интересное?

— Есть, — кивнула Алиса, — например, вот эта цитата... «Я не разделяю вашу точку зрения, но готов отдать свою жизнь за ваше право ее высказывать» — но это же сказал не Вашингтон, а Вольтер!

Я успел удержать чуть не сорвавшийся вопрос «вы уверены?» — все-таки Алиса доктор философии, уж наверняка цитат помнит больше, чем я, и вместо этого просто покачал головой:

— Увы, эрудиция референтов его величества не очень бесконечна, так что такое иногда случается. И вы, значит, решили в приватной беседе со мной уточнить, что говорить можно, а что нельзя?

Собеседница кивнула.

— Ну, начнем с цитаты. Я совершенно не готов отдать жизнь за чье-то право болтать что в голову взбредет, причем не только свою жизнь, но и чужую тоже. Тем более что в России каждый имеет право говорить все, что угодно — просто некоторые забывают, что, кроме права говорить, есть еще и обязанность отвечать за свои слова. И эта ответственность наступает тогда, когда ваши слова являются действенным призывом к чему-нибудь противозаконному или антигосударственному. Обращаю ваше внимание на слово «действенным» — меня, например, или стюардесс этого самолета вы можете призывать к чему угодно, толку все равно не будет. Да, еще не рекомендуется никого зря оскорблять, но это уже дело административное. Ну, или дуэльное, а в несложных случаях мордобойное...

Однако и здесь то же самое. Чтобы факт оскорбления поимел место, необходимо, чтобы объект принял это близко к сердцу. Например, сейчас вы можете обозвать меня как угодно, и это будет просто сотрясение воздуха, в возможность, что я услышу от вас какие-то новые для меня фигуры ненормативной речи, я не верю.

— Так что же, — набралась смелости Алиса, — если кто-то при свидетелях назовет вас палачом, ему за это ничего не будет?

— От состава свидетелей зависит. Если это спокойные, адекватные люди, то ничего. А вот если ими это будет воспринято как призыв к действиям, так на оратора тут же статья найдется, и не одна. Поймите очень простую вещь — сейчас в России нет ответственности за слова! Есть только ответственность за результат этих слов. Но только мне кажется, что вы все-таки подошли ко мне не совсем за этим... Если вам почему-то трудно говорить, то я могу начать за вас. Хотите?

Вдовствующая императрица кивнула.

— Так вот, вы были хорошей женой Николаю Александровичу, но так и не смогли стать российской императрицей, то есть найти свое место в управлении государством. Сейчас же вы просто не понимаете, каков ваш статус, что ждет вас будущем и что вы можете сделать в настоящем. Если бы вы были одинокой, то, может быть, такое положение дел вы бы и приняли, но у вас дети. Я прав?

Судя по виду Алисы, дело обстояло именно так.

— Тогда перед вами два пути, — продолжил я. — Или вы считаете себя частным лицом в ранге великой княгини, это возможно. И просто продолжаете ту жизнь, которую вели до сегодняшнего дня. Можете даже выехать за границу, но я не рекомендую вам этого делать — в мире сейчас очень непростая обстановка, и вы наверняка против своей воли станете чье-то пешкой. Да и война может начаться, а это будет не такая война, при которой во дворцах смогут продолжаться балы... Боюсь, что бомбардировками будут разрушены целые города, если не страны.

Я отпил пива, поглядел в иллюминатор и продолжил:

— Или вы считаете себя вдовствующей императрицей не только по факту замужества, но по сути, то есть соглашаетесь с тем, что у элиты может быть только один смысл жизни — работа на благо России. Это непросто, но возможно, такой работы хватит всем.

— Господи, да я всегда хотела именно этого, но как?

— Начнем с малого. Действительно, референты у его величества в общем-то собраны бессистемно, он, между прочим, говорил мне, чтобы я не проходил мимо возможной кандидатуры на роль организатора этого департамента. Согласны? Кстати, дело, конечно, ваше, но я бы посоветовал вам жить где-нибудь поближе к Зимнему — и в нем тоже можно, место там есть.

— Но что скажет ее величество, — усомнилась Алиса, — да и общественное мнение...

— Обе ее величества Марии все поймут правильно, — усмехнулся я, — а насчет мнения... Неужели вы считаете, что среди гвардейских офицеров не найдется ни одного, способного вступить за вашу честь? И даже если это так, то среди моих комиссаров немало рыцарей — так сказать, юношей бледных со взором горящим и специально пошитыми перчатками.

Глава 17

Второй день рождения своей дочери я встречал как на иголках — рано утром пятнадцатого мая китайцы вероломно, без объявления войны, наконец-то напали на беззащитную социалистическую Манчжурию. Понятно, что утром — это по тамошнему времени, а к одиннадцати утра, когда в Питере начался наш тихий семейный праздник, бои шли уже одиннадцатый час, а дальневосточный день понемногу клонился к вечеру.

Атаке подвергся первый укрепрайон, обороняемый в основном японцами, потому как он имел выход к морю, упираясь в него своим левым флангом. А «в основном» же я сказал

потому, что там была еще и бригада еврейских добровольцев — настоящих, а не из армейской группы генерала Дорфмана. Идея отвоевать себе кусок земли таки нашла достаточно сторонников, готовых воплощать ее в жизнь с оружием в руках...

И, хотя я отлично понимал — от того, что я весь день буду сидеть на узле связи, не изменится ничего — на дне рождения Настеньки я чувствовал себя не очень безмятежно. Остальные же вовсю радовались довольно редкому в наших кругах празднику.

Мы с Мари решили, что не следует превращать день рождения в парадное мероприятие, так что взрослых на нем был самый минимум, то есть я, Мари и Алиса. Из близких по возрасту к имениннице детей присутствовал малолетний наследник престола Вовочка, трехлетняя дочь Татьяны Леночка и Алексей, они сидели за детским столом. Был еще и средний стол, оккупированный дочерьми покойного Николая, ну, и в сторонке — взрослый. То есть присутствовали одиннадцать человек и два кота.

Понятно, что первым котом был Рекс. Для него пришлось сделать нечто вроде высокой табуретки, на которой он и сидел с салфеткой на шее, рядом с именинницей, время от времени вытиравшей ему мордочку. Хотя это было совершенно лишним — ел он очень аккуратно.

Второй кот звался Рыжик. За два дня в Георгиевске он произвел настолько сильное впечатление на Алексея, что тот буквально притащил свою мать ко мне и проследил, чтобы она убедительно попросила меня подарить ему, Алексею, этого великолепного кота. Так что Рыжик был захвачен в самолет и доставлен в Питер, где его, изнервничавшегося за время полета, приласкал и начал кормить новый хозяин.

В Зимнем Рыжик пока еще чувствовал себя несколько неуверенно, а, увидев Рекса, почему-то и вовсе испугался, забился под Алешин стул и не желал выходить оттуда даже к миске с жареной рыбой, так что пришлось и ее задвинуть туда же. И теперь Рыжик осторожно жрал под стулом, иногда чуть высовываясь и с опаской поглядывая на Рекса.

Наконец Настенька обратила внимание на некоторую неправильность обстановки и спросила у меня:

— Папа, коша?

— Коша боится Рекса, — пояснил я.

— Рекс добрый! — уверенно сообщила мне дочь. Что интересно, «р» она выговаривала совершенно четко, наверное, из-за частого общения со своим котом.

— Рекс, коша боится, — обратилась Настя к своему соседу.

Тот вытянул шею — мол, сними салфетку, не в ней же мне идти! И, когда это было сделано, прыгнул со своего трона и подошел к Алеше. Я немного напрягся — а вдруг Рыжик со страха цапнет дочкиного хвостатого приятеля? Хотя чего тут бояться, мне было решительно непонятно — девонширец весил раз в десять меньше рыжего охотника на бомжей.

Мелкий котяра подошел вплотную к Рыжику, который, пожалуй, удра бы, если бы было куда, а так просто поглубже вжался под стул, и неожиданно тонко и жалобно для такой туши мяукнул. В ответ Рекс негромко уркнул ему чуть не в самое ухо, осторожно потрогал лапой... Рыжик на глазах расслабился. Тогда Рекс сделал несколько шагов назад. Я офигел — Рыжик на полусогнутых, стараясь казаться поменьше, пошел за ним!

Рекс подвел огромного кота к краю стола, фыркнул ему, чтобы тут пока тут посидел, и с укоризненным выражением на мордашке подошел ко мне. Почему-то я сразу понял — он спрашивает, на чем сидеть Рыжику! Офигев еще больше, я взял небольшую табуретку и поставил ее к детскому столу. Когда Рыжик запрыгнул туда, я уже не удивился.

— Вот видишь, — шепнула мне Мари, — я такое чуть ли не каждый день наблюдаю! Не могу отделаться от мысли, что этот кот даже еще умнее, чем кажется, только говорить не может. А последнее время я вообще думаю, что просто не хочет... Можно какую-нибудь твою хитрую электрику в Настину комнату провести — слушать, о чем они с Рексом говорят, когда меня нет? Только осторожно, чтобы он не заметил.

— Ладно, придумаю что-нибудь, — пообещал я, — хотя у кошек горло не так устроено,

чтобы разговаривать. Он, наверное, с дочкой жестами общается или как-нибудь вовсе невербально... Да, вот еще какая у меня мысль появилась. Вроде, если он чем-то обеспокоен, то это видно? Просто мне известны случаи, когда самые обычные кошки заранее чувствовали неприятности и старались донести это до своих хозяев. Например, о том, что скоро будет землетрясение. А Рекс ведь совсем не обычный кот, к тому же хорошо относится не только к Настеньке, но и к нам с тобой тоже. Это я к тому, чтобы ты повнимательнее отнеслась к его, например, беспокойству, если оно вдруг проявится.

Мари с некоторым удивлением посмотрела на меня.

— Я ведь даже хотела тебе пожаловаться, но забыла. А он меня третьего дня в дворцовую зону не пустил! Сначала пытался в ногах путаться, а потом, как увидел, что не помогает, кинулся к Насте, она прибежала — и в плач... Правда, быстро успокоилась.

Интересно, подумал я. Зимний был нами поделен на зоны, примерно совпадающие с его четырьмя сторонами — правительственная, техническая, жилая и министерства двора, которую неофициально называли «дворцовой». Обитал там барон Фредерикс со своей канцелярией, а также фрейлины Мари. Честно говоря, я давно хотел убрать из Зимнего эту совершенно лишнюю контору, но тогда дворец окончательно потерял бы присущий ему шарм, на что не были согласны обитающие там величества.

— А потом? — поинтересовался я.

— Ничего, — пожал плечами Мари, — сходила туда вечером.

Я подумал — теперь, пожалуй, трудновато будет выяснить, что же там было такое три дня назад утром. Хотя, конечно, пусть Танечка попытается... Кстати, она к Рексу относится очень неплохо, как и он ней. Так что, пожалуй, сразу после праздника надо будет устроить небольшое совещание в узком кругу — мы с Татьяной, Рекс и Настенька как переводчик с кошачьего.

— Дорогая, я минут на пять вас покину. Настенька, я скоро приду, не волнуйся!

Я встал — надо было прямо сейчас озадачить Татьяну — не случилось ли три дня назад чего-нибудь не совсем обычного? И сказать, что ее Леночке придется ехать домой с кем-то, а мама будет совещаться со мной и Рексом.

Уходя, я посмотрел на кошака — и мне или показалось, или он действительно понял, куда и зачем я иду! Во всяком случае, он муркнул что-то явно одобрительное.

Праздник прошел весело. Под конец начались танцы. Меня бы не удивило, если бы вдруг и Рекс принял участие в них, но он спокойно сидел на своей табуретке. Правильно, а то как бы не затоптали... После праздника мы с Татьяной, Мари, Настенькой и Рексом прошли в рабочий кабинет.

Там люди расселись вокруг стола, а Рекс — на коленях у дочери. Я подумал и обратился прямо к кошаку:

— Рекс, как ты думаешь, у нас тут все хорошо?

— Нехорошо! — сразу ответила Настя.

— А что у нас плохо, он может сказать?

Дочь слушала кошака примерно минуту, а потом заявила:

— Плохая тетя!

— Показать сможешь? — обратился я напрямую к коту.

Рекс кивнул.

Татьяна сняла трубку и велела срочно прибыть сюда дежурной тройке.

Я тем временем продолжал:

— Не мне показать, а хорошей тете?

Рекс снова кивнул. Тем временем дежурная тройка уже зашла в кабинет. Она состояла из двух довольно милых девушек и здоровенной бабищи. Я знал эту Танечкину сотрудницу, про нее говорили, что она может согнуть лом или убить кулаком быка.

— Сейчас покажешь? — спросил я кошака. Вместо ответа тот подошел к силахихе и мяукнул. Та наклонилась, чтобы взять его на руки, но он вдруг ловко запрыгнул ей за пазуху.

При размерах бюста данной фрейлины наличие там еще и мелкого кошачьего не бросалось в глаза совершенно. Татьяна вопросительно поглядела на меня.

— Идите, — разрешил я. Только... Кота в случае чего защищать, как меня.

— Ясно, шеф, — кивнула Танечка, и четверка дам покинула кабинет.

Через полчаса вернулась Татьяна с Рексом на руках.

— Все в порядке, — сказала она, передавая кота Настеньке, — взяли, сейчас везут в Гатчину. Дело очень серьезное, так что...

Она вопросительно поглядела на Мари.

— Да что уж там, я понимаю, пусть идет...

По дороге в Гатчину Татьяна объяснила:

— Полет лейтенанта Конькова вы еще не забыли? Так вот, у него была невеста. Которая, кстати, в момент дорожного происшествия находилась именно в Москве... А когда с ней начали беседовать, после первых же вопросов она впала в истерику, вскоре перешедшую в нервную горячку, как сказали эскулапы. И умерла к вечеру... Мы начали копать и выяснили, что с начала века и до четвертого года в Москве функционировал какой-то мистический салон восточной направленности. Заправлял та азиат, по непроверенным данным, его фамилия Бадмаев. И эта невеста там неоднократно была замечена.

—! — Не выдержал я, — и как же это я про него не вспомнил? Давно пора было присмотреться.

Татьяна никак не прореагировала, она уже привыкла, что я могу знать что угодно. И продолжила:

— Со второй половины четвертого года Бадмаев исчез, салон распался. Но одна из его участниц недавно обнаружилась в Гатчине. Попытались побеседовать — то же самое, истерика, горячка, смерть. Но эту Ли-старший почти спас какими-то своими иглами. Так вот, он сказал, что это какая-то китайская методика гипноза, про которую он знает, но сам ей не владеет. А сейчас — абсолютно те же симптомы. Я уже велела выяснить насчет причастности данной фрейлины к той секте, а пока пусть ей оба Ли занимаются, может, что получится.

До вечера я просидел на узле связи, вникая в происходящее на Дальнем Востоке. Первый день войны не принес никаких неожиданностей, кроме разве что несколько меньшего, чем предполагалось, расхода патронов. Китайцы атаковали укрепленный район в лоб, даже не пытаясь нащупать слабые места в обороне, да к тому же шли на нас в основном компактной толпой. А где-то в пол-одиннадцатого Танечка сообщила мне, что и эта задержанная умерла, несмотря на усилия наших китайцев. Записи ее предсмертного бреда сейчас изучаются. Дано распоряжение об активном сборе любых сведений касательно Бадмаева.

— Да, — вспомнил я, — поищите кого-нибудь, кто помнит аферу конца девяностых годов, это когда на изучение чего-то там в Тибете Бадмаеву было выделено три миллиона рублей. Не верится мне как-то, что такая сумма могла пройти мимо Витте... И продумайте, как устроить всему персоналу сначала Зимнего, а потом Гатчины собеседование с Рексом. Группами, по одному слишком долго будет. И что там с записями?

— Их сейчас изучают господа Ли. Пока почти ничего интересного, кроме...

Татьяна достала из папки листочки и прочитала:

— Бля хунь вынь! Вроде так. Старший Ли утверждает, это фраза подчинения. Поподробнее он сам вам объяснит, когда закончит.

— Ну, в общих чертах я это себе и без него представляю. Значит, вот какой нам еще головной боли добавилось...

— Шеф, в порядке небольшого отвлечения, — улыбнулась Татьяна. — Вы не обращали внимания, что Питер на вас благотворно влияет? В Георгиевске вы обычно называли всякие затруднения словом «геморрой». А тут, пожалуйста — головная боль.

— Вам же хуже, — пожал плечами я, — раньше, если я давал совсем уж дурацкое

указание, у вас хоть сомнения могли быть, каким местом шеф думал. А теперь все ясно, головой! Ладно, а предыдущая закодированная покойница чем занималась в Гатчине?

— На нее обратили внимание, когда она пыталась познакомиться с одним молодым пилотом, — пояснила Татьяна, — причем активно пыталась. А учитывая, что она даже на вид была старше него, как-то это выглядело не очень случайно. Сначала мы допускали, что ушлая девица просто хочет окрутить молодого и неопытного парня, это ведь тоже не приветствуется в отношении ваших летчиков, ну, а потом начали проявляться подробности.

— Что за летчик?

— Сейчас... — снова полезла в свою папку дама. — Константин Арцеулов, полгода назад с отличием закончил Гатчинскую летную школу, сейчас служит пилотом развозного «Тузика» на правительственном аэродроме. От большинства летчиков отличается крайней аккуратностью и педантичностью. После соответствующего налета и проверок может быть рекомендован на правительственные машины.

— А рисованием этот Арцеулов случайно не увлекается?

— Да, он отлично рисует. Его последняя акварель даже приобретена для ее величества вашей племянницы. Так вы, значит, тоже обратили на него внимание?

— И довольно давно, — ответил чистую правду я. — Очень перспективный молодой человек, спасибо, что напомнили про него. Ладно, вернемся к Бадмаеву. У него должен быть племянник. Не уверен, что он в курсе дядиных дел, но поинтересоваться им надо.

— Уже поинтересовались. Врач, живет в дядином доме на Поклонной горе, это даже скорее небольшая усадьба. В данный момент по каким-то делам находится в Тверской области, сейчас выясняем, где именно и зачем.

— Хорошо. И не затягивайте, пожалуйста, с массовой проверкой при помощи Рекса.

— Бедный котик! Кс — Да думал я, даже своих московских кошек сюда привозил, но он как-то отнесся к ним без особого интереса.

— А он очень разборчивый. Ему нравятся небольшие кошечки равномерно серого цвета, с короткой шерстью, но все-таки не как у него, а чуть подлиннее.

— Это он что, вам сам сказал?

— Зря удивляетесь, он может. Но это мне моя дочка про него рассказала, а я, когда сегодня его несла, описала ему такую кошку и почувствовала в ответ полное одобрение.

— Интересно, чего же он мне тогда ничего не говорил — стеснялся, что ли? Ладно, значит, нужна небольшая, серая, с короткой шерстью... В общем, если такую увидите, тащите ее сюда. То есть я даже знать не хочу, какая импортная порода соответствует этим признакам — подруга нашего Рекса должна быть русской и из самой глубины народа! Ну и я кого-нибудь озадачу этой проблемой.

Глава 18

Если вы хотите что-то спрятать, то можно это действительно спрятать, но заметно эффективней будет привлечь внимание интересующихся к чему-нибудь гораздо более яркому и запоминающемуся. Если вы хотите спрятать кого-то, то такой алгоритм еще лучше. И, наконец, если вы желаете создать у широких масс заведомо далекое от действительности представление о чем-то — говорить надо чистую правду! Естественно, не всю, в умении вовремя остановиться и состоит искусство настоящего политика. Именно из этих соображений и готовилась проверка приближенных к императору, канцлеру и всем трем императрицам особ.

Народу было прямо сказано, что в связи с непрекращающейся активностью врагов России придется показаться специалисту — ясновидящему запредельного уровня, которому прочитать потаенные черные замыслы проще, чем простому придворному высморкаться. Волноваться не надо, бригада скорой помощи и три исповедника будут в соседних комнатах, и вообще все будет хорошо. Правда, к православной церкви относился только один из этих исповедников, а конфессиональной принадлежностью господ Ли я как-то до сих пор так и не

нашел времени поинтересоваться, но эта была как раз та небольшая часть правды, которая пока не подлежала оглашению.

Но не подумайте, что в качестве ясновидящего и прозревающего все насквозь рекламировался Рекс! Даже про его существование знало не так уж и много народу, а уж про способности — и вовсе почти никто, перед прислугой умница-девонширец изображал из себя кошачьего дауна. Нет, ясновидящий был припасен гораздо более колоритный! Я ждал его в кабинете для особых гостей, под потолком которого располагались специальные отдушины, а за ними — ниши для стрелков. Выслушав доклад старшего из них, я велел запускать посетителя.

Он вошел, и, не мигая, уставился на меня. Говорят, что почти никто не мог равнодушно выдержать взгляд его бледно-голубых глаз — одни впадали в неумеренный восторг, вплоть до обожания, другие, наоборот, чувствовали себя очень неудобно... Но я почему-то не чувствовал вообще ничего. Хотя, может, это мешают зеркальные очки? Экранируют эманации или флюиды, не знаю точно, как это правильно называется.

Я снял очки, но не успел надеть обычные, как гость отвесил мне глубокий поклон и неуверенно произнес:

— Ваша светлость, челом вам бьет недостойный Гришка Распутин.

— А без клоунады нельзя? — поморщился я, — меня зовут не Федор Ромодановский, а Георгий Найденов, а за окном сейчас двадцатый век. Лучше садитесь, Григорий Ефимович, и поговорим. Чаю не желаете? Могу предложить последний писк моды — грузинский.

— Значит, — продолжил я, в то время как Гришка хлебал чай и зажирал его уже как минимум четвертым пирожным, — у меня к вам просьба. До меня дошли слухи о вашем... хм... ясновидчестве, скажем так.

Собеседник застыл и уставился на меня, не обращая внимания на выпавшее изо рта что-то недожеванное, но теперь в его глазах был откровенный страх.

Ага, подумалось мне, значит, успел уже сокол наш ясный прищемить кому-то хвост, но, видимо, не очень серьезно, иначе мне доложили бы. И попытался успокоить гостя:

— Да не волнуйтесь вы, подумаешь, наговорили на вас! На меня вон сколько наговаривают, и катом, и исчадием ада называют, и еще черт знает как.

Однако моя речь почему-то не принесла успокоения явно мятущейся душе Григория Ефимовича. Решив попробовать другую методику, я рывкнул:

— Не трясись ты мне тут как осиновый лист! Было бы за что, так ты бы уже давно не со мной беседовал. У меня к тебе дело, то есть соберись и слушай! Пока я, действительно, не потерял терпение и не отправил тебя в подвал минут на сорок. Значит, от тебя требуется смотреть на проходящий мимо тебя народ. Если про кого-то тебе что-то покажется, скажешь это стенографисту, он запишет. Если с кем-то захочется поговорить — ткнешь в него пальцем. Как устанешь — сообщить об этом старшему по операции. Понял? Еще раз спрашиваю — ПОНЯЛ?!

— Так точно! — вскочил Распутин, опрокинув при этом стул.

— Вот и замечательно. Операция будет завтра, а пока копи силы. Здесь копи, тебя проводят в комнаты, и из них ни ногой! А то пристрелят ненароком. Пирожные понравились? Хорошо, скажу, чтобы принесли килограмма два. Какой еще мадеры?! Ты, блин, лучше меня не зли. Чаем обойдешься! Все, свободен, вот твой провожатый, иди, куда он скажет.

Еще до проверки несколько человек пустились в бега, и теперь полиция под контролем Алафузова пыталась установить их местонахождение, хотя я сильно подозревал, что дальше мелкого воровства их прегрешения не идут. Гришке Распутину не понравилось человек двадцать, их на всякий случай взяли под наблюдение. Рекс указал на троих, причем один вызвал у него прямо-таки ярость, мелкий кошак рвался к Рыжику за подмогой, видимо, реально оценивая свои физические возможности, и, чтобы его утихомирить, пришлось звать Настю. И лишь когда того типа уже в наручниках провели мимо него, Рекс, пошипев еще с

минуту, окончательно успокоился.

В результате у Алафузова и Танечки прибавилось работы, а я поставил перед величествами вопрос ребром. Или в Зимнем появляется нормальная система отопления вместо амосовских печей, которые требуют более трехсот человек для обслуживания и занимают крайне нужные под что-нибудь полезное подвалы, или все величества переселяются в Гатчину, где все печи давно разобраны, подвалы используются по прямому назначению, а за дворцом, у пруда, уже два года стоит небольшая ТЭЦ. Потому что когда по дворцу шастают сотни истопников, обеспечить нормальную охрану невозможно! Мало вам одного Халтурина?

Величества согласились, что это не дело, и дали добро на установку батарей. Правда, сразу встал вопрос о месте расположения будущей ТЭЦ. Тут я малость сдукавил и выдвинул заведомо неприемлемое требование, чтобы величества, не допустив такого поругания основ, почувствовали себя победителями и легко согласились с реальным вариантом.

В общем, сначала я предложил им поставить ТЭЦ на Дворцовой площади. Пока Гоша с Машей молчали, онемев от такого святотатства, я успел описать сияющие перспективы:

— Разумеется, это будет не серая бетонная коробка, а памятник архитектуры в стиле барокко! Или, наоборот, ампир, я в них плохо разбираюсь. Титанов поставим трубу держать! То есть атлантов, я хотел сказать. Но не таких неприличных, как у Эрмитажа, а развернутых кормой к публике, руками они будут в трубу упираться. На самой трубе сделаем завитушки, а на самом верху — скульптуру! Есть же тут на площади какой-то столб со статуей, так вот, пусть еще один будет, только повыше и потолще.

Пережив бурю возмущения, в процессе которой мне сообщили много нового про мой художественный вкус, я, с расстроенным видом и скорбью в голосе, сдался:

— Ладно, что с вами сделаешь... Тогда построим ее во внутреннем дворе Адмиралтейства. Давно, кстати, пора стоящие там сараи снести, а то с Невы не вид, а сплошная похабень! Это я еще в позапрошлом году заметил, когда смотрел, откуда Маше анархисты будут в окна стрелять. Но моих атлантов-трубодержцев не троньте! Будете саботировать — сам эскизы нарисую, во всю ширь своего художественного таланта.

Несколько забежая вперед, не могу не похвастаться — мои атланты стали еще одной достопримечательностью Питера. И, начиная с осени десятого года, Адмиралтейство называли уже не «Под шпием», а исключительно «Три жопы».

Тем временем Татьяна доложила о первых результатах разработки подозрительных с точки зрения Рекса личностей.

— Старший истопник Ключев — просто дурак. Но его помощник — интересная личность, я пока не отправляла его на форсированный допрос, рано. Знаете, где он служил до Зимнего? В министерстве внутренних дел, причем устроился туда по протекции, правда, чьей именно, уже вряд ли получится точно установить. Но уволился он оттуда на следующий день после смерти Витте! И полгода его вообще никто не видел. А потом он снова появился и еще год ждал, когда в Зимнем место освободится, на что жил при этом — неясно. В общем, есть над чем поработать. Легенда для него — что кто-то украл нитку жемчуга у императрицы, и якобы им со старшим шьют это дело.

— Так, а что с тем, на кого Рекс окрысился?

— Увы, шеф, конфуз. Самый настоящий, я все проверила. Этот швейцар — он обыкновенный владелец кошки. И угораздило же его утром, перед проверкой, утопить трех котят! Кошка родила пятерых, но он знает, что больше двух ей все равно не выкормить. Я его уже перевела из камеры на второй этаж, обеды ему из столовой таскают... Надо отпускать.

— Да, действительно, неудобно получилось... Значит, дайте ему в порядке компенсации тысячу из моих средств. И еще одну — за то, что в Зимнем он больше работать

не будет, пусть ищет другое место. Если захочет, может устраиваться здесь, в Гатчине, дверей тут много, а протекцию я ему составлю.

— Шеф, если разойдутся слухи, что человек за два дня, проведенных в гатчинских подвалах, получил две тысячи рублей, то вы представляете, сколько сюда сбежится желающих?

— Так предупредите, чтобы не болтал. А объяснение, откуда деньги, пусть дает самое простое — выполнял секретное поручение канцлера! Выполнил, мол, вот и получил награду.

Тем временем события в Манчжурии шли своим чередом. Каждый день, около пяти утра, китайцы начинали штурм первого укрепрайона. К двум часам, потеряв от пяти до десяти тысяч человек, они откатывались на исходные позиции. В шестнадцать часов та же история начиналась по новой и продолжалась примерно до двадцати двух — двадцати трех. Шлиффен считал, что это отвлекающая операция, а основной удар будет нанесен между вторым и третьим укрепрайонами. По его мнению, противник планировал, прорвавшись километров на пятьдесят, повернуть направо и далее наступать на Инкоу, имея в виду перерезать железную дорогу и тем самым нарушить снабжение первого и второго укрепрайона. По данным авиаразведки, народу на это дело собиралось около четырехсот тысяч, а количество армий непрерывно менялось от трех до пяти по причине перманентных реорганизаций — это мы знали уже на основе радиоперехватов и агентурных данных. Авиации противника в воздухе пока не замечалось, из наших летали только разведчики, да и то не очень часто.

Гоша издал указ, где, как и обещал, объявил Желтое и Восточно-Китайское моря зоной боевых действий, в которой можно находиться только с разрешением от русской или курильской администрации. И флот Одуванчика на следующий же день вышел в море, надеясь прихватить несколько не успевших разбежаться нарушителей.

Кроме указа, русский император обнародовал еще и обращение к мировому сообществу, в котором предлагал считать нападение без объявления войны преступлением, совершивших это — военными преступниками, подлежащими международному суду с последующим повешением. Прогрессивная часть этого сообщества в лице кайзера, микадо, черногорского императора и непонятно как оказавшего в данной компании султана немедленно выразила свое одобрение, и Георгий Первый поручил канцлеру озаботиться организацией Международного Трибунала. В «Пари Суар» тут же появилась статейка, где автор задавался вопросом — в каком пространственном положении и за какой именно орган я буду вешать Сунь Ят-Сена, и кто составит ему компанию в этом интересном процессе. Я же опубликовал заранее написанный труд «Размышления о войне», в котором пытался убедить читателей, что преступлением является всякая агрессия, а не только необъявленная. Пусть руководство стран-агрессоров знает, с пафосом восклицал я, что теперь война лично для него может кончиться не подписанием насколько-то там невыгодного мира, а хорошо намыленной веревкой! По донесениям разведки, в ответ на мой труд в Англии уже писалось два документа. Первый из них был заявлением Форин Офис, где обращалось внимание, что статья подписана просто «Георгий Найденов», без указания должностей. И Англия надеется, что эта писанина действительно является плодом переутомления чрезвычайно загруженного в последнее время Найденова, а не официальной позицией Российской Империи. В общем, они все поняли правильно — пока я их просто слегка пугал как частное лицо. Второй же документ был частным письмом от короля Эдика, в котором он убеждал меня в своем безграничном миролюбии и намекал, что в английской системе власти нельзя безоговорочно относить короля к высшему руководству.

А еще в Англии вышла в свет книга Уэллса «Просыпающаяся Россия». Автор оказался настолько любезен, что послал мне экземпляр с автографом, но к тому времени я это творение уже внимательнейшим образом прочитал. Сразу могу сказать — вышло у него

неплохо, он правильно сделал, что прервал работу над «Войной в воздухе» — в том мире у него получилась редкостная муть, и в этом пока выходило то же самое. А новый труд являлся вполне приличной публицистикой с элементами художественности — в частности, Найденов у него получился как живой. Со страниц книги вставал образ дремучего хама и грубияна с тонкой и возвышенной душой, врожденным стремлением к справедливости и большими способностями в области естественных наук. Кроме того, была отмечена моя любовь к кошкам и даже в какой-то мере к людям.

Наш поход в столовую настолько впечатлил Уэллса, что он посвятил ему отдельную главу. Сначала он распинаялся на тему о бесплатности одного заведения, но недолго. Зато потом целую страницу описывал, как мы с ним не полезли без очереди! Более того, он не поленился узнать, что я так не поступал вообще никогда, и сделал из этого вывод о моей простоте, доступности в общении и демократизме. Не спорю, что-то такое во мне действительно есть, но главной причиной была планировка столовой — зайдя в коридор между раздачей и ограждением, обойти кого-нибудь впереди стоящего можно было только в очень высоком прыжке или на четвереньках.

Следующее, на что Уэллс обратил внимание читателей, был тот факт, что за соседним столом с нами ела компания рабочих (это были механики из гаража), а чуть дальше — четверо высших чиновников. Тут, правда, он дал маху, ибо это были комиссары, причем, насколько я помнил, все третьего ранга, однако его ошибка понятна — ведь их мундиры почти не отличались от моего. И кончалась глава риторическим вопросом — возможно ли увидеть такое в английском парламенте? Который позиционируется как образец демократии, в то время как Гатчинский дворец есть гнездо одноименного Коршуна, то есть самая сердцевина неприкрытой диктатуры.

Наибольший же интерес представлял из себя конец книги. В нем говорилось — при сохранении теперешних темпов развития Россия через пятнадцать-двадцать лет настолько обгонит весь остальной мир, что рыпаться будет поздно. А это значит, писал Уэллс, что в ближайшее время мы станем свидетелями того, как весь этот самый мир будет пытаться предотвратить такое развитие событий — и, скорее всего, силовыми методами.

— Вот хрен вам, — подумал я, — если начнется настоящая война, посторонних свидетелей в ней не будет. Будут только ее поджигатели, солдаты и жертвы...

Глава 19

Я отложил прочитанные по диагонали бумаги из министерства двора. Нет, все-таки пора что-то делать с этой шарогой! Чувствуют, паразиты, что Гоша их вот-вот упразднит, ну и исходят активностью. Вот опять возбудились, все им мой статус в связи с женитьбой покоя не дает. Мол, нехорошо, когда императрица-мать по всем установлениям является всего лишь княгиней, ибо я князь! А значит, меня надо снабдить каким-нибудь оригинальным ярлыком. Дальше у авторов разыгралась фантазия, и их понесло. Среди предлагаемых титулов были «младший базилевс», «рекс-патриос» и даже «василеопатор». Представив себе, во что превратят остряки последнее наименование, я хмыкнул — скорее всего, получится что-нибудь вроде «Вася-епатор»... Однако данное чтиво привело меня к интересному открытию. Я еще немного напряг мозги — не ошибаюсь ли я, и, убедившись, что нет, глянул на недавно появившееся в углу моего стола табло со светодиодами. Оно показывало, кто из обитателей Гатчины в данный момент находится в своем кабинете. Часть светодиодов были просто зеленые, а часть, означавшие особо важных лиц — двухцветные. Например, сейчас светодиод Ли-старшего в данный момент горел красным, что означало — на месте, но занят таким делом, от которого без крайней необходимости лучше не отрываться. Но Татьяна диод светился зеленым, и я, сняв трубку, напросился к ней на чашку кофе.

Отпив пару глотков и сказав Танечке дежурный комплимент, я перешел к делу:

— У меня к вам небольшая просьба. Надо разузнать одну вещь — в принципе я и сам могу, но мне как-то неудобно... Как фамилия моей жены, Марии Федоровны — Романова,

Найденова или еще как-нибудь?

Секунд пять Татьяна непонимающе смотрела на меня, а потом, еле успев поставить на стол чашку с кофе, захохотала:

— Ой, шеф, не могу, предупреждать же надо... Какой гриф секретности будет иметь эта операция? И вам только фамилию — может, мне сразу и словесным портретом озаботиться? Ладно, не обижайтесь, сейчас сделаем.

Разумеется, я и не думал обижаться.

— Прямо у нее и узнаю, — потянулась к телефону Татьяна. — Это вам неудобно спрашивать у жены «дорогая, как твоя фамилия», а мне-то можно... Здравствуйте, Мария Федоровна, это Татьяна. Можете уделить мне пару минут? Спасибо, Леночка хорошо, только все уши мне прожужжала «хочу такого котика, как у Насти». А Настенька как?

Дальше Танечка только слушала, изредка вставляя междометия, но наконец смогла перейти к делу:

— Мария Федоровна, мне даже как-то неловко... Но для одного документа потребовалась ваша фамилия, а я, к своему стыду, ее не знаю. И не задавать же подчиненным такие вопросы? Понятно... Да, слушаю вас. Шефа? Через час пойду к нему на доклад. Хорошо, передам. Спасибо, Мария Федоровна, до свидания. В общем, шеф, это действительно не такой простой вопрос. Например, какова была фамилия моей сестры Ольги до замужества?

— Разумеется, Оболенская! — несколько удивился вопросу я. — Потому что никаких бумаг, где написано, что она Кубышкина, в природе уже давно не существует.

— Если считать по бумагам, то ваша жена носит фамилию Романова. Ни одного документа, где она зафиксирована как Найденова, нет. Во всяком случае, Мария Федоровна не знает об их существовании. Выяснить?

— Нет, спасибо, я уже узнал все, что хотел.

Вечером у меня была встреча с Гошей, на которой я хотел в числе прочих обсудить еще и этот вопрос. Состоял он в вопиющем пренебрежении почти всеми величествами своими гражданскими правами! Ибо каждый российский подданный имел право получить паспорт — до всеобщей обязанности дело еще не дошло, но двигалось к ней. А этот документ пока был только у моей племянницы, да и то старого образца!

Но Гоша начал с того, что объявил — он решил наконец-то отправить министра двора Фредерикса на пенсию, ибо надоел. Но в силу длительной беспорочной службы эта пенсия выглядела как пожалование титула графа и назначение на должность Местоблюстителя Двора, которая, впрочем, не подразумевала ни власти, ни обязанностей — только оклад и пожизненное право присутствовать на всех императорских церемониях. Дело было в не только в, скажем так, недалекости бывшего барона, а ныне графа, но и в его приверженности устоям. В частности, он никак не мог одобрить брак Гоши и втайне надеялся, что Маша, понимая всю неравность этого союза, и вести себя будет соответствующе... Ага, разбежался — племянница тут же начала наводить свои порядки, а недовольные с треском вылетели из Зимнего, причем некоторые прямоком в Гатчину. Но окончательно барона подкосила моя женитьба на Мари. Мир в его глазах пошатнулся, и жизнь потеряла почти весь смысл. Неоднократные призывы его величества сделать двор если не прибыльным, то хотя бы безубыточным предприятием он просто не понимал, а если бы и понял, то все равно ничего бы не смог предпринять. И теперь Гоша спросил, нет ли у меня на примете подходящей кандидатуры на роль министра двора.

— Есть, — обрадовал его я, — это Алиса. Вспомни, она же практически не шерстила твоих референтов, а просто упорядочила их деятельность! И неплохо получилось. Для этой же должности она подходит идеально — происхождение выше некуда, но при этом ни своры родственников, ни прихлебателей не имеет. Опять же, есть в ней какая-то благородная прижимистость... Скажешь навести экономию — она наведет.

Гоша сделал у себя пометку и перешел к следующему пункту:

— Паспорта, говоришь? Ладно, действительно, надо получить. Тогда ты их подготовь, ну и вручишь в торжественной обстановке. А потом я в твой собственноручную запись сделаю... Читал я творение про твои титулы. Цирк, конечно, но исходная мысль была правильной — ну не может дядя одного величества, отчим второго и муж третьего быть простой светлостью! Всякие леопаторы — это действительно извращение, надо быть проще. Так как ты теперь член курильского царствующего дома — то ты высочество. А раз в результате сразу двух бракосочетаний ты по двум линиям связан с Романовыми, но при этом не великий князь по рождению — то вводится новый титул, «светлейший князь-кесарь». По рангу соответствует наследнику престола, но прав на этот престол ни у тебя, ни у твоих потомков не появляется.

— Вот спасибо-то! — откомментировал я.

— Рано радуешься. Зато и у тебя, и у твоих потомков есть обязанность быть регентом в ситуации, когда таковой понадобится. Все, теперь можешь выражать свой восторг — ни детей, ни женщин тут нет.

— А ты и так знаешь, что я могу сказать, поэтому давай перейдем к международному положению.

Гоша, видимо, вспомнив соответствующее место у Ильфа с Петровым, улыбнулся.

— В общем, — развил тему я, — ситуация с Китаем вроде окончательно прояснилась. Хотя наши противники и не знают ни про Вьетнам, ни про Афган, они пришли именно к этому сценарию. Втравить нас в войну, которая не будет иметь конца — всех китайцев не перебьешь. А они будут ждать, пока нашему народу не надоест получать похоронки, и всячески способствовать развитию у нас пацифизма и прочих сопутствующих вещей. Кроме того, они надеются, что эта война отрицательно скажется на нашей экономике.

— Выход видишь? — поинтересовался император.

— Пока только очень смутно, но это временно, придумаем что-нибудь. Кстати, обратил внимание, что и в Англии, и в Штатах резко вырос интерес к славянской культуре? Льва Толстого уже пригласили в Штаты, лекции читать. Это они надеются так на нашу интеллигенцию воздействовать... Ничего, это не страшно. Вот с крестьянами — да, через пару лет войны могут начаться трудности. В общем, работать надо.

— Ладно, но почему китайцы так странно с нами воюют? Лезут напролом, и все.

— А ты посмотри сводки, какие части лезут. Это же все старая армия! Просто Сунь Ят-Сен изобрел вот такой способ чистки рядов. Ну и нас прощупать заодно, так что скоро будет настоящее наступление. Кстати, от его результатов зависит довольно много — в Англии у некоторых власть имущих еще остались настроения, что нас надо давить побыстрее. Так что, в случае успеха этого наступления и последующей переброски дополнительных сил с наших западных границ в Манчжурию они могут и не утерпеть, чего не хотелось бы... Ну, а если китайцы облажаются, в ближайшее время нам никакой новой войны не грозит.

— Как ты думаешь, Шлиффен не очень рискует, собрав все танки в одном месте — а вдруг китайцы ударят в другом?

— Во-первых, не в одном — они поровну распределены между первым и вторым укрепрайонами. Во-вторых, даже если китайцы ударят в стык между вторым и третьим, то в боевых действиях все равно сможет принять участие половина танков. В третьих, я вообще не думаю, что они представляют собой серьезную силу — ведь их всего десять! Две группы по пять штук. Кстати, знаешь, кто командует первой танковой группой? Лейтенант Гудериан.

— Тот самый?

— Конечно. Ему еще полтора года назад, сразу по окончании училища, поступило предложение заняться освоением новой российской бронетехники, так что у него было время набраться хоть какого-то опыта. И действовать он будет от японских позиций — помнишь, какая там местность?

— Так там же сопка на сопке!

— Ничего, проедет, я там даже на «Оке» проезжал — правда, с трудом. А ему полезно,

это ведь не последняя война. В Арденнах, чтоб ты знал, рельеф местности почти такой же, так что пусть тренируется. И хватит тебе про китайцев волноваться, все равно же ты ничего уже сделать не можешь! Лучше давай про ваши паспорта уточним. Тебе на фамилию Романов выписывать?

— А что, есть варианты?

— Можно придумать, если желание появится. Это я к тому, что у всех получаются двойные фамилии, и только у тебя одинарная. Я — Найденев Порт-Артурский. Маша — Романова-Курильская. Мари — скорее всего Романова-Найденова, это еще надо с ней согласовать.

— Ничего, мне и моей простенькой хватит, обойдусь — пусть это подчеркивает, что я в какой-то мере главный в нашей компании.

— Ладно, закругляемся, мне еще с семьей пообщаться надо.

Прежде чем идти к жене с дочерью, я спустился к своей машине и, запихнув скучающих там двух серых кошечек в сумку, взял ее и пошел общаться с родными.

Оказалось, что кошки по вкусу Рекса водятся в Архангельске и называются иногда русскими короткошерстными, а иногда русскими голубыми. Так что вчера мне прислали двоих, и теперь я тащил их на смотрины.

Они прошли нормально, то есть пополнение понравилось и Рексу, и Настеньке. Правда, Мари взяла лист бумаги и начала там что-то сосредоточенно писать. На мой вопрос она пояснила:

— От тебя математикой заразилась. Ты сам говорил, что каждая кошка два раза в год приносит по четыре — пять котят. Через год они подрастут и тоже включатся в этот процесс... Вот я и считаю, исходя из предельной концентрации в пять кошек на комнату, когда рядом с Зимним придется строить еще один дворец.

Уже поздним вечером, возвращаясь домой, я от мыслей о семье и Рексе снова вернулся к тому, что происходило на Дальнем Востоке. Да, переживать по поводу подробностей каждой войсковой операции бессмысленно, там командуют достаточно грамотные люди. А вот подумать про то, как не повторить будущую историю советской войны в Афгане — стоило. Какой вывод можно сделать на основе того, что я знал о той войне?

В одном я был уверен твердо — она показала, как не надо строить ее пропагандистскую поддержку. Ситуация, когда в газетах писали о том, как наши солдаты при всеобщем восторге аборигенов что-то у них сажают и строят, но все видят, что оттуда идут похороны — она совершенно нетерпима. Нет уж, надо не забывать регулярно напоминать народу, что мы ведем тяжелую войну с очень сильным противником. И, пожалуй, пора подумать над расширением льгот для участников войны, а уж для награжденных и инвалидов — особенно. Статус георгиевского кавалера и сейчас достаточно высок, но неплохо бы сделать так, чтобы он вообще мог ногой открывать дверь в местную управу — потому как основную массу солдат составляют крестьяне, которые вообще не сталкиваются с более высокими уровнями власти. И после первой же удачной операции можно будет ввести звание «Герой России» — а вдобавок и весомую статью за необоснованное награждение им, подумал я, вспомнив послевоенные звезды Жукова и пятикратную героичность престарелого бровеносца. Вот только с отдыхом для детей фронтовиков я немножко недодумал — построили в Крыму скаутский лагерь, без особых изысков обзавав его «Орленком», а с отдыхающими трудности — ну некогда летом отдыхать крестьянским детям, кроме самых маленьких. Значит, что? Султан давно намекал, что он очень белый и пушистый, так что пусть срочно ищет у себя в Турции место, где зимой можно купаться в море. Не найдет — мы поможем, но тогда уж пусть потом на себя пеняет... И чтобы к Рождеству там все было готово, бабло выделим. И десяток комиссаров с охраной, которым султан пожалует право сажать его подданных на кол, а то последнее время турки даже бабло наловчились воровать. С этим вроде все, а что дальше?

Кинохроника с места боев — это обязательно, ее уже снимают и будут постоянно

крутить во всех кинотеатрах, деревенских клубах и кинопередвижках. Можно и что-нибудь художественное снять, блицкригом пока совершенно не пахнет, так что время есть.

Ну и книги, конечно. Одно время у меня мелькнула мысль про что-то вроде Союза писателей, но я вовремя вспомнил, что он не просто выродился в гадючник в конце социализма, а с самого начала представлял из себя нечто вроде того — чтобы убедиться в этом, достаточно почитать «Мастера и Маргариту». Так что лучше придумать что-то другое — например, государственное издательство приключенческой литературы. Именно приключенческой, с ориентацией в основном на молодежь! Как называлась серия времен моей молодости, в которой и выходили практически все читаемые книги? Вроде «библиотека приключений»... или еще и фантастики? Вот и тут надо, не мудрствуя лукаво, воспроизвести тот же дизайн обложки — и вперед! Первый кандидат на печать уже есть, это Толстой со своим «Гиперболоидом». Надо будет ему такой аванс забабахать, чтобы остальные позеленели от зависти и тут же кинулись творить. А для тех, кто хочет и может, но не очень понимает, про что лучше писать в свете текущего момента, устроить специальные семинары. И вовсе не надо заикливаться только на тех, кто оставил след и в том мире — от того, что псевдонимом Пешкова называли город, его произведения не стали более читабельными. Местных найдем! Тут мне, может и несколько некстати, вспомнились бессмертные строчки Иванова:

Неужто не найдем поэта,
Не воспитаем молодца,
Чтоб сочинил он про гамлета
И тень евонного отца!

Да мы, уж коль такое дело,
Не хуже тех, что в старину...
И мы напишем, как отелло
Зазря прихлопнуло жену.

В общем, нужна и какая-то программа поиска и воспитания молодых дарований — с конкурсами и премиями, подытожил размышления я. Кстати, а как там одно из них, то есть дослужившийся уже до лейтенанта Курильского флота Северянин? Вроде бы его последний сборник стихов вызвал интерес, да и Маша говорила, что написано очень неплохо.

Глава 20

Утром третьего июня по мостику через безымянный ручей, впадающий в речку Цуньхе, протарахтел мотоцикл. В результате этого действия он оказался на маленьком полуострове, который, судя по всему, занимала какая-то хозяйственная часть. Во всяком случае, тут было четыре больших грузовика и несколько «Нар», две полевых кухни и пять сараев местного вида. А вот личного состава почти не наблюдалось — только пост сразу за мостиком.

— Пакет лейтенанту Гудериану из штаба укрепрайона, — сообщил мотоциклист по-немецки.

— Привет, Зигфрид, — отозвался старший караула на том же языке, хотя на нем была манчжурская форма с сержантскими погонами, — Гейнц у себя. Что-то новенькое? Если секрет — можешь не говорить.

— Да какой там секрет, — махнул рукой мотоциклист, — нас наконец-то окружили, вот и все. Головные части китайцев вышли к морю в пятнадцати километрах западнее Инкоу. Ладно, я поехал.

— Ну вот, — уныло потянул тощий рядовой, — раз окружение, значит, пайки урежут, а мы и так третью неделю почти на одной рыбе сидим.

— А тебя хоть чем ни корми, толку все равно никакого, один перевод продуктов, — благодушно отозвался сержант, — и чем тебе лосось не нравится? В Гамбурге, небось, твоего месячного заработка и на одну такую рыбину не хватило бы, а ты их тут каждый день бесплатно жрешь и еще добавки просишь.

Диалог прервал звук свистка из лагеря.

— Общий сбор, — сказал, поднимаясь, сержант, — пошли. Кажется, кончился наш отдых на рыбной диете.

Лейтенант Гудериан оглядел построившийся личный состав своей Первой танковой группы.

— Камрады, — начал он, — наконец-то начинается настоящее дело. Получен приказ о перебазировании в расположение Второй ударной еврейской бригады, это квадрат шестнадцать. Выходим завтра в шесть тридцать. До этого — подготовка к маршу. Вольно, разойдись.

— Гейнц, — спросил его низенький крепыш в звании младшего лейтенанта, — не знаешь, это настоящие евреи или наши?

— Увы, Пауль, настоящие, из России, — улыбнулся Гудериан, — они будут поддерживать нашу атаку. И у тебя еще остается время, как говорят наши русские друзья, хорошенько «wsdrutschit» своего мехвода, чтобы у него на марше опять гусеница не слетела, как по пути сюда.

В расположении бригады танкистам отвели место примерно в полукилометре от передовой, перед минометчиками и рядом с кухней. Судя по запаху, там готовилось что-то не рыбное, а весьма мясное.

— Получено разрешение расходовать консервы, — пояснил Гудериану начштаба бригады майор Канкрин, — так что можете есть свои, а можете — и наши, у нас хватит. Операция — завтра в пять тридцать, сразу после артподготовки. У вас на танках есть рации?

— С передатчиком — только на моем, у остальных одни приемники.

— Пусть ваш радист зайдет в штаб за частотами и позывными, по вашим приказам будут работать две эскадрильи «Фоккеров» и одна «Выхухолей».

— А это еще что такое?

— Да в общем та же самая «Кошка», только берет побольше и летает побыстрее — ближний бомбардировщик. На «Фоккерах» — ваши, то есть немцы, на «Выхухолях» — русские, но немецкий вроде знают. Ваши люди уже расположились? Тогда зовите кого считаете нужным — и пошли в штаб, знакомиться с обстановкой и есть сосиски — настоящие баварские, между прочим, специально для вас достали.

Обстановка внушала некоторый оптимизм. Неделю назад китайские войска прорвали фронт между первым и вторым укрепрайонами и неудержимым потоком устремились вглубь Манчжурии.

— Всю неделю непрерывно шли, — поделился впечатлениями начштаба, — только вчера движение малость поутихло.

Пройдя километров пятьдесят, китайцы повернули направо и два дня назад с боями вышли к морю, замкнув тем самым сухопутное кольцо окружения вокруг укрепрайона. Впрочем, это никого особо не беспокоило, ибо и до того четыре пятых всех грузов получались по морю, где безраздельно господствовал японский флот. А в месте прорыва спешно рылись окопы, причем это место заняла дивизия китайцев-мусульман, которые уже показали себя хоть и не очень умелыми, но чрезвычайно стойкими солдатами.

— Вот карта с направлениями нашего прорыва — это экземпляр для вас, — развернул ее на столе Канкрин. — Так, нам с вами предстоит операция на глубину в тридцать восемь километров, до вот этой высоты, где мы должны соединиться с ударной группой второго укрепрайона. До первой линии окопов четыре километра, и занимают ее какие-то

малобоеспособные части. В общем, после артподготовки сопротивления тут не ожидается, но дальше бронемашин сопровождать вас не смогут — по крайней мере в ближайший час. Далее, на два километра западнее, вторая укрепленная полоса, она вроде посерьезней, но все равно в зоне действия артиллерии. План на первый день — тридцать три километра до рубежа обороны мусульман, причем сопровождать вас сможет только конная сотня — и пехота, и броневики подтянутся только на следующий день, а артиллерия, скорее всего, еще позже.

«По идее, все участвующие в прорыве силы должны представлять собой единое подразделение, где, кроме танков, есть и артиллерия на механической тяге, и броневики, и конница», — подумал Гудериан, — «но тогда им точно командовал бы не я». И спросил:

— Ваши люди помогут моим машинам преодолеть окопы и последствия артподготовки? У меня два заправщика, грузовик с боезапасом и передвижная мастерская.

— Разумеется, — кивнул майор, — теперь про первую линию. Здесь помечены пулеметные точки, которые вам обязательно надо подавить, ведь за вами пойдет пехота. Позади второй линии — как минимум две батареи, судя по всему — со шнейдеровскими полевыми пушками. Шрапнель, поставленную «на удар», ваша броня выдержит?

— Лобовая — наверняка, а боком или задом мы к ним поворачиваться и не собираемся.

Артподготовка началась в четыре пятнадцать и продолжалась чуть больше часа. Но вот грохот стих, «Фоккеры», обрабатывавшие вторую линию, улетели, и послышался звук горна, практически сразу заглушенный взревевшими моторами танков. Перевалив через линию своих окопов, бронированные чудовища пошли в атаку. Пропустив их вперед метров на сто, пехота побежала за ними.

Гудериан, высунувшись из открытого люка командирской башенки, внимательно смотрел вперед. Танк неспешно переваливался по рытвинам — быстрее десяти километров в час по такой местности он ехать не мог. В отличие от остальных машин, вообще спидометра не имевших, «Борис Фишман» был оснащен цифровым. Впрочем, этот танк много чем отличался от своих стандартных собратьев.

Лейтенант убедился, что в первой линии окопов не просматривается ничего живого, и перевел бинокль на вторую. А вот там шевелятся, и не в одном месте... Гудериан хмыкнул и приказал радисту:

— Курт, заводи музыку!

Здоровенный «колокольчик», прикрученный к правому борту танка, зашипел, хрюкнул и заорал мощным хором:

— У-уррр-ааа!

Лейтенант закрыл люк и помотал головой — так и оглохнуть недолго, да и позиции китайцев уже близко.

— Форвертс!!! — продолжал надрываться танк. — Тэнно хэйко банзай! Хедад!!!

Из окопов неуверенно застучал пулемет, но тут же смолк, а затем оттуда сначала по одному, а потом и массово стали выскакивать китайцы — с целью удрать. Пулеметы двух передних башенок открыли огонь, но некоторым, наиболее резвым, все же удалось скрыться за гребнем холма. «Борис Фишман» тоже перевалил его и остановился — впереди, примерно в восьмистах метрах, была какая-то деревушка, где и должны были стоять пушки. Но на открытом месте их не наблюдалось — значит, они могут быть в домах или сараях...

Заработали все три пушки «Фишмана», а затем подключились и орудия остальных танков. Пять минут стрельбы — и развалины деревни заволочло дымом. Танки снова двинулись вперед.

«Толку от боковых башен никакого», — думал Гудериан, — «из-за отсутствия заряжающего реальная скорострельность получается даже ниже, чем у главного калибра. А снарядики мелкие... Убрать, может, тогда и скорость хоть немного повысится! Ведь сейчас нужен рывок, а мы тут ползем...»

Лейтенант был не совсем прав — танки разогнались уже почти до пятнадцати

километров в час и продолжали увеличивать скорость. Когда до развалин оставалось метров триста, дым и пыль немного рассеялись, и стало видно, что никаких пушек тут нет. И вообще ничего нет, даже китайцев. Местность же за деревней почти не просматривалась. Ждать конников, чтобы отправить их в разведку, или рискнуть?

— В колонну, за мной! — передал остальным танкам радист «Фишмана», и головная машина, включив сирену, мигалку, аварийную сигнализацию и задние фонари, поползла в горящие развалины. За ней гуськом потянулись остальные.

Деревню форсировали без проблем, но дальше все-таки пришлось остановиться. Впереди, километрах в трех, дорога проходила между довольно высокими холмами, причем делая там поворот. На карте это не очень бросалось в глаза, но по месту было видно — объезда нет, а за поворотом вполне может быть засада — пушки-то из деревни куда-то делись.

— Ждем конников, машин не покидать, моторы заглушить, наблюдать за местностью, мехводам и заряжающим отдыхать, — отдал приказ Гудериан, спустившись в «салон», то есть боевое отделение, объединенное с отделением управления. Наблюдение пока вели пулеметчики второй и четвертой башенок, а командир подсел к радисту, который устанавливал связь с авиаторами.

— Есть, — наконец передал он шипящую гарнитуру.

— Я Гена, нахожусь в квадрате тридцать два, нужна разведка квадратов тридцать четыре и тридцать пять, как поняли, прием.

— Я Фома, вас понял, разведка три-четыре, три-пять. Вылетаем, минут через десять ждите результат.

Через восемь минут над головами танкистов пронеслись два «Фоккера», и вскоре наушники ожили:

— Гена, я Фома. Сразу за поворотом земляной завал, ваши коробки пройдут, но по одной и с трудом. Дальше на склонах правого холма кустарник, там замаскированы пушки. Я видел две, но спрятать там можно гораздо больше. На вершине левого холма, кажется, тоже что-то замаскированное — во всяком случае, один из кустов сдуло, когда мы прошли на бреющем. Идем обрабатывать замеченное и вызываем всю эскадрилью.

Весь следующий час над холмами работала эскадрилья «Фоккеров», пока, наконец, ее командир не сообщил, что целей он больше не видит. За это время к танкам подошла конница, и чернявый горбоносый есаул предложил отправить разведку.

— Пойдет мой танк, — принял решение Гудериан, — вы — за ним.

«Фишман» завелся, поплевал сизым дымом, прогреваясь, и пополз к холмам. Остальные танки двинулись за ним, но остановились перед холмами, а головная машина продолжила движение в сопровождении десятка конников. В воздухе барражировала двойка «Фоккеров».

Лейтенант смотрел в стереотрубу командирской башни. Вот завал, за ним ничего не видно... Мехвод сделал перегазовку и перешел на пониженную передачу. Танк, взревев и задрав нос, перевалился через завал. В последний момент Гудериан заметил высунувшееся из кустов на склоне дуло и даже вспышку выстрела, но тут в борт главной башни ударил снаряд.

Командир танка номер три отложил наушники и скомандовал:

— Мехвод, средний вперед! В задних башенках, дайте сигнал «делай как я»! Камрады, Гейнца приглубило, идем на помощь.

Лейтенант Гудериан ошарашено покрутил головой и осмотрелся. Оказывается, он стоял на четвереньках на решетчатом полу главной башни. В ушах звенело, и сквозь этот звон с трудом пробивался рев мотора. Тут лейтенанту помог встать наводчик.

— Заряжающего контузило, — проорал он прямо в ухо лейтенанту, — ну ничего, я им

сейчас...

В башню уже лез наводчик бесполезной сейчас боковой пушки, и Гейнц, шипя от боли в боку, подтянулся вверх, в свою командирскую башенку. Стереотруба была разбита, но гарнитура переговорного устройства уцелела — она негромко шипела, раскачиваясь на проводе. Переждав гулкий «Буммм!» главного орудия, командир потребовал доклада о повреждениях.

— В салоне и в спонсонах все нормально, первая пулеметная башенка молчит, остальные не задело, — доложил радист, — рация исправна, двигатель и ходовая в порядке.

Главное орудие снова выстрелило, и в башне прибавилось пороховых газов.

— Есть! — заорал наводчик.

— «Фоккеры» раздолбали еще одну, — доложил радист, — китайцы бегут.

— Через завал перевалила «тройка», — прошел доклад из четвертой башенки, — стреляет куда-то. За ней еще один, номера пока не видно.

Через полчаса, когда Гудериан окончательно пришел в себя, в лощине между холмами все было кончено. Уцелевшие китайцы отступили к ее выходу, где имелась насыпь вроде первой, но недоделанная, а за ней — наспех отрытые окопы. Танки по одному выезжали на открытое место и выстраивались в шеренгу — благо из окопов по ним стреляли только винтовки и два пулемета. Снова заговорили орудия бронированных машин, а потом они медленно поползли вперед. Из окопов никто не удирал, что не нравилось лейтенанту — надеяться, что артиллерией удалось уничтожить всех, не приходилось.

Когда до окопов оставалось метров тридцать, оттуда вдруг высочило несколько китайцев, прижимающих к груди какие-то мешки, и бросились к танкам. Почти всех удалось положить пулеметным огнем, но один добежал до танка-двойки и кинулся ему прямо под правую гусеницу. Раздался взрыв, в смотровую щель радисту едущего рядом «Фишмана» шлепнулся какой-то красный ошметок, а у танка-двойки слетела гусеница. Танк развернуло, и он ударился носовым катком в центр гусеницы своего соседа. Но, несмотря на потерю подвижности двух машин, огонь они вести могли, а кроме них, было и три совершенно исправных танка... Скоро все было кончено.

Гудериан принял решение остановиться — подождать пехоту, артиллерию и отремонтировать танки, о чем сообщил по радио.

— Гейнц, но ведь до конечной точки маршрута всего девять километров! — не понял лейтенант Раушенбах.

— Пауль, здесь мы воевали всего лишь с боевым охранением численностью порядка роты и при пяти пушках. А там целая дивизия, причем тех же самых мусульман! Нет, без пехотной и артиллерийской поддержки танковые рейды неэффективны.

На следующий день подоспела пехота в сопровождении броневиков, а с ней — передвижная мастерская танковой группы. Артиллерия и машины с боезапасом ожидали поздним вечером, но особой надежды на точность прибытия не было — погода испортилась, моросил мелкий дождик. С неба исчезли самолеты — они не могли летать в такой обстановке. Приказ же из штаба укрепрайона гласил — продвинуться вперед на четыре километра или до первых признаков сопротивления, после чего окапываться.

Непогода затянулась на четыре дня. За это время пехота изошла завистью к танкистам, а особенно к экипажу «Фишмана» — все мокнут в грязи, а у этих тепло, сухо, чисто, играет музыка и со стен улыбаются неодетые красавицы.

Разведка донесла, что за передним краем у противника происходит какое-то движение огромных масс народа, но его смысл непонятен. На самом деле он был в том, что как раз там столкнулись те, что были отправлены как подкрепление к месту прорыва, и те, кто, разобравшись в обстановке, хотели выскользнуть из ловушки, пока она не захлопнулась.

А на пятый день распогодилось, и с востока потянулись самолеты. Столько машин

сразу Гудериан еще ни разу не видел... Сначала налетели уже знакомые «Фоккер-Валькирии» и начали утюжить передний край китайцев. Почти сразу за ними появились «Кошки» и очень на них похожие самолеты, только с закругленными концами крыльев — «Юнкерсы». И, наконец, на высоте около трех километров появились главные действующие лица. Два огромных шестимоторных самолета, сильно напоминающих «Кондоры», но явно намного больше их, шли в сопровождении полутора десятков истребителей. Гудериан взял бинокль. Да, гиганты впечатляли — размах их хвостового оперения превосходил размах крыльев истребителей! Причем истребители были какие-то незнакомые — бипланы с крылом «чайка», как у ранних «Спитфайров», но не угловатые, а элегантно-зализанные, с убирающимися шасси и с курильскими опознавательными знаками — желтыми попугаями.

При их появлении вся авиационная мелочь, до того кружащаяся над передним краем, порскнула в стороны.

Вот сначала от одного, а потом и другого гиганта отделились черные точки и полетели вниз. У самой земли над ними раскрылись небольшие парашютики...

Даже с расстояния в пять километров взрывы выглядели страшно. Первая бомба взорвалась на высоте примерно ста метров. Вспух быстро увеличивающийся огненный шар, по земле побежало пыльное кольцо ударной волны. Вторая бомба рванула у самой земли, и над местом взрыва вставало грибовидное облако.

Секунд через десять до позиций танкистов дошла ударная волна, вполне ощутимая и на таком расстоянии.

Гудериан кинулся к своему танку — надо связаться со штабом и уточнить, объявлять ли «А-тревогу»? Больно уж похоже было увиденное на то, что ему читали на семинарах в Георгиевске. Но из люка уже лез радист.

— Из штаба передали, что это эфирные бомбы! — закричал он. — Ни проникающей радиации, ни заражения местности от них нет.

Разлетевшиеся «Кошки» и «Фоккеры» потянулись к месту взрывов — посмотреть, как там, и добить, если кто-то еще уцелел.

Глава 21

Итоги первого дня операции «Молния» (имелась в виду молния-застежка) я сел изучать в четыре часа пополудни, когда на месте событий уже стемнело. Для начала я ознакомился с результатом применения наших боеприпасов объемного взрыва, которые для простоты были обозваны «эфирными бомбами». Ибо слова «объемный взрыв», а тем более «объемная детонация» могут и натолкнуть кого-нибудь не в меру умного на правильные мысли, а про эфир пусть на здоровье размышляют, имеется ли в виду диэтиловый, диизопропиловый или просто мировой.

Потери китайцев убитыми оказались не слишком велики — всего около трех тысяч, но оглушенных и контуженных было раз в десять больше, а число деморализованных вообще не поддавалось учету. Причем в их число вошли и английские военные специалисты, которых авиаразведка опознала по автомобилям, на предельной скорости удиравших в сторону Пекина. Плохо быть слишком информированным, подумалось мне. Большинство китайцев вообще про Тунгусский метеорит не слышали, а эти, видать, внимательно изучили все материалы, в том числе и о смерти от лучевой болезни оказавшегося почти в эпицентре француза. Да и наши материалы по «А-тревоге» наверняка не были для них секретом, а тут еще и ветер дул со стороны взрывов... В общем, в какой-то мере я их понимал.

Лишенные руководства китайцы не оказали почти никакого сопротивления массовой атаке с двух сторон, и в два часа дня головные танки первого и второго укрепрайонов встретились примерно посередине между ними. Сколько китайцев оказалось в мешке — точно никто не знал, цифры варьировались от двухсот тысяч до миллиона. В общем, война снова перешла в позиционную фазу.

Вечером я попытался похвастаться величеством, но тому было не до побед в Китае —

эскадра, идущая Северным морским путем, попала в серьезные неприятности, и теперь Гоша с Макаровым в основном торчали на узле связи. Насколько я понял, северопроходцами было получено предупреждение о ухудшении ледовой обстановки по курсу, причем в тот момент, когда у ведущего ледокола были какие-то неприятности с машинами. Пока чинились, обстановка еще ухудшилась, но эскадра продолжала движение вперед. Однако вчера один из крейсеров получил пробоину в подводной части... Честно говоря, я бы бросил это корыто там, где оно продырявилось, и плыл бы дальше на том, что осталось, но генерал-адмирал решил иначе. Сейчас эскадра ползла малым ходом, на ходу пытаюсь локализовать дыру в пострадавшем корабле, а пилоты палубных «Кошек» с авианосца готовились бомбить лед.

Когда я пришел, величество вяло переругивалось с Макаровым по поводу оценки действий командования эскадры. Макаров считал, что дядя Алексей все сделал правильно, и лично он на его месте поступил бы точно так же. Гоша же склонялся к мысли, что крейсер водоизмещением в пять тысяч тонн — не такая уж ценность, чтобы ради его сохранности рисковать застрять во льдах всем составом.

Эта эскадра состояла в основном из крейсеров-пятитысячников, но в трех ипостасях. Два из них были закончены как эскортные авианосцы на десять-пятнадцать машин, два — как носители крылатых ракет, и два остались просто легкими крейсерами — как раз такой и маялся теперь с течью. Вся серия в качестве движков имела тринклеры общей мощностью в тридцать киловатт, и, хотя теоретически они могли проделать весь путь на одной заправке, в состав эскадры был включен и небольшой танкер. Флагманом эскадры был линейный крейсер «Севастополь», а дорогу ей прокладывали эскадренные ледоколы «Арктика» и «Антарктика».

Тем временем на узел связи зашла Маша — поинтересоваться, чем таким интересным занят ее благоверный. Вникнув в проблему, она заявила нам с Гошей:

— Дядя Алексей мало того что герой, так еще и умный человек. Ведь по результатам этого похода будет высчитываться страховка на Севморпути, а, значит, и стоимость фрахта! Так что это действительно важно, дойти без потерь. Поэтому вы лучше думайте, чем его таким особенным наградить по завершении, у него же и звание уже самое высокое во флоте, и орденов полный комплект. Дядь Жора, а нельзя эту операцию по отлову китайцев для работы на Транссибе представить в несколько более драматическом виде? Чтобы было как с тем медведем, которого «поймал» недотепа-охотник. Пострелять, потом еще пару бомб куда-нибудь сбросить и объявить, что вот буквально чудом удалось предотвратить прорыв — это можно будет неплохо обыграть.

— Так ведь вакуумные-то бомбы — штучный товар, каждая тысяч по двести стоит, между прочим! Да, на всякий случай — я их тут «эфирными» назвал.

— Эфирные или кефирные — дело твое, но они есть?

— Есть.

— Тогда в чем вопрос? Хотя... раз деньги тратятся на нужды моего департамента, они должны быть возмещены. Ладно, выделю из своих карманных — за ужином не забудь напомнить, а то сам видишь — я сейчас в платье, а в нем карманов нет. Значит, послезавтра еще пару взрывов, договорились? Потом — соответствующая кампания в прессе. И к ужину не опаздывайте — у них там, в море Лаптевых, все равно уже ночь, им спать надо, а не читать ваши радиограммы. Ладно, я пошла, но имейте в виду — про ужин я напоминала не просто так.

— Ее величество права, — согласился Макаров, когда Маша вышла — не надо нам вмешиваться, на месте виднее. Я тоже пойду к себе. Да, Георгий Андреевич, долго еще это безобразие у нас во дворе продолжаться будет? Очень уж шумно там ваш объект строят.

— Настоящему моряку, — предположил я, — работать не мешает не то что шум стройки, но и стрельба из главного калибра. Или у вас там не моряки, а канцелярские крысы? Тогда могу выделить два десятка наушников.

За ужином Маша объяснила, для чего ей понадобилось мое присутствие.

— Это, конечно, все на уровне интуиции, — задумчиво сказала она, выковыривая что-то из салата, — но мне кажется, что под Черчилля копают — причем именно в финансовых кругах. И не только английских, но, вроде бы, и в американских тоже... Попробуй прояснить, с чего бы это? Или он уже давно твой человек?

— Нет, не мой, и что под него копают — я это в первый раз слышу. Но поточнее разузнать попытаюсь, оно действительно интересно. Мой — не мой, но вдруг он просто хороший человек?

— Ага, — хмыкнула Маша, — сам же говорил, что при авторитаризме во власть еще может как-то попасть порядочный индивидуум и даже там таковым и остаться, а при демократии — никогда.

— Я немножко не так говорил. И при демократии он может туда попасть, но только как фигура, кем-то играемая втемную. Но потом он или оскотинится и дальше будет сознательно работать на своих настоящих хозяев, или озверееет. Может, даже и сожрет тех хозяев, но потом другие сожрут его. А Черчилль — политик еще довольно начинающий, совсем недавно на бурской войне геройствовал, да еще поднимал голос против концлагерей и прочих изобретений победивших англичан. Так что вполне может в нем остаться немножко человеческого, он же сейчас не премьер образца сороковых годов, а всего лишь первый лорд адмиралтейства, да и то меньше года как сидящий на этой должности. В общем, присмотрюсь я, кому это там наш Уинстон Рэндольфович мешает, и, как что интересное узнаю, обязательно вам расскажу. А московские самолетики-гиганты — они как, помогли в нелегком труде доения друзей?

— Процесс только начат, — пояснила Маша, — но мне, между прочим, тоже личный самолет нужен, так что когда такой у тебя можно будет купить?

Я с недоумением смотрел на племянницу.

— Машенька, — наконец сказал я, — ты, ей-богу, переутомилась. Гоша, да что же ты за женой не следишь! А то совсем у нее мозги от перенапряжения в трубочку свернутся, и что мы тогда делать будем?

— А в чем дело-то, я ведь тоже хотел как-нибудь с тобой про этот «Грифон» поговорить, — не понял император.

— А в том, что если, например, ты владеешь компанией, производящей какую-нибудь дерьмоколу, рекламируемую на всех углах как вершину прогресса, символ нового образа жизни и вообще лекарство от всего, то будь готов к тому, что иногда, под объективами, тебе придется разок-другой и отхлебнуть этой дряни — издержки профессии, так сказать. Но если ты, поверив рекламе, начнешь ее регулярно жрать литрами — это уже повод проконсультироваться с психиатром. Ну сами подумайте — это же первый действительно тяжелый цельнометаллический самолет!

— Но ведь он уже кучу рекордов поставил, — не поняла Маша.

— Ага — высоты, дальности и грузоподъемности. Но тут выбирать надо не два из трех, как в анекдоте, а всего одно. На девять километров может подняться пустой самолет с минимальным запасом бензина. Он может пролететь шесть тысяч километров, но только вообще без груза и на высоте два километра. Наконец, он может поднять восемь тонн, но не пролетит с ними и тысячи, причем тоже невысоко. Плюс к этому управлять им могут только феноменально сильные пилоты, а в плохую погоду и у них не больно-то получается. В общем, должен же был Гольденберг на чем-то учиться делать тяжелые машины? Будем надеяться, что в следующий раз у него получится что-нибудь поприличней, потому как уже есть чем загрузить такой самолет. Объемно-детонирующий боеприпас мы наконец-то довели до нормального вида, и семи лет не прошло с начала работ, а он уже такой, что и миру показать не стыдно. В отличие от тех хлопушек, которыми мы в Пуле стекла били. Кстати, надо наши эфирные бомбы предложить кайзеру, в серийном производстве цена должна заметно упасть, а дирижаблей, способных поднять семь тонн и довольно далеко унести, у

немцев много.

— И в какую себестоимость ты собираешься уложиться?

— Да тысяч в десять.

— Тогда не так надо делать, — встрепелась Маша, — это про деньги, которые я тебе сейчас собиралась дать. Дня три потерпишь? Я эти четыреста тысяч официально пожертвую, как мой личный вклад в дело приближения победы, а о том, с какими мучениями я их от сердца отрывала, мои референты сами напишут. Ну, и Вилли, как старому знакомому, мы их будем толкать совсем по дешевке — тысяч по сто двадцать, а потом и вовсе по сто.

— Лучше совместное производство устроить — немцы делают химию и механику, мы — электронику.

— Со временем так и сделаем, но для начала им надо одну подарить, потом штук сто продать, ну, а уж после этого и согласиться с их предложениями насчет делать вместе, — заметил Гоша.

— Вот возьмет Вилли и разнесет нашими бомбами Лувр к такой-то матери, — вздохнула Маша, — а это памятник культуры, чтоб вы знали, особенно ты, дядя Жора.

— Нет, я помню, он об этом Лувре очень неплохо отзывался, — отодвинул пустой бокал я, — а вот Биг-Бен, действительно, кайзеру чем-то не нравится. Ничего, потом мы им поможем новый построить, с электронными часами! И чтобы время отбивали мяуканьем.

Взрывы наших эфирных бомб действительно произвели приличный фурор, особенно когда мы бабахнули еще два раза, причем один раз над небольшой рощицей. Картина получилась точно как в эпицентре Тунгусского феномена — в самом центре торчат стволы без сучьев, а дальше радиально поваленный лес. Да и очевидцы отметили определенное сходство... В общем, некоторые уже письменно сокрушались, что, кроме большой супербомбы, которая вообще, может быть, у русских всего-то одна и была, этот Найденов научился делать сравнительно небольшие, но тоже супер. И их у него, гада, много... Какой-то знакомый с арифметикой журналист даже посчитал, что на Пекин понадобится двенадцать штук. Судя по всему, в том самом Пекине почему-то восприняли данную мысль близко к сердцу, потому как мне пришло донесение от Людендорфа — имеется перебежчик, утверждающий, что он уполномочен лично самим Сунь Ят-Сеном сообщить нечто чрезвычайно важное — но только лично императору или канцлеру. Так что теперь «Кондор» с узкоглазым пассажиром и охраной летел в Гатчину, где его ждали к завтрашнему вечеру. Неужели мир предложат? Их же американцы с англами за это живьем сожрут...

Гонец действительно вез предложения о мире, но весьма своеобразном. Отец китайского народа понимает, сообщил мне посланец, что продолжение войны не принесет Китаю ничего, кроме неисчислимых бедствий. Но ничуть не меньшие бедствия принесет и ее прекращения, ибо Китай стал полным банкротом еще при Цыси, а сейчас ситуация только усугубилась. И не сделать ли так, чтобы война одновременно и прекратилась, и продолжалась, спросил гонец.

Я захотел подробностей. В общем, Сунь уже понял суть операции по окружению — а чего бы тут не понять, когда вопли наших агитационных машин про кормежку и двадцать копеек в день на строительстве Транссиба в хорошую погоду было слышно километров на тридцать! И китаец предлагал мне — он продолжает гнать армии в указанные нами мешки, не особо тратясь на их подготовку и вооружение, а мы, значит, поступаем с окруженными по своему усмотрению. Ну, и из благодарности за это оказываем Китаю экономическую поддержку — скажем, по юаню за голову.

К своему стыду, я не знал точно, чему соответствует юань, и сильно подозревал, что он меньше копейки, но на всякий случай сначала возмущился несусветной дороговизной, а потом напомнил, что по нашей терминологии Сунь Ят-Сен является военным преступником — со всеми вытекающими последствиями. Посланец же возразил, что отца китайского народа ввели в заблуждение нехорошие люди, над которыми будет открытый суд, где они во всем признаются — но только не сейчас, а чуть позже.

Я в ответ сказал, что в случае такого суда мы, действительно, не будем настаивать на веревке для высшего руководства, а обойдемся компенсацией, размер которой предстоит уточнить с ее величеством Марией Первой. И почему будет пригоняемая нам рабсила — тоже с ней, но в целом эта идея лично у меня отторжения не вызывает.

Пока Маша усиленно торговалась с китайским посланцем, я срочно вызвал Одуванчика. Потому как китайцы, в силу патологического нежелания расставаться с деньгами, предложили принять причитающиеся с них суммы поставляемым им оружием. Уточнив, что это в подавляющем большинстве не оружие, а несусветное старье, подлежащее поэтому серьезной уценке, я согласился. И теперь мне предстояло лично с самим лорд-протектором уточнить детали переброски всего этого железа в Индию.

В общем, подвел предварительные итоги я, грядущая ситуация пока представляется так. На манчжурском фронте происходит усиленная имитация боевых действий. Маша спекулирует на ее драматических моментах, для сочинения которых придется в темпе создать специальную группу, и деньги идут на финансирование находящейся там международной группы войск и выплаты китайцам за плененных. Вот уж, действительно, получится настоящий «театр боевых действий»! Сами эти плененные стоят Транссиб и Сахалинскую дамбу, за исключением тех, что поедут в Германскую Африку — это, так сказать, наш бонус с данной операции. Прибыль же от торговли оружием пусть вся идет Одуванчику, мне хватит и политических последствий этой распродажи.

Глава 22

В конце июля китайский делегат был отправлен восвояси. Кстати, все это время другой китаец делал вид, что перебежчик — это он, якобы посланный центральным комитетом Гоминьдана договориться с Людендорфом об обмене пленными. Действительно, у китайцев сейчас были два наших казака и экипаж неудачно севшего на мель японского транспорта. Впрочем, с настоящим гонцом я поговорил и про это, и мы пришли к соглашению, что генерал стоит три старших офицера, старший офицер — три младших, младший — три рядовых, а наш — три китайца. Теперь любой мог без труда подсчитать, что китайского полковника можно обменять на нашего лейтенанта или трех рядовых. Правда, уже сейчас этих полковников у нас было десятка полтора, и на Транссиб их не отправляли, а держали в Мукдене как валютный запас на всякий случай.

Тот же самолет, что увез гонца, привез пассажира, с которым я на следующий день и встретился — нашего подводного главнокомандующего, вице-адмирала Беклемишева. Так как время близилось к обеду, то я сразу повел гостя в столовую. По дороге он с интересом осматривался — в Гатчинском дворце ему раньше бывать не приходилось, а слухи про «логово коршуна» ходили всякие. Правда, пришлось пару раз пресечь его попытки обозвать меня «высочеством» — я заявил, что не хочу ломать язык, в ответ именуя его «высокопревосходительством», так что дальше мы общались по имени-отчеству. Надо сказать, что, в отличие от Уэллса, наша столовая ему ничем из ряда вон выходящим не показалась.

В последний раз мы с Михаилом Николаевичем виделись осенью шестого года, на церемонии принятия в состав флота первой «Кильки», которую так и называли «Килькой». Эта серия по сути являлась плодом творческого переосмысления Налетовым эскизных материалов по немецким подлодкам двадцать первой серии — понятно, что данные наших «Килек» получились чуть пониже, но ненамного. Электромоторы и аккумуляторы для них нам делали в Германии, а все остальное — уже в России. Кстати, немцам были переданы материалы по новой лодке, но особого интереса они не вызвали — в качестве основной подлодки в германском флоте был принят доработанный ими «Краб». А вот японцы, получив от нас эскизы и краткие технические данные, воспылали энтузиазмом создать свой

подводный флот именно на основе этих лодок. Так что весной текущего года «Килька» и «Бычок», две наши самые первые и уже несколько устаревшие субмарины, отправились по маршруту своих предшественников «Краба» и Рака». Беклемишев не усидел на берегу и командовал этим переходом — то ли его просто потянуло в море, то ли не давали покоя воспоминания об одной девушке с островка неподалеку от Мадагаскара... В пользу данной версии говорило то, что лодки по пути зашли-таки на этот остров, хотя поломок, которые нельзя было устранить прямо в море, они не имели. Ну, это не страшно, моряки отдохнули, адмирал — тоже, и, кстати, сообщил мне, что местное население не против, если русские моряки там станут появляться и чаще. Правда, теоретически этот клочок земли находился под управлением французов, но и Гоше, и мне на это было как-то начхать — в конце концов, мы же не постоянную базу там организовываем! По крайней мере, пока не постоянную.

В общем, Беклемишев уже знакомым ему маршрутом дошел до Йокосуки — правда, теперь он зашел в порт в надводном положении и под звуки оркестра, а не взрывающихся японских крейсеров. Ну, а потом, малость поучив японцев плавать под водой, вице-адмирал отправился в Находку, где судоремонтный завод, построенный нам Крапом, собирал новейшие «Кильки» и «Барракуды» — то есть «Малютки» двенадцатой серии. Понятно, что большие лодки носили имена мелких рыбок, а маленькие Из Находки Беклемишев прилетел в Питер, где собирался дня три отдохнуть, а потом его путь лежал в Найденовск — там тоже строился завод и вскоре должна была образоваться база Северного флота.

За обедом и некоторое время после него Беклемишев развлекал меня рассказом о достижениях японцев в области гидроэхолокации. Когда мы передали в Токио первые материалы по подлодкам, то вся лоцирующая аппаратура там изображалась квадратиками с краткими пояснениями, что именно они делают. Ну и самый минимум теории, без которого нельзя было обойтись. Японцы с пониманием отнеслись к тому, что во все детали их не посвящают, и сообщили, что начинают заниматься собственными исследованиями в этой области. Так вот, их первые результаты и были показаны Беклемишеву.

Когда его привели на небольшую яхту, он ожидал увидеть внутри кучу всякой радиоаппаратуры, провода, катушки... Но в «аппаратной» были ковры, шкуры всяких редких зверей, циновки, пуфики и три японца в традиционных одеждах. А из пола торчали какие-то трубки и цилиндры, до крайности похожие на местные барабаны. Гостю предложили самому указать место, рельеф дна которого будет исследоваться. Беклемишев указал и тихо присел в уголке.

Сначала все три японца уткнулись ушами в тонкие гибкие трубочки, и минут через пять старший из них выдал, какие корабли и где именно находятся в радиусе десяти миль. Михаил Николаевич не поленился выйти на палубу и проверить — все совпало! После чего приступили к эхолокации. Сначала двое операторов слушали, а один играл на барабанах. Потом слухач остался один, а сольную партию взяла на себя труба с подвижной частью, как у тромбона. Барабаны же пошли аккомпанементом. Время от времени слухач, не отрываясь от трубок, одной рукой тянул за уходящие вниз шнуры, а другой делал какие-то пометки на бумаге — хорошо хоть карандашом, а не кисточкой. Вскоре перед Беклемишевым лежала оцифровка рельефа дна в указанном им квадрате. Какого же было его удивление, когда, сравнив это с данными эхолокации «Кильки», он увидел практически полное совпадение! Причем японцы оцифровали свой квадрат несколько быстрее наших гидроакустиков.

Интересно, подумал я. Ведь действительно же, человеческое ухо представляет из себя очень чувствительный прибор! А вся моя электроника — это смесители, колебательные контура и усилители, чьи функции, действительно, могут выполнять и механические детали музыкальных инструментов... Да, очень интересно. Пожалуй, надо раскрыть японцам схемы, отставив секретом только способ производства радиоэлементов, и пригласить этот оркестр сюда, на предмет объединения достижений электроники и музыки. Но вот поведение Беклемишева было странноватым — мы общались уже больше часа, а он до сих пор не начал жаловаться, что ему подводных лодок мало! В чем дело?

— В экипажах, — пояснил мне несколько смутившийся вице-адмирал, — за

отпущенный срок подготовить нужное количество людей пока не удастся. Так что я и привез предложение его величеству немного сократить выпуск лодок, компенсировав это увеличением выпуска модулей, из которых они собираются.

— А почему тогда в нахимовском училище до сих пор нет подводной роты?

— Георгий Андреевич, вы что, детям предлагаете участвовать в погружениях?

— Стоп, но ведь по поверхности они вполне себе плавают. Или ходят, применяя вашу терминологию.

— Так ведь на специальном учебном корвете!

— А что вам мешает спецлодку сделать? И нырять где-нибудь в неглубоком месте, где вода почище и рыбки всякие разноцветные плавают меж кораллов и осьминогов, чтобы у детишек посильнее разыгрался интерес.

— М-м-да... — с сомнением протянул Беклемишев, — я подумаю. Но ведь риск все равно свести к нулю не получится.

— Но он и так от него отличен — утонуть можно и просто купаясь. Так что очень вам советую, в рассуждение будущего, решить этот вопрос. Кстати, вот вам еще материал, изучите его прямо в соседнем кабинете, не вынося. И уже с учетом написанного там мы, пожалуй, ближе к вечеру вернемся к вопросу о подготовке молодого поколения.

В предложенной Беклемишеву папке была собранная мной подборка материалов по боевым подводным пловцам. И если насчет того, что экипажи подводных лодок лучше готовить с детства, еще могли быть сомнения, то тут — никаких. Нырять и плавать человека надо учить с рождения! Поэтому в выводах предлагалось, кроме дополнительных рот в нахимовских училищах, сделать еще и особый интернат, где с самых первых дней жизни сироты будут приобщаться к подводному миру. Была там и еще одна моя мысль о том, где брать кадры. Ведь на всяких островах вроде того, где тот же Беклемишев уже два раза чинился в обществе прекрасной туземки, народ прекрасно ныряет — за жемчугом, ракушками там, да мало чего еще им в море нужно... Значит, надо запустить программу вербовки тамошней молодежи на русскую службу. Причем из таких мест, где белые колонизаторы уже хорошо отметились, так что вопросов, зачем это понадобилось закладывать мины конкретно в этот английский или американский порт, призванный нами контингент задавать не будет.

А опытную партию аквалангов в Георгиевске уже сделали, и теперь на очереди были гидрокостюмы и подводное оружие. С тем, что акваланги дают пузыри, придется пока мириться, но в план была заложена и разработка аппаратов замкнутого цикла.

Так что ознакомившийся с моими бумагами Беклемишев был озадачен скорейшим созданием специального отдела в своем штабе, который и будет заниматься этими вопросами — понятно, что в тесном контакте с моими службами. Не скажу, что Михаил Николаевич впал в полный восторг от открывшейся ему перспективы, но и явного неприятия не наблюдалось.

— Сделаем, — сказал он, прощаясь.

После его ухода я изучил еще и бумаги, оставленные мне Одуванчиком для передачи на Николаевский завод — в связи с улучшением своего финансового положения лорд-протектор захотел корабль специальной постройки. Суть проекта можно было выразить одним словом — трансформер. В базовом варианте это было нечто вроде эсминца, но с более мощным артиллерийским вооружением — насколько я знал, англичане называли такие корабли «дестройерами». Однако путем несложных операций он мог быстро приобретать вид грязного каботажника или океанской ВП-яхты, а, затратив минут сорок, его можно было превратить в трехмачтовый парусник или даже в колесный пароход образца середины прошлого века. Некоторое время я пребывал в сомнениях — может, и мне пригодится такое суденышко? Правда, зачем оно именно мне, в голову как-то не приходило. Но зато я вспомнил слова Налетова о том, что новую модель, если это не супергигант типа «Ария»,

лучше строить сразу в двух экземплярах, ибо расходы на постройку одного окажутся совсем ненамного меньше. Так что я пометил — строить два, и отложил эскизы в соответствующую папку. Кстати, пора бы уже послушать очередной доклад о состоянии моих финансов, а то последнее время были и траты, и поступления, так что теперь цифру я мог назвать с точностью только до полутора миллионов рублей.

После этого я потянулся было к телефону, но поймал себя на мысли, что, если буду вставать со стула только в столовую и в заведение противоположного назначения, то лет через несколько от геморроя уже никакой портал не поможет, да и тут надо посмотреть не бумаги, а довольно объемистый тюк. Так что я прошелся по коридору и спустился двумя этажами ниже, на малый склад. Там к моему приходу все уже было готово — тюк открыт, шкурки разложены на столах.

Хотя я, во-первых, был в курсе своей зоологической малограмотности, а во-вторых, понимал, что такого просто не может быть, все же первым делом взял первую попавшуюся шкурку и, внимательно ее рассмотрев, убедился, что это никоим образом не кошка. После чего окинул взором картину в целом. Шкурок было много.

Полтора года назад было организовано акционерное общество «Котофей» — помните эту историю? Так вот, данная посылка пришла мне из города Котовска. Город этот не имел ни малейшего отношения к будущему герою гражданской войны, который (герой, а не город) был еще во втором году завербован шестым отделом, а сейчас, после пятилетней карьеры полевого агента, учился в закрытой Академии спецслужб. Город был назван в честь зверька, у которого четыре ноги. А позади у него длинный хвост. То есть кошки.

Город этот находился двадцати километрах на северо-восток от самой северной точки Байкала, между речкой Нижней Ангарой и озерцом, которое теперь вместо какого-то названия на нерусском языке именовалось Соболиным.

Собственно, кошки были нужны только на первом этапе — выкормить набранных в тайге соболенышей. Второе поколение пушных зверьков, выросшее уже на ферме, обошлось почти без кошачьей помощи, а третьему она точно будет не нужна. Так что в письме, приложенном к шкуркам, был и вопрос по поводу дальнейшей судьбы кошек.

Я вызвал дежурного секретаря из информбюро и озадачил его:

— К завтрашнему обеду должен быть готов документ с планом мероприятий по кошкам с соболиной фермы. Основная мысль — держать дома не просто кошку, а котовскую кошку модно. Особенно для знати, промышленников и чиновничества. Примерно как в отношении гончих у екатерининских помещиков, что ли. Кроме того, это один из способов выразить свое уважение к канцлеру. Наконец, надо распустить слухи, что, если кем-то заинтересуется один из моих отделов, наличие в доме фигуранта такого зверька послужит смягчающим обстоятельством.

Решив кошачий вопрос, я продолжил чтение бумаги про соболей. Итак, ферма функционировала и даже начала давать шкурки, причем не каких-нибудь вообще соболей, а самых среди них ценных, то есть баргузинских. Более того, сейчас там пытаются развести и вообще фантастически редких белых, но их пока всего пять штук и говорить об успехе этого мероприятия рано.

Странно, подумал я, почему это белый вдруг стал таким ценным? С баргузинским понятно — это самая темная порода, то есть грязь на меху меньше всего заметна. А на белом же любое пятнышко не то что машинного масла, а даже керосина будет бросаться в глаза сразу! Как в такой шубе в гараж зайдешь? Кошмар. Странные, однако, вкусы у публики...

Дальше шло три страницы бухгалтерии, из которой следовало, что ферма преодолела рубеж самоокупаемости, то есть в этом году мой взнос уже не нужен. Ну и в самом конце говорилось, что посланные мне шкурки — это подарок.

— Я им что, невеста, такие подарки мне делать? — возмутился я. — Значит, немедленно оценить эту кучу, потом узнать, в чем сейчас наибольшая нужда у города Котовска, и подарить того самого как раз на эту сумму — из моих средств, ясное дело.

Ладно, а с этими-то шкурами что делать? Шуба мне не нужна... Ё мое, но она же нужна дамам.

— Что из всего этого можно сшить? — поинтересовался я.

— Две полноценные шубы и одну укороченную, — сообщили мне.

— Тогда разделите это на три соответствующие части и упакуйте, — велел я.

Поначалу у меня была мысль подарить по комплекту всем величествам женского рода, но потом я подумал — чего это еще и я буду Алисе подарки дарить, когда для этого есть Боря Фишман? И, быстро написав пару слов, велел отнести уменьшенный комплект Танечке.

Глава 23

К середине октября обстановка на манчжурском фронте стабилизировалась — таких безобrazий, как в августе, когда китайцы чуть не прорвали немецкую линию обороны, больше не случалось.

Это было первое наступление противника по договоренности с Сунь Ят-Сеном, но, по его словам, командующий ударной группировкой элементарно заблудился, не умея читать карту. И вместо того, чтобы тихо и мирно пройти в квадрат, отведенный для сортировки и первичной обработки личного состава, сначала он до позднего вечера вообще не мог начать движение. А потом, уже ночью, погнал свои толпы не по дороге, а прямо, выйдя непосредственно на немецкий четвертый укрепрайон. Китайцев тут не ждали, так что им даже в паре мест удалось прорвать первую линию обороны. Но подтянулась артиллерия, потом авиация, противника проредили и отбросили, а утром он таки пошел по ранее согласованному маршруту. Однако у немцев были потери, и они разозлились. Запросив данные у моего резидента, они собрали в кулак всю свою бомбардировочную авиацию и раскатали в пыль только что отстроенную загородную резиденцию Суня, нанеся ему ущерб чуть ли не в миллион долларов. А я после этого вдвое уценил текущую партию пленных, объяснив, что она некондиционная. Президент отлично понял такие аргументы, и октябрьское наступление было срежиссировано безукоризненно.

Убедившись, что война как таковая кончилась, засобиравшись домой Шлиффен, вместо него группировкой остался командовать наш генерал-лейтенант Ренненкампф. Вместе со Шлиффеном в Германию возвращались и несколько офицеров, в том числе и Гудериан, получивший к тому времени звание капитана маньчжурской армии и обер-лейтенанта немецкой. Проезжая через Питер, он презентовал мне экземпляр своего доклада «Применение танков в маньчжурской кампании».

Доклад был интересный. Начал его Гейнц, как говорится, за здравие — то есть раскритиковал компоновку «Фишмана», заявив, что боковые орудия ему только мешают. Но дальнейшие выводы были несколько странными. Гудериан предлагал увеличить скорость танка до двадцати пяти километров в час, а вот необходимости ни в усилении брони, ни в снижении высоты он не увидел.

Кроме того, предлагалось разработать еще и легкий танк как замену броневицку Pz-1, который за время кампании показал свою полную непригодность для действий вне дорог, но зато приобрел в войсках кличку «Пизя». Так вот, Гудериан предлагал увеличить его длину, поставить на гусеницы и снабдить авиационной пушкой вместо пулемета винтовочного калибра. В общем, получалось, что мне надо просто передать немцам эскизы их же изделия Pz-II.

После немцев в Гатчину прилетел Токигава, с которым мы обсудили результаты действий авиации и сравнительные данные машин — как наших, так и противника. Так как «Стрижи» были еще опытными машинами и участия в войне не принимали, то лучшим истребителем единодушно было признано творение Де Хэвиленда, наконец-то получившее имя «Элен» (а бедные японцы ломали язык, пытаясь правильно произнести это слово).

Это была вариация на тему поликарповского И-15, но не ухудшенная, как «Спитфайр», а улучшенная. Двигатель — двойная звезда взлетной мощностью в семьсот сил диаметром

всего восемьдесят пять сантиметров, так что самолетик имел узкий и зализанный фюзеляж. Крыло было с «чайкой», фонарь пилота — закрытый, шасси убиралось. Машина обладала хорошей маневренностью в вертикальной плоскости и совершенно феноменальной — в горизонтальной, будучи при этом не очень сложной в управлении.

Модифицированный «Ишак-М», отличающийся от исходного убирающимся шасси, более мощными пушками и форсированным у нас до шестисот пятидесяти, а у японцев до семисот сил мотором, нравился Токигаве чуть меньше — все-таки из-за всех этих добавок машина стала чуть перетяжеленной. То, что ее скорость была на двадцать километров в час больше, чем у «Элен», особой роли не играло, потому как на разгон до максимума у «Ишака» уходило почти вдвое больше времени. Но зато он был доступен летчику самой низкой квалификации и достаточно эффективно штурмовал наземные цели.

«Машина для массового пилота» — определил ее место японец.

Кстати, неделей раньше я имел беседу с Полозовым, освоившим и «Стрижа», и «Элен», и тот про нового «Ишака» высказался несколько резче: «самолет для тех, кто ни летать, ни стрелять ни хрена не умеет!» Впрочем, потом он самокритично признал, что даже в его полку таких почти половина.

Авиация противника состояла из небольшого числа английских и американских машин. По нашим сведениям, англы уже сделали нормальный V-образный мотор мощностью почти тысячу сил и сейчас испытывали сразу три самолета на его основе, но в Китае были только «Фантомы-2». Наиболее выдающиеся недостатки старой машины были смягчены, но все равно это был плохой истребитель и вовсе никакой штурмовик. Кроме того, мы получили сведения, что в Китай отправлены два четырехмоторных бомбардировщика «Либереитор» — нечто вроде «Кондора», но с рядными движками от «Фантомов». Однако авиаразведка, даром что весьма усиленная, смогла обнаружить только один! Пока он не залетал за границу, его не трогали. Но однажды он ее перелетел и был тут же сбит... В общем, английская авиация себя не показала. Зато американцы поддерживали честь англосаксов! Их истребитель-штурмовик «Мустанг» доставлял нам немало хлопот, несмотря на невеликое мастерство штатовских пилотов. Самое интересное, что эта машина имела двухтактный мотор! Райт его ухитрился сделать аж шестнадцатилиндровым водяного охлаждения. Компоновка была Х-образной. Это чудо работало на спирту, причем жрало его в совершенно диких количествах, и имело ресурс всего около сорока часов, но зато весило чуть за полтонны при мощности в тысяча двести сил. Правда, с планером самолета они поступили так, как будто уже сочинили изречение «аэродинамику придумали те, кто не умеет делать хорошие моторы». «Мустанг» был подкосным высокопланом с неубирающимся шасси — что-то вроде польских истребителей времен второй мировой. Но благодаря огромной тяговооруженности и мощным пушкам этот самолет неплохо себя показал — хорошо хоть летать далеко не мог, одной заправки спирта ему хватало на полчаса полета.

В декабре, как и было договорено, широкомасштабные наступления китайцев прекратились до весны. Главными причинами были экономические — если бы мы продолжали принимать рабсилу, то расходы на ее обогрев при сортировке и транспортировке заметно подняли бы себестоимость, да и с одеждой было не очень, несмотря на то, что основную ее часть поставляли японцы.

Так что в Манчжурии воцарилась тишина, лишь иногда прерываемая небольшими перестрелками — когда какая-нибудь китайская часть, замерзнув и оголодав, шла пробиваться в плен по собственной инициативе, без распоряжения командования. «Дикими» пленными занимались немцы.

Для систематизации итогов первого года войны в России было создано сразу две комиссии — в Генштабе и в Главном штабе. Правда, та, которая в Главном, скромно именовалась «рабочей группой», но зато занималась делом. А уж генштабовская, под

руководством Янушкевича, развернулась вовсю! Первое, что она сделала — это обратилась в мой Секретный отдел за допуском на ознакомление с документами любого уровня. Им его предоставили, так как данный отдел и создан-то был для того, чтобы фабриковать секретные документы; но, пока там еще не достигли должного мастерства в изготовлении бумаг государственного масштаба, допуск для генштабовцев был временно ограниченным. Однако, чтобы родить концепцию применения танков в современной войне, подчиненным Янушкевича хватило и того, что им дали. Прочитав черновики комиссии, я даже в какой-то мере проникся глубиной ее новаторских замыслов.

Итак, основным тактическим приемом будущих войн предполагалось сделать наступление пехоты при поддержке танков. Выглядеть это должно было следующим образом: впереди борт к борту едут три танка, а за ними, сужающейся к хвосту колонной, трусцой бежит полк. Рубеж атаки был принят в два километра, и, чтобы танкистам было чем заняться в пути до противника, на них возлагалась обязанность за это время провести артподготовку. В связи с чем танки типа «Фишман» предлагалось модернизировать: увеличить ширину и высоту для лучшей защиты бегущей за ними пехоты, а в задних башенках вместо пулеметов установить минометы. Якобы во исполнение этих пожеланий в Гатчину и прибыла бригада инженеров из Екатеринбурга. На самом же деле ей предстояло окончательно утвердить новый единый танк и сделанные на его основе самоходку и бронетранспортер.

В настоящий момент с конвейера сходили сделанные на одном и том же шасси танк «Тигр» и самоходка «Диарея». Шасси имело компоновку с движком и коробкой спереди, поперек корпуса, мощность составляла сто двадцать сил. «Тигр» был вооружен сорокасемимиллиметровой Гочкиса и пулеметом, «Диарея» — двумя трехдюймовками. То есть в первых экземплярах пушка была одна, и самоходка называлась «Медая». Но конструктора сумели основательно ужать орудия, что дало возможность в ту же самую рубку засунуть два. Вообще-то поначалу это устройство называлось «Диодорея», но в процессе согласования документации лишние буквы потерялись, и на вооружение самоходная двустволка была принята под своим теперешним названием. Сейчас этими машинами была вооружена учебная танковая дивизия, а конструктора уже приступили к изделию, ради которого и создавалось данное шасси, то есть к БМП.

Одновременно с екатеринбуржцами в Гатчину приехали и немцы — они привезли чертежи своих новых орудий, которыми предстояло вооружать бронетехнику стран Большой Четверки. Это были действительно пушки немецкой разработки, но более позднего времени, то есть их знаменитая «ахт-ахт» в танковом и зенитном вариантах и пятисантиметровая KwK-38, эта только в танковом.

То есть немцы теперь представляли себе качественный состав своей бронетехники следующим образом. Для действий против заведомо слабейшего противника нужны гиганты вроде «Фишмана», но немного. Основным танком становится средний, с 50-мм пушкой, в качестве основы которого сейчас рассматривались предложенные мной чертежи Pz-III. Также имеется небольшое количество тяжелых самоходов с 88-мм пушкой — эти для прорыва укрепрайонов. И немного легких танков Pz-II. Для пехоты предполагалось создать открытый сверху полугусеничный бронетранспортер.

Мы же собирались обойтись всего одним типом танка — с немецкой «ахт-ахт» в качестве орудия. Да, поначалу оно будет избыточным, но настильность его траектории позволит вести точный огонь с больших дистанций, что не лишнее в любой обстановке. А там, глядишь, скоро и у противника танки появятся, вон, французы уже зашевелились. С такой пушкой, как «ахт-ахт», наши танки будут поражать вражеские с запредельной для них дистанции.

Пехоту мы (то есть мы с Гошей плюс рабочая группа Главного штаба) думали снабдить сравнительно дешевой БМП в приличных количествах и вооруженным серьезной пушкой тяжелым бронетранспортером — в каких получится, для действий в условиях прорыва насыщенной противотанковыми средствами обороны. Кроме того, на нашем вооружении

предполагались и самоходки. Одна из них — «Диарея» — уже производилась. Вторая была в проекте, и в данный момент проходили конкурсные испытания 105 и 122 мм пушек для установки на нее.

Единый танк, компоновку которого привезли на утверждение екатеринбуржцы, тоже имел движок и коробку спереди. Специально для танков Тринклер разработал V-образную восьмерку мощностью в триста пятьдесят лошадей, а Луцкой — шестиступенчатую (четыре скорости вперед и две назад) коробку передач для неё. Кстати, управление фрикционами в этом танке производилось не рычагами, а штурвалом. Потому как с рычагами переключение скоростей одновременно с поворотом направо представляло из себя весьма непростую задачу, с которой мог справиться далеко не каждый мехвод.

Сам же танк был сильно похож на первую «Меркаву», но не с литой, а со сварной башней более простой формы. Как и у израильского танка, у нашего имелось дополнительное кормовое отделение с дверью, которое могло использоваться как аварийный выход. А вообще-то там можно было разместить или четырех десантников, или двух раненых на носилках, или дополнительный боезапас, или специальный контейнер на полтонны солярки сверх того, что в баках.

Ну, а после технических делегаций уже перед самым Рождеством мне пришлось принять и дипломатическую — то есть провести последнюю рабочую встречу перед представлением оной делегации Их Величествам. По поводу этого делегаты волновались, им, видимо, не хотелось ударить лицом в грязь с первой же встречи на высшем уровне.

Встреча же была первой не только для новоиспеченных дипломатов, но и для их страны, всего позавчера появившейся на карте — пока только на одной, той, что висела в моем кабинете. Да и то она там была пририсована вручную.

Главу делегации звали Арон Самуилович Немнихер, и он был министром иностранных дел Социалистической Республики Израиль. Кроме него, имелись два замминистра — финансов и национальной обороны.

К приходу делегации я как раз получил кое-какие сведения с Дальнего Востока, поэтому сразу перешел к делу:

— Чай, кофе, пиво — сами выбирайте. И можно мне сразу вам, уважаемый Арон Самуилович, задать нескромный вопрос — на кой черт Израилю понадобился «Либереитор» — кого вы собираетесь бомбить? Как его удалось украсть — не спрашиваю, потому что в общих чертах мне уже доложили. Довольно грязно, кстати, получилось, но зато недорого.

— Так ведь в первый же раз, Георгий Андреевич, — развел лапками министр иностранных дел, — до сих пор как-то не доводилось связываться с самолетами.

С нашей первой встречи шестой отдел успел подробнейшим образом вникнуть в биографию Арона Самуиловича, и я, в знак хорошего расположения, решил намекнуть ему об этом:

— Неужели процесс уворования самолета так уж сильно отличается от, скажем, неправомерного заимствования вами пяти локомотивов, предназначенных к отправке на фронт в одна тысяча девятьсот четвертом году? Да не волнуйтесь, если бы они были там хоть зачем-нибудь нужны, с вами бы уже успели побеседовать в соответствующем ключе. Но толку от них не было никакого, зато мы вместо них авиабомбы смогли отправить... И вы ведь примерно шестую часть вырученной суммы пожертвовали на победу — мне правильно доложили?

По скромному кивку собеседника я сделал вывод — похоже, доложили неправильно, денег он получил заметно больше.

— Скажу по секрету, — сообщил я, — Его Величество решил наградить вас только что учрежденным орденом святого Антония! Даже у меня такого нет (и никогда не будет, продолжил я про себя). Но все же — зачем вам тяжелый бомбардировщик?

— Но ведь должен же в нашем государстве быть самолет для высшего руководства! — пояснил один из замов, кажется, финансовый.

— Вы собираетесь возить своего премьера в бомбоотсеке?
— Мы хотели сделать вам подарок, — застенчиво сказал глава израильского МИД-а, — и надеялись, что вы, в свою очередь, подарите нам семь широкофюзеляжных «Кошек»...
— Четыре! — мгновенно отреагировал я. — И не спорьте со мной, а то я еще и уценю ваш аэроплан за отсутствие документов. И, кстати, дату президентских выборов вы уже назначили? Если не трудно, поделитесь со мной предположениями об их результате — мне просто интересно, кто из их величеств одержит победу. Я, между нами говоря, за Машу болею...

Глава 24

На второй день нового, тысяча девятьсот десятого года, Петербург хоронил генерал-адмирала. Дядя Алексей, без потерь проведя эскадру Северным морским путем, по прибытии во Владивосток захворал. Сначала медики списывали это на реакцию организма после тяжелого перехода, потом нашли воспаление легких и начали колоть пенициллин, то есть георгиум, потом что-то говорили о нервном истощении... В общем, три недели назад Алексей Александрович почил в бозе, и вот сейчас траурный поезд прибыл в Питер.

Жаль, конечно, неплохой был мужик, но все же в этом мире ему повезло куда больше, чем в том. Тут он прожил на год с лишним дольше и умирал не в Париже, уволенным со службы и оплеванным за все беды российского флота, в том числе и те, к которым он вообще не имел никакого отношения, а в России, полным адмиралом и героем легендарного Алексеевского перехода из Найденовска во Владивосток. И последние свои годы он провел не во Франции с дурой Балеттой, а в делах и походах, почти всегда со своей красавицей-женой Ольгой, с которой он был счастлив — я сам это видел.

После похорон я поехал с величествами в Зимний — помянуть генерал-адмирала в узком кругу. И там я услышал от Гоши, что, если я и дальше буду только работать, а не отдыхать, то (тьфу-тьфу) и у меня может нервное истощение произойти, если не что-нибудь похуже, каковое развитие событий было бы ему, Гоше, весьма неприятно.

— Ты же с четвертого года не то что без отпуска — без выходных пашешь! — открыл мне глаза император. — Только собрался в свою деревню съездить, так и то смог пробить там всего один день. Что я? Я все-таки каждый год на неделю к семье в Крым езжу, да и по воскресеньям далеко не всегда торчу на службе... Вроде сейчас обстановка спокойная, может, возьмешь отпуск на недельку-другую? На лыжах где-нибудь покататься или на снегоходах.

— В Куршавеле, — невинным тоном предположил я.

— М-м-м, — вынужден был согласиться Гоша, — ты прав, не выйдет. Без охраны тебя туда не отправишь, а с охраной получится натуральная оккупация Швейцарии, что кое-где могут неправильно понять. А если на Канары? Ты же вроде дачу там собирался строить, так съезди, подбери участок, вообще на место посмотри и на соседей... Ты там вообще-то хоть раз был?

— Нет, не довелось. В том мире как-то не особо позволяли финансы, а здесь все времени постоянно не хватает.

— Вот и замечательно! Так как ты у нас ветеран и японской, и черноморской, то дорога к месту отдыха у тебя за государственный счет. Так что собирай курортный чемодан, выход в море на днях. В том мире тебе ничего не нужно — водный мотоцикл там, или трусы какие-нибудь особенные?

— Да полно у меня и трусов, и мотоциклов. Постой, а что отплывает-то?

— Первая АУГ. Состав ты знаешь или дать тебе шпаргалку с перечнем?

Вот таким образом я и оказался в отпуске. Обошлось без бюрократии — заявления я не писал, отпускных не получал... Жена, которую я пригласил с собой, отказалась. Мол, без Насти я не поеду, а ей среди тамошних дикарей делать совершенно нечего. Ты там, главное,

не бери пример со своих подводных адмиралов, и все будет хорошо. Сувенир привези, бумеранг или череп чей-нибудь, я даже и не знаю... В общем, езжай, и побыстрее, а то у меня что-то глаза слегка заслезились, — напутствовала меня супруга. И я, написав список — что надо срочно запихнуть в контейнер и доставить на АУГ, сам по-быстрому собрал чемоданчик, погрузился в «Кошку» и полетел в Либаву. Там сел на катер и вскоре был на крейсере «Коршун», выбранном мной в качестве места обитания во время отпуска. Ближе к вечеру мы отчалили.

Весь вечер АУГ собиралась в кучу, то есть в походный ордер, а с утра поплыла (или, по-морскому, пошла) к выходу из Балтийского моря. Погода испортилась, начался ветер с мокрым снегом, и я, посмотрев в иллюминатор, решил, что просыпаться было не лучшей идеей. Но снова завалиться в спячку мне не дали — пришел командир корабля и пригласил меня на завтрак. Мои возражения — мол, я ничего не делал, и поэтому никак не мог нагулять аппетит — он отмел. И сослался на ее величество Марию Федоровну, которая, оказывается, звонила ему и просила лично проследить, чтобы я питался три раза в день.

— А больше вас ни за чем проследить не просили? — с подозрением спросил я. — Например, чтобы к самолетам не лез или еще чего?

Оказалось, что нет. То есть я вполне мог по своему усмотрению летать, встречать во что душе угодно и так далее — но не забывая при этом про завтрак, обед, ужин и как минимум семь часов сна ежедневно.

За завтраком я поинтересовался у капитана первого ранга:

— Григорий Павлович, а мы с вами раньше не встречались?

— Один раз, мельком, — кивнул капитан, — в Артуре в четвертом году — я тогда командовал канонерской лодкой «Кореец».

— Да, — вспомнил я, — неплохо вы тогда поддерживали огнем оборону перешейка. Ну, а «Коршун» — как он вам?

— Отличный корабль! — просиял каперанг. — И, несмотря на то, что совсем новый — практически никаких недоделок.

Это «Коршун» был одним из трех тринклер-электрических крейсеров-пятитысячников, входящих в состав Первой АУГ. Кроме них, там были два эскортных авианосца на той же основе, линейный крейсер «Измаил» и флагман — ударный авианосец «Сириус». Кроме того, эскадру сопровождали плавамастерская и госпитальное судно. Это был первый выход только что сформированного подразделения в открытый океан, планировавшийся совершенно независимо от моего отпуска. Ну, а тут просто пришлось взять еще одного пассажира с десятком охранников на «Коршун», а десантную роту на «Сириус», и самую малость изменить маршрут.

...Вот только я пока не видел своими глазами, насколько эффективны эти ваши ракеты, — продолжил тем временем каперанг, — а артиллерийское вооружение у крейсера слабовато.

Действительно, «Коршун» имел четыре шестидюймовых пушки и восемь трехдюймовых, но основным его оружием были крылатые ракеты. Пока у нас имелись только телеуправляемые — то есть ракета имела телекамеру, и оператор наводил ее, пялясь в экран двухцветного монитора.

— Так в чем дело, скоро посмотрите, — пожал плечами я. В отличие от своего собеседника, я уже не раз видел эти ракеты в деле — правда, пока мы их запускали исключительно с берега.

На следующий день мы проходили через Ла-Манш. Погода была столь же мерзкой — снег утих, но появился редкий туман. Поначалу я пытался рассмотреть хоть какой-нибудь берег, но это мне быстро надоело, и я уже совсем было собрался что-нибудь почитать, как объявили воздушную тревогу.

И кому это дома не сидится по такой погоде, — подумал я и, перекинув через плечо сумку с аккумуляторами и кое-чем еще, пошел на мостик. Командир был уже там.

— Два самолета вроде наших «Тузиков», но с английскими опознавательными знаками,

произвели облет «Измаила», — сообщил мне каперанг, — и улетели.

— Ничего, скоро обратно прилетят, — буркнул я, прислушиваясь, и сунул руку в сумку. Вскоре из тумана действительно вынырнули два самолетика и полетели прямо на нас, причем очень низко, метрах на пятидесяти.

— Нехорошо людей пугать, — прокомментировал я, доставая из сумки свою тюнингованную лазерную указку, — а вдруг они действительно испугаются и чего-нибудь сотворят?

И нажал кнопку. Вспыхнул красный луч, отлично видимый благодаря клочьям редкого тумана. Я покачал этим лучом по курсу переднего самолета, и то ли пилот был от природы впечатлительным, то ли уже читал про инженера Гарина, но шараясь он от луча так, что чуть не чиркнул колесами об воду. Второй ушел вверх крутой горкой и скрылся из виду.

— Это гиперболоид? — пораженно спросил меня каперанг.

— Он самый, — безмятежно ответил я, пряча свое изделие обратно в сумку, — только маломощный, корабль таким не разрежешь. Даже и с самолетами я не уверен, что хорошо получилось бы.

— Выиграл! — возрадовался Григорий Павлович, — мы с моим старшим офицером, прочитав книжку господина Толстого, поспорили — правда это или вымысел? Игорь Иванович мне все объяснял, что это невозможно — мол, тут нужен точечный, да еще и монохроматический источник света.

— Так он у меня такой и есть.

— Вот-вот, и я ему то же самое говорил. Теперь с него обед в приличном ресторане, а за обедом я еще раз с удовольствием его аргументацию послушаю.

Выйдя из Ла-Манша, наша эскадра разогнала до двадцати узлов, и к вечеру следующего дня мы уже подходили к Гибралтару. Тут, а точнее в Танжере, предполагалось задержаться почти на сутки, ибо как раз сейчас этот город посещал кайзер, и было бы просто невежливо проплыть мимо, не поздоровавшись.

Наконец-то достроенный «Арий» совершал свой первый поход, и Вилли не удержался от того, чтобы проплыть на нем от Киля до Танжера.

На рейде Танжера уже толпилось достаточно много разноплановых посудин, но спутать с чем-нибудь «Арий» было совершенно невозможно. На его фоне даже «Сириус» казался мелковатым!

Примерно около часа сближающиеся эскадры совершали сложные телодвижения во имя морского этикета — поднимали и опускали какие-то флажки на веревках, немного постреляли холостыми, потом еще что-то... Наконец мне сказали, что можно грузиться в катер и плыть к «Арию». Неужели это нельзя было сделать двумя фразами по радио?

Как я и предполагал, Вилли тут же потащил меня по своему кораблю — хвастаться. Так что мне пришлось еще почти час бродить по этому гиганту, да еще внимательно слушая своего экскурсовода и восторженно поддакивая в нужных местах. Но наконец мы вернулись в кайзерскую каюту, и я с облегчением присосался к пиву.

— Значит, и вы, Георг, не утерпели и решили поучаствовать в первом походе своего детища? — поинтересовался кайзер. Судя по всему, он имел в виду «Сириус».

— Да вообще-то я просто собрался немного отдохнуть — тут, недалеко, на Канарах.

— Странно, — усмехнулся Вилли, — там же нет ни одной приличной закрытой гавани, да и рельеф такой, что построить хоть один нормальный аэродром будет затруднительно. И как к этой вашей инициативе отнесется Испания?

— Я ведь перед поездкой это узнал — оказывается, там не нужно визы, достаточно при приезде отметить у портовых властей. Вот я зайду и отмечусь...

Вилли захохотал.

— Представляю себе картину! В эту забытую Богом дыру вдруг является могучая эскадра, способная разнести ее в пыль одним залпом, на берег сходит господин в известном всему миру черном мундире и говорит... Что вы им скажете, Георг?

— Как всегда и всем — чистую правду! То есть я приехал сюда отдохнуть недельку от

трудов и забот.

— А эскадра?

— А она просто оказала мне любезность проводить меня месту отдыха.

Кайзер на минутку задумался, а потом спросил:

— Намеченные совместные учения «Ария» и «Сириуса» ведь произойдут после того, как вас доставят на Канары?

— Ну да, а после учений меня оттуда заберут.

— Тогда не будете ли вы так любезны согласиться на некоторое увеличение количества... э-э-э... провожающих? Возможно, Первая АУГ Российского Императорского флота покажется местным властям недостаточно внушительной. Но в сопровождении первой и третьей дивизий Хохзеефлотте — уже вряд ли!

В связи с этой инициативой кайзера мы смогли выйти в море только вечером, но зато плыли теперь удвоенным составом — девятнадцать кораблей вместо десяти. К обеду следующего дня на горизонте появились искомые Канары. Мы держали курс к острову Гран Канария — он понравился мне своей круглой формой и нахождением практически в центре архипелага. Как эта картина представлялась с берега, я узнал чуть позже.

Сначала на горизонте появились дымы — третья дивизия кайзерского флота использовала уголь. Местные знатоки начали было спорить, три там корабля или четыре, но через непродолжительное время спор прекратился, так как из-за горизонта стали появляться корабли. Было их, понятно, не четыре и не пять... Вскоре стало возможно определить, что это отнюдь не мирные рыбаки или зерновозы. Вдруг в небе появилось неисчислимое множество самолетов (эскадрилья «Выхухолей» и два звена палубных «Ишаков»). Они кругами летали над городом, иногда снижаясь настолько, что от рева моторов дрожали стекла, а домашняя живность впадала в панику. Некоторые горожане тоже, в общем, были близки к этому состоянию... Когда незваные гости встали примерно в миле от порта, губернатор Лас-Пальмаса дон Мигель де Кордоба вздохнул, сел на паровой катер и взял курс к самому крупному из гостей, гигантскому линкору под немецким флагом. «Арий» — прочитал он название линкора, подойдя поближе, и вскоре уже поднимался по спущенному трапу. Интересно, кто его примет — командир этого линкора, командующий эскадрой или даже сам кайзер, присутствие на борту которого следовало из штандарта на мачте? Одернув и без того безукоризненно сидящий мундир, испанец последовал за провожаемыми.

В адмиральском салоне дон Мигеля действительно ждал сам Вильгельм Второй, а рядом с ним сидел чем-то смутно знакомый офицер в черном мундире. Вот он повернулся к гостю, блеснули зеркальные очки... Дева Мария, да это же знаменитый русский сатрап Найденов! Точно такой, как на газетных фотографиях. Святые угодники, и что теперь будет с островом Гран Канария?

К чести испанца надо сказать — он вышел из ступора довольно быстро, секунд за двадцать, и по всей форме представился сначала кайзеру (по-немецки), а потом и мне (по-английски — русского языка он явно не знал). После чего осведомился, чему город Лас-Пальмас обязан чести принимать столь высокопоставленных гостей. Вилли с интересом ждал, что я отвечу дону.

— Понимаете, — начал я, — у меня чуть ли не с самого детства была мечта — отдохнуть на Канарах. Чтобы, значит, и пляж, и пальмы, и красотки в бикини... Море, опять же, крокодилы там всякие в джунглях. Но как-то все было не до того, а тут вдруг подвернулась оказия. Не откажете в любезности разрешить пожить тут у вас с недельку?

После чего я показал дону Мигелю свой паспорт, но, кажется, он не понял, что это такое, потому как все надписи там были по-русски. Однако несколько растерянно сказал, что его, дон Мигеля де Кордова, скромный дворец в распоряжении моего высочества.

— Дорогой губернатор, — удивился я, — а зачем мне ваш дворец? У меня и свой есть, наверняка не хуже, а если бы вдруг мне зачем-нибудь понадобился чужой, так за ним не

нужно было бы плыть в такую даль, и поближе без проблем нашелся бы. А у вас я хотел бы отдохнуть душой, то есть пожить на лоне дикой, не опохабленной рукой человека природы, я уже присмотрел местечко в двадцати примерно километрах от Лас-Пальмаса. Так что вы не против, если я туда прямо сегодня и отправлюсь?

Дон был не против, и кайзер нажал кнопку на своем столе. В салон вошел дежурный адъютант, которому Вилли кивнул на меня.

— Передайте, пожалуйста, на «Сириус» и «Коршун», что можно начинать высадку, — попросил я.

Глава 25

Вечером я наконец оказался на выбранном месте и смог приступить к отдыху. Правда, от того, что я представлял себе при слове «Канары», ситуация несколько отличалась... Пальмы на острове действительно были — кажется, даже больше десяти штук, но все они находились в городе Лас-Пальмас, были откуда-то привезены, посажены и регулярно поливаемы. А на месте отдыха росли мелкие папоротникообразные кустики, несколько кактусов и две совсем небольших сосны — правда, с очень длинными и мягкими иголками.

Песок был, но в мизерных количествах и не желтый, а серый. И, разумеется, тут не было ни блондинок в бикини, ни даже негритянок без оного... Впрочем, на эту тему я как раз и собирался побеседовать с доном Мигелем. Еще на «Арии», он, спросив, где именно я буду отдыхать, набился нанести визит — и теперь с некоторым изумлением глядел на придавленную к земле четырьмя камнями клеенку, на которой уже стояли две алюминиевых миски — с вареными яйцами и солеными огурцами. На газете возлежали круг краковской колбасы и полбуханки ржаного хлеба, а центр клеенки занимала литровая бутылка фишмановки. Паровой катер у дона оказался довольно тихоходным, так что, пока он доплыл до бухточки, я уже успел переодеться, поставить палатку и накрыть стол. И теперь испанец в недоумении переводил взгляд со «стола» на меня и обратно. Я был в форме отдыхающего, то есть в драных джинсах, линялой футболке и с банданой на голове.

— Присаживайтесь, — указал я дону на камень около клеенки, — вот вам стакан, давайте, я за вами поухаживаю. Первый рекомендую закусить огурцом, ну, а дальше — по потребности. Прозит! Эк вы неудачно — это же вам не коньяк, цедить его по капле... Стакан выпивается залпом. Ладно, тут еще много, научитесь. И давайте продолжим начатый в салоне его величества кайзера разговор про бикини.

Разумеется, этого слова не слышали ни Вилли, ни дон, и кайзер сразу спросил, что оно означает.

— Женский костюм для купания, — пояснил я и вытащил несколько специально захваченных Машиных рисунков.

— Это что, новая русская мода? — удивился кайзер. — А ничего так... Очень, очень даже весьма, — продолжил он и убрал выданный ему рисунок в стол. — Вы не возражаете, если я это кое-кому покажу?

Дон офигевал молча. И вот теперь я вновь поднял эту тему.

— Понимаете, дорогой Мигель, — сообщил я ему, дожевав кусок колбасы, — у вас тут просто райское место для отдыха. При минимальных усилиях можно сделать так, что сюда косяком попрут жаждущие экзотики вроде меня, принося огромный доход вашим островам... Ведь что такое, скажем, тот же Лазурный Берег? Банальность! Вот мне сейчас надо куда-то пристроить партию манчжурских ветеранов-орденоносцев, отдохнуть после ранения. Ну не в Ниццу же, к собравшимся там ворами со всей Европы! Еще прибьют кого по простоте душевной. А для вас, если вы соберетесь разворачивать здесь курортное дело, это просто идеальные клиенты. Оплачивает их отдых казна (у дона загорелись глазки), сами они люди неприхотливые и к разным неизбежным поначалу мелким недостаткам отнесутся с пониманием... Но это именно к мелким, а отсутствие здесь дам в русских национальных купальных костюмах к мелким недостаткам, пожалуй, и не отнесешь.

В общем, когда мы с испанцем уговорили бутылку и в процессе этого действия достигли полного консенсуса по развитию курортного дела на Канарах, вечер кончился, на небе воссияли звезды, и мой гость сделал попытку вернуться на свой катер, еще раз напомнив, что перед отъездом он ждет меня в гости в своем дворце — во всяком случае, я именно так понял его не совсем связную речь. Однако с первого раза его попытка не удалась в силу дефицита чувства равновесия, так что мне пришлось звать на помощь отдыхающую смену ближнего периметра охраны, которая и оттранспортировала дону на его посудину. Посудина отплыла, а я еще некоторое время паялся на усыпанное яркими двоящимися звездами небо, пытаясь найти Южный Крест. Но потом вспомнил, что вроде пока нахожусь в северном полушарии, залез в палатку и с мыслью «с чего, спрашивается, было так нажираться?» заснул.

Проснувшись, я в очередной раз помянул добрым словом друга Борю за практически полное отсутствие похмельных явлений от его продукта, и пошел купаться. Минут через пять из воды пришлось вылезти, так как она была довольно теплая, но только для конца января. Когда я пару лет назад купался в проруби на Крещение, было явно холоднее. Но с летним Крымом не сравнить, однако...

Место отдыха представляло собой небольшую бухточку в месте впадения океан маленького ручья, единственного, который удалось найти в этом районе. Вообще с водой на Канарах не очень, надо будет подумать насчет опреснительных установок.

С одной стороны бухта упиралась в отвесную каменную стену, на вершине которой имелось плато, где сейчас находился один из постов охраны. По словам солдат, залезть туда можно было только в одном месте и с немалым трудом.

С другой стороны бухточка ограничивалась просто каменной осыпью, там тоже, понятное дело, имелся пост. В общем, попасть сюда можно было либо с моря, либо по руслу ручья, представляющее собой гибрид ущелья и оврага. Ну и по воздуху, ясное дело, подумал я и велел будить механика автожира.

Через полчаса я уже был на плато. Оно имело километра полтора в длину и метров пятьсот в самом широком месте, при высоте около двухсот метров над уровнем моря. А неплохое место для резиденции, подумалось мне. Ручей, что течет вниз, надо перенаправить сюда, нефиг ему океан пресной водой разбавлять. И где-то вот тут выдолбить озеро, пусть подсчитают, сколько китайцев для этого потребуется и на какое время. Особняк — у самого края, тут замечательный вид. Потом выдолбить еще одну яму, навезти туда земли... Нет, не одну, а две. В одной будет пальмовая роща с беседкой для возвышенных размышлений, в другой — огород с морковкой, картошкой и редиской. Да, тут же можно будет помидоры без всяких теплиц разводить! Значит, огород планируем чуть покрупнее, в расчете и на помидоры тоже. Опа, чуть не забыл — нужно еще небольшое пшеничное поле, а то чем мыши питаться будут? Без мышей же кошки могут от безделья впасть в депрессию или разврат. Так, смотрим дальше... Аэродром для «Тузиков» — вот он, почти готов, только срубить пару каменных плит и отшлифовать получившуюся ВПП. Место на юге, где на плато можно взобраться с земли, сделать непроходимым, пусть саперы оценят потребность во взрывчатке. То есть попасть сюда можно будет только по воздуху или на лифте из бухты. Ну, а пока здесь ничего нет, кроме поста охраны среди камней, пора, пожалуй, на автожир — и вниз.

До обеда я еще успел сходить вверх по ручью до самого того места, где он низвергался с пятиметровой высоты таким мини-водопадом. После чего вернулся к берегу океана, нашел примотанную к камню веревку и вытащил из бухты заброшенную прошлым вечером корзину с недоеденной колбасой. Как и ожидалось, теперь там имелось четыре краба, причем очень даже ничего себе по размерам. Не как дальневосточные, конечно, там они были с автомобильное колесо размахом ног и с тарелку в диаметре туловища, но для обеда одному человеку — в самый раз. Так что крабы были сварены и съедены под пиво, после чего я взял

удочку и пошел ловить себе ужин — клевало тут всегда, а не только утром и вечером.

Вот таким макаром я и проотдыхал еще три дня. Только тут я понял — насколько, оказывается, хорошо ничего не читать, не писать и ни с кем не разговаривать! Потому что уже десять лет подряд я только этим с утра до вечера и занимался — читал документы, писал их сам, отдавал свои распоряжения, слушал чужие... Однако на четвертый день, поймав себя на попытке побеседовать о международном положении с только что пойманной рыбой неизвестной породы, я понял, что отдых пора закруглять. Разговоры с рыбами — это еще ладно, но в результате сенсорного голода меня потянуло и что-нибудь написать, а при отсутствии бумаги недолго дойти и до наскальной живописи, благо зубило у меня имелось. Так что, подавив желание вырубить на здоровенном валуне краткую, но выразительную надпись, означающую, что здесь побывал русский человек, я достал ракетницу и запустил в голубое канарское небо две красных ракеты. Что было сигналом — отдых окончен, пора и честь знать, сматываемся.

Катер, стоящий у входа в бухту, зачихал прогреваемым двигателем, а я начал собирать палатку.

Как и обещал, перед отъездом я зашел в гости к губернатору. Жил он в полуторазэтажном домике, чуть поменьше и попроще Орловского, что был у меня в Нескучном саду, пока его там не взорвали. То есть именно это сооружение испанец и обозвал «дворцом» при первой встрече. А это говорило о невысокой зажиточности губернатора — раз, и его недовольстве таким положением дел — два. Кроме того, по дороге я обратил внимание на местную церковь — надо будет, кстати, потом не забыть уточнить, кирхой она тут называется, костелом или еще как. Так вот, при взгляде на этот храм господень ничего, кроме «бедность — не порок», в голову не приходило. Типа апостолы еще и не в таких условиях проповедовали... Да и вообще весь город совершенно не наводил на мысли о зажиточности.

В Европе же о происходящем на Канарах узнали только сегодня — ни радио, ни телеграфа тут отродясь не было, но два дня назад из Лас-Пальмаса вышел небольшой испанский пароходик, который, понятно, никто и не думал задерживать. И вот теперь, значит, он добрался до Кадиса и оттуда телеграфировал сногсшибательную новость.

Кстати, это вопиющее безобразие со связью доживало свои последние дни, ибо группа Таниных сотрудников и сотрудниц оставались тут, организовывать первую ласточку будущего мирового курорта, развлекательный комплекс «Русский». У них имелись рации, официально — устаревшие с модернизируемых черноморских броненосцев, ну, а неофициально — и более современные, а также все остальное, необходимое для длительной и плодотворной работы на чужбине. И первое, что я предложил губернатору в качестве благодарности за теплый прием и аванса за такие же отношения в будущем — это пять часов связи в сутки. А уж как он ими распорядится — это его дело. Этот подарок дон оценил сразу. После чего я попросил его проследить, чтобы моих оставляемых тут девочек никто не обижал, а для подкрепления этой просьбы тут же инвестировал в канарскую экономику пятнадцать тысяч рублей, передав их местной власти в лице губернатора. После этого переговоры о создании Русско-Канарского банка прошли на ура, и дон Мигель заверил меня, что приезжающих в ближайшее время сотрудников Машиного департамента ждет самый теплый прием. Потом разговор свернул на не самый лучший вид местного храма, и я пожертвовал еще пять тысяч, сказав, что это просто совсем небольшой аванс, а потом пойдут радикально другие суммы. Правда, хотелось бы, чтобы местное духовенство с пониманием относилось к моим инициативам. Так как суммы на церковь тоже должны были пойти через дона Мигеля, то он заверил меня, что понимание будет полнейшим. После чего достал один из Машиных рисунков на тему купальника и перешел к вопросу, видимо, давно уже его мучавшему:

— Видите ли, такой костюм имеет смысл только в том случае, если носящая его дама... э-э-э... обладает выдающимися внешними данными.

— Совершенно верно, — кивнул я, — у нас в России они почти все такие.

— А у нас, — горестно заметил мне собеседник, — картина, увы, несколько иная... Вы, наверное, уже обратили внимание.

Да уж, не обратить его было трудно. Встреченные мной в городе дамы более всего напоминали сушеных ведьм, плоских и морщинистых. Если такую обрядить в бикини, получится кошмар, от которого, пожалуй, сбежит и закаленный калединский ветеран. Но ничего, Испания большая, вербовка сотрудниц в Танечкиной службе давно отработана до блеска, так что проблема с дамами вполне решаема, успокоил я губернатора. И вообще, ему пора готовиться к резкому увеличению численности населения на подмандатной территории. Прикинуть, например, как это отразится на ценах недвижимости, и заранее предпринять соответствующие действия... Если уважаемый дон Мигель не против, мне хотелось бы принять участие в этом процессе — потому как чем больше средств будет вложено на начальном этапе, тем эффективней потом будет отдача. А положение губернатора — оно очень способствует именно правильному вложению средств.

После чего для закрепления хороших отношений я подарил губернатору мотоцикл, ибо он не стоил того, чтобы тащить его еще и обратно в Россию.

Вообще-то дон Мигель, увидев пять дней назад русско-германскую эскадру, решил, что нам зачем-то понадобились Канары и сейчас они будут просто и незатейливо захвачены, каковая перспектива повергла его в меланхолию. Когда он понял, что Канары-то действительно нужны, но я их собираюсь не захватывать, а покупать, меланхолия сменилась облегчением и надеждой. А теперь я по сути объяснил ему, что собираюсь покупать вовсе не все Канары целиком, а в основном только его, дона Мигеля! И при этом совершенно не собираюсь скупиться. Такой поворот событий был встречен покупаемым с энтузиазмом, к концу встречи перешедшим в неприкрытый восторг.

Правда, имелась вероятность, что в Эскуриале, обнаружив резкое возрастание прибыльности должности гран-канарского губернатора, пошлют туда кого-нибудь из близких к кормушке царедворцев. Типа, навести порядок и доложить... Надо будет заранее намекнуть, что в этом случае тут произойдет нечто вроде Бостонского чаепития — то есть народ не станет смотреть, как его деньги уплывают в чужой карман, а восстанет против гнета метрополии. Ну, а что отдыхающие его от души поддержат, это и так ясно... В общем, надо будет предложить испанцам какую-нибудь компенсацию за невмешательство в мои дела — например, пообещать им вернуть Гибралтар, а если будут хорошо себя вести — то и принять кандидатом в Большую Четверку. Потом намекнуть, что с не внявшими голосу рассудка могут произойти неизбежные на море случайности — океан-то он вон какой глубокий! И напомнить, чем обычно заканчивались попытки залезть в мой карман без согласия его владельца.

А после обеда я отправился на «Коршун», который тут же снялся с якоря и, быстро набрав скорость, помчался домой. Основной же состав АУГ остался отрабатывать взаимодействие с немецким флотом, что и было задумано еще до экспромта с моим отпуском.

Могут, конечно, спросить — а на кой хрен мне вообще сдались эти Канары, которые сейчас просто дыра на краю света и ничего больше? Ну, не так оно все и пессимистично. Дыра-то она, конечно, дырой, зато в ней просто замечательный климат — вечная весна, так что вложенные средства вполне могут и дать неплохую отдачу. Это, так сказать, первый слой операции. Естественно, имелся и второй — ибо без него ситуация была бы просто неприличной. Найденов — и делает что-то без тайного смысла, так не бывает... Так вот, Танечкиной службе пора было резко увеличивать вербовку заграничного контингента, и развитие туристического бизнеса на Канарах являлось очень неплохим прикрытием этого процесса. Ну, а на самом дне притаился и третий слой, самый важный, на фоне которого все

расходы, даже если они не дадут вообще ни копейки отдачи, все равно будут оправданы.

Дело было в том, что мы собирались приступить к созданию базы океанских подводных лодок в Исландии. И поэтому лично мне очень хотелось, чтобы противник, когда-нибудь прознав про существование такой базы, начал искать ее на Канарах.

Глава 26

Еще по дороге домой я посмотрел, много ли образовалась новостей за время моего отпуска. Оказалось — всего одна, да и то про мою высадку на Канарах, так что никакого аврала по приезду не случилось, и я спокойно занялся текущими делами. Одно из них было связано с атлантами, которые должны были держать трубу ТЭЦ во дворе адмиралтейства. Выделенный Машей для решения этой задачи скульптор Изенберг, ранее снискавший себе известность памятником погибшим над Артуром летчикам и тогда же малость поцапавшийся со мной по поводу нахождения там меня (я таки добился, чтобы меня оттуда убрали), слепил явное не то. Его атланты были какими-то худосочными, длинноволосыми и стояли в позах стесняющихся купальщиков. Так что я обратился за помощью к Алафузову, среди сотрудников которого было немало увлекающихся на досуге высоким искусством, и попросил изваять модели как надо. В качестве примера, что я подразумеваю под атлантами, соискателям были представлены распечатки со Шварцем из второго «Терминатора», и вот теперь я смотрел на результат. Да, тут уже почти не к чему было придраться — атланты мощные, стоят, расставив и чуть согнув в коленях ноги, мышцы напряжены — чувствуется, что люди заняты тяжелым делом — держат трубу. Не то что паршивые интеллигенты, предложенные мне поначалу! И теперь шла инженерная проработка этой скульптурной группы.

Но Маша все никак не могла успокоиться и предложила украсить стены котельной, над которой собственно и стояла труба, барельефами на античные темы.

— Греки-то тут при чем? — удивился я и сам сел рисовать эскизы барельефов. Стен, подлежащих художественному оформлению, было три, четвертая упиралась в машинный зал. Так что я быстро набросал три листа эскизов. На одной стене будут изложены основные постулаты физики, на другой — электротехники, на третьей — термодинамики. Пусть адмиралы, выходя в свой дворик, постоянно имеют это перед глазами, глядишь, и запомнят хоть что-нибудь.

Кроме этого, имелся и еще один в какой-то мере связанный с архитектурой вопрос. Если кто помнит, известная своими постельными похождениями балерина Кшесинская уже давно работала на Татьяну, чем и заслужила право достроить-таки свой особняк, несмотря на прекращение финансовой подпитки от безвременно почившего галанта — а тот, который остался, был в состоянии проспонсировать разве что собачью будку. Но Малечка оказалась способной ученицей и сейчас, разумеется под нашим контролем, получала деньги и задания непосредственно от французского Второго бюро, прекрасно обходясь и без великокняжеской помощи. Более того, последнее время в особняке стало даже несколько тесновато, и директриса ДОМа обратила свое внимание на хозяина только что построенного рядом еще одного особняка, так что мне была представлена бумага о его прегрешениях. Внимательно изучив документ, я с некоторым сожалением вынужден был согласиться с Танечкой — на конфискацию грехи этого Бранта никак не тянут. Так что я наложил на документ резолюцию — «вызвать, показать материал, предложить продать особняк недорого и без волокиты» — и пошел к Татьяне, отнести документ, побеседовать и заодно попить кофе. А поговорить мне с ней хотелось о будущем.

В нашем мире как раз в этих двух особняках располагался музей революции. Здесь революционерам в ближайшее время точно будет не до музеев, но мы-то чем хуже? Пусть когда-нибудь в далеком светлом завтра тут будет музей ДОМа, и я собирался предложить Татьяне в свободные минуты начинать подумывать об экспозиции.

В процессе беседы я решил прояснить и еще одно обстоятельство, на которое обратил

внимание. Танечка вообще-то иногда баловалась сигаретами. Но при этом дома и вообще при своем муже она не курила никогда, а последние два года перестала дымить и в своем кабинете, даже пепельницу убрала. Может, это связано с тем, что часто заходящий сюда я бросил курить и она таким образом печется о моем душевном равновесии? Я так и спросил.

— Нет, шеф, — рассмеялась она, — так далеко моя забота о вас не заходит, я вам все-таки не мать, не жена и даже, увы, не любовница. Просто нашим научным отделом было проведено исследование о влиянии некоторых вещей, в том числе и сигарет, на привлекательность женщины. И выяснилось, что мужчины четко делятся на две группы. Для первой привлекательность в этом случае повышается. В качестве объяснения есть теория о том, что тут имеет место быть аллюзия определенного плана — мол, с огоньком сосет! Это я немножко утрирую, там целая страница текста. Но есть и другие, для которых дело обстоит строго наоборот, и вы относитесь как раз к ним. Есть тесты, они позволяют как достаточно быстро определить принадлежность объекта.

— Очень интересно, — хмыкнул я, — дайте-ка мне почитать на досуге эту теорию. Она, кстати, с каким грифом секретности?

— ДСП, так что вы ее можете и не только в кабинете читать.

Татьяна достала из сейфа тонкую папку, сделала пометку в журнале и вручила мне документ.

— Кстати, — сообщила она, — обе их величества читали данный труд сразу по его появлении, то есть полтора года назад.

Через несколько дней в Питер по приглашению Гоши прибыл спецпредставитель испанского короля Альфонса Тринадцатого, для уточнения, так сказать, текущей ситуации с Канарами. А то мало ли, чего могут подумать в Эскуриале после моего отпуска на природе... С одной стороны, не сказать, чтобы мнение испанцев так уж волновало его величество, но зря обижать молодого короля, который к тому же не сделал нам ничего плохого, ни императору, ни мне не хотелось. Кстати, это был своеобразный король. Обычно они рождаются какими-нибудь принцами, и только потом садятся на трон, где и помирают через некоторое время. Альфонс же был королем с рождения, но отнюдь не до самой смерти! За десять лет до нее его просто выгнали из королей и заодно из страны — в нашем мире, понятно. Ну, а что будет в этом — еще посмотрим.

Одновременно с появлением испанского посланника в Питере возбудился португальский консул — до этого я даже и не подозревал о наличии в столице такой фигуры. Оказалось, что его почему-то взволновала судьба острова Мадейра. Я велел передать, что данный клочок земли мне и нафиг не нужен, чтобы португалец успокоился и не лез куда не надо без серьезной необходимости. Вот уж соблюдать особый пиетет по отношению к этой стране мне было как-то в лом, потому что портвейн я не любил никогда, даже «три семерки». Ну, а уж про «Агдам» и вовсе лучше не вспоминать, во избежание... Потом я посмотрел, что у меня в компе было на эту Португалию — оказывается, у них вообще через полгода случится революция! В общем, идите-ка вы лесом, а с Мадейрой, если понадобится, мы и без вас разберемся, подумал я и выкинул из головы эту историю. А ближе к вечеру отправился в Зимний, где на наш с величествами текущий ужин сегодня был приглашен испанец.

Прежде чем заходить в малую гостиную, где обычно происходили такого рода мероприятия, я достал из кармана бумажку и еще раз освежил в памяти имя нашего гостя — дон Фернандо Гонсалес Молина-Торрес, однако. Последнюю-то фамилию я помнил, потому как еще в детстве читал «Сердца трех», но первые две как-то не удержались в памяти. Впрочем, оказалось, что у испанца были аналогичные проблемы, но он обошелся без шпаргалки и, почти не запинаясь, поименовал меня «ваше высочество светлейший князь-кесарь Георгий Андреевич Найденов Порт-Артурский». Правда, испанец оказался человеком не спесивым, да к тому же знающим русский язык, так что к середине ужина и спустя всего треть бутылки фишмановки мы уже были на «ты» и называли друг друга «Федя» и «Жора».

Молодой король, судя по всему, решил воспользоваться ситуацией как поводом к

зондажу обстановки в смысле развития отношений с Россией. И теперь Гоша, произнеся тост за дружбу и что-то еще, начал потихоньку живоописывать перспективы.

— Да, — говорил император, — царствование нынешнего короля ознаменовалось заметным улучшением отношений с Англией, что дало некоторые благотворные результаты. Однако уже сейчас вы потихоньку столкнулись с тем, что Россия на своей шкуре поняла уже довольно давно — бескорыстной дружбы между странами не бывает. И прочные партнерские отношения возникают лишь тогда, когда у стран имеются взаимные интересы. И сейчас Испания имеет возможность воочию убедиться, в чем видит свой интерес Великобритания... Да в том, чтобы вы воевали на континенте за ее интересы! Марокко — это только первый звонок.

Три месяца назад там было нечто вроде кризиса — в городе Фес местными было убито два немецких миссионера и трое попытавшихся защитить их солдат. Естественно, кайзер немедленно ввел туда войска и повелел как можно быстрее навести конституционный порядок. Какое-то местное племя попыталось было возмутиться, но им при помощи пулеметов, минометов и авиации быстро объяснили всю пагубность таких заблуждений. И теперь англы недвусмысленно намекали испанцам, что происходящее в Фесе напрямую угрожает испанской Мелилье и надо, значит, выразить протест. И оказать помощь освободительной борьбе какого-то там еще одного племени...

— Федь, ну ты сам глянь, — перехватил дипломатическую эстафету я, — где этот Фес и где ваша Мелилья! И каким дикарям вы будете оказывать поддержку — уж не тем ли, что в прошлом году чуть не вышибли вас оттуда? Причем у них, ладно, не получилось. Но вот кайзера злить — это, знаешь ли... Я бы не рискнул, больно уж он человек горячий.

— Увы, — вздохнул испанец, — мы связаны определенными обязательствами...

— Вот и я про что — вас хотят заставить воевать за английские интересы! А Россия всегда стремилась только к миру. И на такое благое дело, как поддержание мира и стабильности, пусть и даже в очень далеком от нас регионе, мы не пожалеем ни сил, ни де После пельменей слово снова взяло величество:

— А теперь давайте, пока чисто умозрительно, представим себе, каковы могут быть взаимные интересы Испании и России. Про вашу страну вы знаете лучше меня, так что я скажу про свою. Нам совсем не надо, чтобы за нас кто-то воевал! С агрессором мы можем справиться и сами. Но вот гарантированный нейтралитет мы всячески приветствуем, в том числе и материально. А если он будет еще и сопровождаться дипломатической поддержкой наших начинаний, то тем более. Разумеется, и ответная поддержка не заставит себя ждать — более того, первый ход мы можем сделать и авансом. Ведь в английских планах наверняка учитывается вариант, при котором вы не будете делать в Марокко ничего. Однако сам факт раздумий на тему вмешательства в тамошние германские дела может сподвигнуть действительно довольно горячего кайзера к неким превентивным шагам... Так вот, в ближайшее же время я лично побеседую с ним на эту тему.

После ужина мы с Федей поехали ко мне в Гатчину. Про политику в тот день разговоров больше не было, эту тему решили продолжить утром, а пока мы до часа ночи беседовали на темы приближающихся гонок «Большой Георгиевский Приз», первый этап которых должен был состояться в Берлине через три месяца, а второй — у нас в Стрельне, в сентябре. Дело в том, что Альфонс вдруг почувствовал сильный интерес к мотоспорту, купил наш «Арн-Чемпион» и сейчас усиленно тренировался с целью, если получится, принять участие в берлинском этапе.

— Ничего у него за такой короткий срок самоучкой не выйдет, — пояснил я Феде, — да и негде у вас там особо гонять-то. Вот я и предлагаю нам с Альфонсом взаимно помочь друг другу в организации своего отдыха. Он издает какой-нибудь эдикт, что Найденов имеет полное право в любой удобный ему момент наслаждаться прекрасной погодой на Канарах, а я берусь лично поднатаскать его на стрельнинской трассе так, что насчет первого места не

знаю, но уж третье-то он точно возьмет. Да и мотоцикл малость модернизируем и подрегулируем, на зависть конкурентам.

Судя по довольному виду Феди Торреса, король явно давал ему какие-то инструкции и на эту тему, а тут вон как оно удачно получилось — я сам взял да и все предложил.

А за завтраком мы продолжили обсуждение текущей дипломатии. Испанец пожаловался на трудное положение своего короля — мало того, что в обществе неспокойно, так еще и армия имеет такую силу, что попробуй король скажи что-нибудь поперек.

— У вас не так, — с видимой завистью признал он.

— Конечно. Но ведь оно же вовсе не само все образовалось! При Николае у нас бардак был почище вашего, на императорское слово не клал болт только ленивый. Пришлось, понятное дело, поработать, в том числе и лично мне... Очень хорошо, что ты затронул эту тему. Вот как испанский дворянин скажи мне — ты хочешь, чтобы к слову вашего короля со временем образовалось такое же отношение, как к слову нашего императора? Ну, так работу на эту тему можно начинать и с малого. То есть получить принципиальное согласие его величества Альфонса, а дальше уж потихоньку, рабочим порядком... Я помогу.

— Принципиальное согласие есть, — внимательно посмотрел на меня дон Федя, — вот только... Обязательно ли загружать его величество участием в деталях этого процесса?

— Во все нет. Наш император тоже не вникает в частности — есть конечный результат, и ладно. А эти самые частности, значит, должны потихоньку готовить компетентные люди... Может, прямо сейчас и начнем? Замечательно, я рад, что не ошибся в своих предположениях. Единственно что — как-то лично мне уже малость поднадоело сидеть в чисто мужской компании. Ты не против, если в нашей беседе примет участие и одна прекрасная дама?

К вечеру нам удалось достигнуть соглашения по основным пунктам. Дон Федя взялся лично помочь Таниным эмиссарам начать вербовку испанских юношей и девушек для работы на Канарах, в ответ на что Татьяна пообещала, что после обучения часть из них вернется в Испанию. И поможет там разобраться с несколькими особо одиозными военными, по которым уже давно заливаются горячими слезами инфаркт, кондрашка и тропическая лихорадка одновременно. А к его величеству Альфонсу XIII мы временно прикомандируем пару отделений мотомехаников, которые обеспечат не только нормальное функционирование королевского мотоцикла, но и повысят личную безопасность его величества, а то мало ли что. Сам же Альфонс пусть во всем соглашается с англичанами, истово кивает на все их предложения, говорит всякие слова — и не делает ничего. А мы в ответ беремся обеспечить, чтобы Вилли не обращал на эти слова никакого внимания.

К апрелю я взял на себя подготовить спецмотоцикл для участия в гонках — тот, который уже есть у короля, пусть будет запасным. И выбрать время для тренировок с Альфонсом — он приедет к нам на три недели. В ответ на что, как неофициально сообщил мне Федя, уже принято решение пожаловать мне титул графа Канарского.

— Э-э-э... — задумался я. — Как бы всякие остряки не заменили это на «канальского графа» — а то разбирайся потом с ними. Может, добавьте к названию еще пару букв? Пусть будет граф Арканарский.

Потом мы договорились, в какой мере финансирование моих островных проектов будет сочетаться с улучшением финансового положения короля и лично дона Феди. А если кто-то из особо жадных и неуправляемых царедворцев захочет снять свои сливки с финансовых потоков, направляемых нами на Канары, то пусть об этом болит голова не у короля, а у нас. Единственное, что потребуется от его величества — это не ждать их возвращения с далеких островов, во избежание глубокого разочарования.

Глава 27

В конце марта отправилась в отпуск моя благоверная — правда, в отличие от моего, этот вояж не был импровизацией, он готовился давно и по плану. Потому как имеет же право

датская принцесса Дагмара навестить свою родину! Сколько можно, она там с четвертого года не появлялась. Ну, а попутно не помешает произвести там некие действия по линии охраны материнства... И по неофициальной тоже, кстати.

В настоящее время Департамент охраны материнства и детства находился под официальным патронажем Ее Императорского Величества императрицы-матери Марии Федоровны, а штаб-квартира его была в Аничковом дворце. То есть там сидели сотрудницы, действительно занимающиеся детскими домами, женскими гимназиями и прочим, а от настоящей Танечкиной службы там имелся только филиал. Кстати, дочь Мари и сестра императора Ольга наконец-то вышла замуж за Тринклера, выждав положенный траур по своему безвременно скончавшемуся первому супругу. Впрочем, последние четыре года он вообще никому и никак не напоминал о своем существовании, так что Ольга про изменение своего семейного положения и узнала-то не сразу. И теперь она жила в Георгиевске, где руководила тамошним отделением ДОМа, опять же официальным. Но, в отличие от матери, ее к настоящим делам никто и близко не собирался подпускать — не тот типаж. А вот Мари давно принимала посильное участие в наших с Танечкой делах, одним из которых и был ее вояж на родину.

В преддверии большой войны нам позарез нужна была база для подводных лодок неподалеку от главных океанских путей вероятного противника. С первого взгляда могло показаться, что это морской путь в Индию вокруг Африки — потому как Суэц-то мы быстро закроем. Но это только казалось, ведь основную поддержку Англия будет получать из Штатов. А значит, подводные лодки должны базироваться не на Канарах, а в Исландии, которая подмандатна (блин, ну и слово!) датской короне.

Там давно занимались китобойством, и вот теперь, в связи с общим развитием химической и фармацевтической промышленности в мире, спрос на китовый жир, печень и прочее начал расти. А значит, не будет ничего удивительного, если наиболее дальновидные датчане вложатся в это дело, организуют еще одну флотилию, построят несколько баз для нее и пару заводиков по первичной переработке сырья... Упаси господь, никаких русских или даже немцев!

Вот Мари и собиралась в Данию, причем без особой помпы, на своей «Полярной звезде» в сопровождении всего одного легкого крейсера — совсем без эскорта было бы неприлично. Она привезет немножко денег на подачки своим хронически нищим родственникам и чеки на существенно большие суммы — для негласной поддержки определенных стремлений в датских деловых кругах.

На пирсе, при прощании, я вел себя как Мари перед моим отплытием на Канары — то есть громко шмыгал носом, утирал слезы платочком, потом сморкался в него и в перерывах уговаривал супругу отвечать взаимностью домогательствам не каждого тамошнего принца, а хотя бы через одного. Мари рассмеялась, поцеловала меня и отправилась отдыхать.

А в начале апреля в Питер приплыл испанский король. Первый день он посвятил встрече с Гошей и прочим протокольным мероприятиям, но потом прочно обосновался в Стрельне, где начал обкатывать подаренный ему мной «Арн-Мастер». От «Чемпиона» эта модель отличалась только тем, что имела движок о трех цилиндрах и соответственно возросшей мощности. Естественно, что освоение новой машины шло под моим непосредственным руководством.

Вообще говоря, король мне понравился. Правда, поначалу он показался излишне чопорным, но спустя несколько тренировок это прошло без следа.

Перед приездом испанского величества я навел о нем справки — как в своем ноутбуке, где нашелся реферат про Испанию начала века, так и от наших дипломатов, видевших его лично. Картина оказалась стандартной — то есть написанное в реферате очень слабо соотносилось с мнением очевидцев, а все это вместе противоречило тому, что увидел я. Правда, реферат писался на основе беллетристических поползновений некоего Бласко Ибаньеса, в которых тот лил грязь на своего монарха, а заодно и на Вилли. Так что я

озадачил Танечку поискать компромат на этого типа с матерной фамилией, а если найдется мало — то и создать, чтобы в нужный момент можно было капитально смешать с дерьмом уже его.

Альфонс оказался вполне вменяемым молодым человеком, вовсе не склонным к экзальтации, как про него писал будущий Танечкин клиент, и не сноб, как про него говорил один наш сотрудник МИДа. А кроме этого, у него обнаружился несомненный талант гонщика. Начни он тренировки пораньше, с детства — и вполне мог бы получиться уникум типа Шумахера или, если брать мотоциклистов, то Росси, но и сейчас он после недельных тренировок под моим руководством представлял из себя очень серьезного пилота. А первое, что он спросил при встрече со мной — это умею ли я лечить гемофилию. Дело было в том, что его старший сын страдал именно ей.

— Не знаю, — ответил я, — потому что ни разу не пробовал. Думаю, что не получится — это все-таки генетическое заболевание.

Альфонс запросил подробностей, и я рассказал ему об этой болезни королей, а также о главных разносчиках — ныне покойной английской королеве Виктории и ее внучках, одна из которых, тоже Виктория, и была его женой.

— Так, значит, нормальных детей мужского пола у меня не будет? — помрачнел Альфонс.

— А вы-то тут при чем? Их, скорее всего, не будет у вашей нынешней супруги Виктории. Да и то, если долго стараться, в конце концов может родиться и здоровый мальчик... Но не обязательно.

— Мне никто не говорил ничего подобного, — заметил король.

— Интересно, кто же должен был вам что-то сказать? Англичане, сама Виктория или еще кто-нибудь?

— Но ведь вы же только что заявили, что про генетические болезни знаете только вы!

— Правильно. Но про то, что дочери и внуки Виктории очень часто рожают гемофиликов, знают все, интересовавшиеся этой проблемой. Просто при дворах, куда англичане сбавривают своих принцесс, очень следят, чтобы такие сведения не дошли до монархов. И я не верю, что следят бесплатно. Ну, и возвращаясь к вопросу о лечении вашего сына... Я обдумываю возможность этого. Ничего не обещаю, но обдумываю.

И теперь оставалось ждать реакции короля на мой, так сказать, посыл. Если ему пофигу судьба династии, все останется как есть. Если не пофигу, но он дурак, то Виктория вскоре будет отравлена, не помню, что у них там в Испании принято употреблять вместо грибочков. Если он не совсем дурак, то он поручит это дело дону Феде. Если умный, то он поручит тому же дону разобраться с данной проблемой, но так, чтобы Виктория пала жертвой врагов. А если он умный, но гуманист и готов рискнуть, то сначала он сделает так, чтобы его слово было действительно словом короля, и не только в Испании. А потом просто разведется со своей женой, не выдумывая никаких причин, а обнародовав действительную. Все же несогласные будут посланы сексуально-пешеходным маршрутом.

Кроме дрессировки короля, у меня имелась еще одна недавно возникшая проблема. Маша уже чуть не месяц держала на стреме бригаду своих сотрудников, ожидая паники на биржах из-за массового сброса золота. Зря, что ли, я по дороге на Канары продемонстрировал гиперболоид? Но никакой паники не наблюдалось, и сброса тоже. Более того, один из двух пилотов, видевших луч, уже погиб в авиакатастрофе. Ай да великобританцы, ай да сукины дети! Надо же, как блюдут секретность. Правда, то, что пилот погиб и был нормально похоронен, открывало кое-какие перспективы, в отличие от ситуации, если бы он просто исчез. Уже было написано интервью с ним, якобы взятое накануне его гибели, где он расписывал ужасный луч и, кроме того, опасался за вою жизнь, ибо определенные круги готовы на все, лишь бы не допустить обнародования этой информации. Однако опубликовать это творение мы не успели, первый шаг сделал Уинстон Рэндольфович. Этот шаг имел вид доклада на закрытом заседании кабинета министров.

В нем Черчилль заявил, что у него есть материалы, доказывающие, что гибель летчика, видевшего луч гиперболоида, была подстроена, и обвинил в этом недавно севшего в премьерское кресло Асквита. В ответ на возмущенное требование доказательств сэр Уинстон сказал, что они у него есть. И продемонстрировал бумаги, показывающие, что Асквит втихую начал избавляться от акций золотодобывающих компаний. Если бы пилот проболтался, эта операция так просто не прошла бы...

А дальше первый лорд адмиралтейства сказал вполне разумную вещь. Мол, в переломный момент, когда империя начинает сдавать веками завоеванные позиции, нахождение у кормила власти людей, для которых интересы собственного кармана выше интересов Великобритании, ни к чему, кроме поражения в борьбе, привести не может. Дальше начался скандал, и единственным внятным документом с этого заседания было решение о его полной секретности. Если бы не оно, то что-то еще и могло бы остаться в тени, а так мы узнали подробности на следующий день, а широкая публика — спустя трое суток. И грянула давно и с нетерпением ожидаемая Машинным департаментом золотая паника.

Еще неделю назад я в результате получасового торга с племянницей добился решения, что восемьдесят процентов прибыли от золотой аферы будет потрачено на программу поддержки сельхозреформы, ибо она, после довольно бодрого старта, сейчас начала ощутимо буксовать. Проблема, как и ожидалось, была в общине.

Мало-мальски активный, рискованный и другой полюс — совсем уж никчемный народ — покинул ее сразу. Но те, что остались, ушли в глухую оборону. И дело было вовсе не в какой-то изначальной приверженности крестьянства вековым устоям — община выполняла две крайне необходимые среднему крестьянину — у кого не было врожденной деловой жилки — функции. Первая — это социальные гарантии. Худо-бедно, но община стариков содержала... А вторая, к моему немалому изумлению, оказалась социальным лифтом! Правда, на редкость убогим, из подвала в полуподвал, да к тому же с ручным приводом, но этот лифт таки работал. Суть была в регулярном перераспределении наделов. Теоретически оно происходило по количеству едоков, но на самом деле немалую роль играли и всякие интриги местного пошиба. Так что у малоземельного, но желающего увеличить свой надел крестьянина было три пути. Первый, самый простой — не отвлекаться на посторонние развлечения, а всякую свободную минуту использовать для исполнения супружеского долга, в результате чего количество едоков обязательно возрастет. Но ведь их же придется кормить, а потом еще и хоть как-то одевать! Так что некоторые использовали эти самые свободные минуты для тренировок в кулачных забавах, и, сбившись в небольшие кучки, начинали представлять собой реальную силу в масштабе деревни — попробуй скажи такому что поперек, мигом последние зубы выплюнешь. Ну, а самые проходимистые тренировались в лизании задниц всем, от кого могло зависеть распределение земли, и стравливании их между собой в качестве побочного результата. Эти, как правило, в конце концов и начинали задавать тон в общине, хоть и неявно.

Так вот, деньги как раз и нужны были на собес — раз, и на создание более приличных перспектив роста для первых двух групп — два. Ну, а если их будет совсем много, то в список можно будет включить и создание инфраструктуры для первых шагов по освоению казахской целины.

Это был наш совместный со Столыпиным проект, и начинаться он должен был с пенсионного обеспечения крестьян. Кстати, в первоначальном варианте было такое, что я даже собирался приказать начать расследование, но потом, прикинув текущий объем работ своих служб, плюнул — на все рук не хватит. Суть же была в том, что пенсия предполагалась не такой уж и маленькой, но ее получение задумывалось непростым делом. Мне сразу вспомнилась ситуация с этим в покинутом мной мире...

До пенсии я там не дожил, но мне уже приходили бумаги, что надо куда-то явиться за какой-то собесовской карточкой. Первую я проигнорировал, но когда в почтовом ящике образовалась вторая, не поленился написать ответ. Мол, с меня всю жизнь удерживали

деньги на ваше безбедное существование! И я еще должен куда-то идти, потом несколько дней маяться в очередях, и все для того, чтобы написать какому-то чиновному рылу бумагу, начинающуюся словами: я, такой-то, прошу... Облезете, просить еще у вас. Если принесете эту карточку на дом — приму, а так идите нафиг.

Вообще-то я не разделяю почти всеобщего мнения, что большую часть всяких вредных для народа нововведений власть делает из-за некомпетентности, по ошибке. Ошибка — это действие, в результате которого в кармане его совершившего прибавилось пустоты! А если наоборот, то это так и было задумано, без всяких ошибок. И власть в том мире наверняка вполне сознательно устроила волокиту с пенсиями, несмотря на уже имеющееся решение — я помню, как это же самое выглядело в Кесовой Горе в начале шестидесятых, когда на эту пенсию выходил мой дед. Все ему принесли, поздравили, и потом он еще ругался с собесом — мол, не такой уж я старый, могу и сам зайти, чего же это от вас мне девочки-почтальонши деньги-то носят...

Так что ситуация, когда за пенсией еще надо побегать, говорит о том, что власти это зачем-то нужно. Ну, типа, шибко гордый вроде меня и вовсе не пойдет. Потом, глядишь, в духоте очередей и помрет от инфаркта старичок-другой, тоже экономия. А из оставшихся вовремя ее получают далеко не все... Мелочь, конечно, но копейка — она рубль бережет, так что вполне может и получиться пересесть с «Мерса» на «Майбах» на недельку раньше.

Поэтому я сразу предложил свой проект, где получение пенсии, хоть и несколько меньшей по размеру, должно было происходить полностью по инициативе государства и его усилиями.

А с первым проектом... Правильно, что я не начал копать, кто это там у Столыпина такой умный — проблему пора решать в целом. Точнее, юридически закрепить уже более или менее сложившуюся в подконтрольных мне областях практику. Суть ее была в том, что рассмотрение любой ошибки любого чиновника всегда начиналось с внимательнейшего изучения динамики благосостояния его и его родственников. Если после ошибки роста благосостояния не было — работает презумпция невиновности. То есть хочешь посадить — изволь сначала доказать преднамеренность данного действия. Но если после — не вследствие, а всего лишь ПОСЛЕ — «ошибки» благосостояние изучаемых лиц росло, то презумпция выворачивалась наизнанку. Теперь чиновник по умолчанию считался виновным в корыстном злоупотреблении властью, и, если он не хотел садиться глубоко и надолго, должен был как-то доказывать свою невиновность. Кстати, в мире не без чудес, и к настоящему моменту было зафиксировано целых два таких случая.

Глава 28

Военные действия в Манчжурии, кроме всего прочего, позволяли в реальных условиях испытывать новую технику — правда, только ту, которую не жалко показать противнику или которая в силу своей специфики может работать, не будучи показанной. К последней разновидности относились и автоматы — то есть настоящие автоматы, а не именуемые так пистолеты-пулеметы, давно стоящие у нас на вооружение. Так что опытные партии мосинского и федоровского изделий поступили на вооружение двух взводов Особой стрелковой роты. Кроме автоматчиков, она имела еще два взвода снайперов, а командовал ей попаданец из того мира Василий Волков. За два года работы в Вольфшанце он доказал свою лояльность, а когда в прошлом году сюда была перемещена и его мать, беспокоиться стало не о чем, и я, своей властью присвоив ему чин штабс-капитана и снабдив грозной бумагой о том, что выполняет мое особое поручение и поэтому ему лучше не мешать, отправил в Манчжурию. И теперь, провоевав там почти год и лишившись приставки «штабс», он вернулся в Гатчину и сейчас пил грузинский чай в моем кабинете.

— Ладно, — сказал я собеседнику, — может, вы как-то и не обращали на то специального внимания, но читать я умею. Так что не надо мне тут, пожалуйста,

пересказывать протокол комиссии. Кроме текстов, я умею читать и чертежи, то есть и про конструктивные особенности этих изделий я тоже в курсе. Более того, сейчас уже можно наполовину раскрыть секрет — в разработке одного из этих автоматов я принимал непосредственное участие! А вот которого именно — не скажу, пока не услышу ваше личное мнение.

— Тоже мне, секрет, — хмыкнул Василий Волков, — когда федоровский автомат — это «калаш» практически один в один! И сам Владимир Григорьевич говорил мне, что разработка началась с того, что вы показали ему своей рукой нарисованные эскизы. Но вот не думайте, что буду подстраиваться под ваше мнение. Хотите знать мое? Получите — мосинский автомат лучше. И дело даже не в том, что он на триста грамм легче и вроде бы чуть дешевле. Во-первых, у него бой более кучный, особенно при стрельбе очередями более чем по три патрона. А во вторых, у него отказоустойчивость выше.

— Что? — не понял я. — Да ведь главный аргумент противников этого изделия в том, что если абсолютно несмазанный автомат извлекать в песке, а потом стрелять, то федоровский в среднем производил на тридцать процентов больше выстрелов до отказа!

— Разные у них отказы. Федоровский просто клинит, а из мосинского можно продолжать огонь — только в режиме магазинной винтовки, передергивая затвор после каждого выстрела. Усилие, правда, получается приличное, но стрелять можно. В общем, по результатам манчжурской кампании мое мнение однозначно в пользу мосинского автомата.

— Ну, — усмехнулся я, — тогда, значит, и я могу переставать таиться. Какое же, по вашему, участие я мог принимать в разработке федоровского изделия? Моя фамилия Найденов, а не Калашников! Но вот эксцентрик к мосинской игрушке придумал я.

Вспомнилось, как полтора года назад Мосин показал мне первый опытный образец. Конструктивно он был очень похож на наш автомат под маузеровский пистолетный патрон, но стрелял все-таки с переднего шептала, а между стволом и затвором у него был качающийся рычаг. Ведь почему нельзя было применить ту же самую схему под более мощный патрон? Да просто свободный затвор в этом случае получался весом чуть за три килограмма. Вот Мосин и разделил этот самый затвор на две части — легкая передняя воспринимала импульс отдачи от донца гильзы и передавала его через рычаг на более массивную заднюю, причем так, что та двигалась втрое быстрее. А это означало, что потребная масса свободного затвора снижалась в квадрат трех, то есть в девять раз. Схема понравилась мне своей простотой и тем, что все движущиеся детали находились по оси ствола, но вот сам этот передающий рычаг... Где-то я уже видел такую конструкцию. Ё мое, да в первых двигателях же! Только не в наших, а в даймлеровских. Вместо кулачкового распредвала там как раз торчали какие-то шатуны с коромыслами, вроде вот этого. А если сюда вместо рычага сунуть эксцентрик наподобие кулачка распредвала, который, двигаясь назад, начнет поворачиваться? Сразу исчезает ось, на которую насажена мосинская железка, да и передаточное число можно сделать переменным, за счет простого изменения формы кривой толкающей части эксцентрика.

В общем, я предложил Мосину эту идею. И, так как любая инициатива по определению наказуема, вынужден был раз пять пересчитывать ему форму кривой, пока наконец не была найдена оптимальная... А теперь, значит, независимый и весьма квалифицированный эксперт оценил мои труды.

— Правда, тут есть одна маленькая тонкость, — продолжил Василий, — огрызок наподобие «Аксушки» из мосинского автомата получился безобразный. Так что или пусть что-то придумывает, или компактную модель оставить федоровской.

— Пока оставим, — кивнул я, — их, укороченных, не больно-то и много надо. Ладно, значит, учитывая ваше мнение, я составлю свое... В общем, запускаем мосинский. Ну, а вам завтра в Зимний, на церемонию награждения — «Георгиев» будет вручать лично император. Как там здоровье вашей уважаемой матушки? И можете подумать, где и как будете проводить отпуск — все ограничения на ваши перемещения сняты. Болтать, конечно, про тот мир не следует, это вы, я думаю, и сами понимаете.

— Да уж не совсем дурной, — кивнул Василий, — тогда вопрос можно? Как тут у вас права получают, а то ведь я здесь, можно сказать, новенький — в Вольфшанце вообще ничего не нужно было, а в Манчжурии все мои права и так при мне имелись. Я тут «Чайку» решил купить и в отпуск проехать по России, посмотреть... Не возражаете? А мать уже ходить начала, спасибо. Говорит, что теперь столько прислуги ей не нужно, мол, неудобно.

— Неудобно будет, когда только начавший ходить человек вынужден будет следить за всем домом, — отмахнулся я, — прислуги там сколько нужно, передайте, чтобы не смущалась. А насчет путешествия — езжайте, может, и мне чего интересного по приезду расскажете. Права у нас пока не строго обязательны, их ввели только с этого года, но лучше получайте сразу. Зайдите в сто двенадцатый кабинет, вам их там быстро нарисуют на все категории сразу.

На следующий день меня навестил Фишман — он приехал сдавать флоту первые радары, два комплекта — мы собирались ставить их на легкие крейсера под видом новых радиостанций в целях возможно более долгого сохранения секретности. Официально их разработчиком считался Хуельсмайер, и он действительно тянул на себе почти всю рутинную работу. Потому что у Бори было не сто рук, и он просто озадачивал немца идеями. Так что теперь монтажники ставили на суда антенны и аппаратуру, а Боря, побыв денек в Петергофе со своей Алечкой, которая теперь была уже целым министром двора, завернул ко мне.

Когда мы кончили беседовать про радары, я спросил Боря:

— Вроде, насколько я в курсе, ты одно время англоязычной литературой увлекался? Помню, Байрона в подлиннике читал и Киплинга тоже, а потом меня шпынял за малокультурность. Было? Ну, а теперь настала тебе пора применить свой глубокий художественный вкус на практике. Опять же, учитывая твою, мягко говоря, любвеобильность... В общем, надо нам как-то поспособствовать прогрессу англо-американской словесности. А то сам прикинь, какая тут сейчас картина — Уэллс с Конан-Дойлем в Англии, Драйзер и Лондон в Америке... Чему они могут научить народ? То есть чему могут, нам такого не надо. Так что Чейза в подлиннике я им сам предоставляю, а потом и погнуснее детективы пойдут, но вот с любовными романами, а также с прочей порнухой, в смысле, эротикой, я могу и напортачить. Дамские романы нужны, сначала просто про возвышенные чувства, потом как он целовал ее затрепетавшую грудь, ну, а под самый конец можно и один с финалом, то есть в котором он в нее нежно вошел. А все остальное они сами прекрасно допишут, думаю, через год-другой там уже станут обычными подробные описания впендюривания во все дыры. Да, в последний заход в тот мир я там краем глаза про какой-то новый стиль слышал, вот только название забыл, что-то вроде «ой, бя!»... или нет, скорее «бля, ой!». В общем, про пидоров — их тоже забывать нельзя, нехай активнее за свои права борются...

— Яой? — усмехнулся Боря, — действительно, есть такое, хотя это и не совсем то, что ты имел в виду. Ладно, мысль я твою глубокую понял, попробую помочь. В будущее когда собираетесь?

— На днях, так что и ты сходи, как раз на предмет скачать репертуар. И ты вроде тоже после окончания всей этой возни с радарам в отпуск намылился?

— Да, только не на Канары, как некоторые тут олигархи, а в Сочи. Заодно и твое упущение поправлю — а то название-то у тебя есть, а самих Сочей еще нету! Вот и съезжу, прикину, где земли прикупить и что на ней потом строить. Ты не против?

— На здоровье, ты же ей спекулировать потом не будешь.

После ухода Бори я засобирался в Стрельну, потому как тренировки испанского короля заканчивались, и вскоре он отбывал на родину, а потом, почти без перерыва — на гонку в Берлин. Но перед выходом я вспомнил, что забыл спросить про результаты президентских выборов в Израиле.

Что меня удивило, так это наличие там большого количества серьезно относящихся к ним людей. Там всерьез обсуждали, какие преимущества даст избрание Гоши, а какие — Маши, даже ругались по этому поводу в обеих газетах, а один раз и на предвыборном митинге. Впрочем, до мордобоя дело не дошло.

Так что я позвонил в секретариат и услышал — да, только что получены сведения — голоса подсчитаны, с отрывом в два процента победила Маша. Явка — восемьдесят семь процентов.

Интересно, — подумалось мне, — она тут первая женщина-президент в мире или как? Наверное, все-таки первая. Значит, не забыть поздравить и даже, пожалуй, подарить что-нибудь в память об этом историческом событии.

По окончании тренировки я поздравил короля, сообщив ему, что ездит он очень неплохо и сможет взять даже второе место, если не будет хлопать ушами в левых поворотах, и добавил, что, обдумав ситуацию, готов взяться за лечение его старшего сына. Полного исцеления точно не будет, но существенно облегчить пациенту жизнь мы сможем, сообщил я Альфонсу. Для этого летом надо привезти сына в Питер, а потом с ним в Испанию поедет небольшая группа медиков, для продолжения курса.

Про переливание крови я озадачил медиков этого мира еще за год до войны, сообщив им про четыре группы, два резуса и методики их определения. А потом, имея в виду, что у Николая может родиться наследник с гемофилией, подкинул сведения и про облегчение ее протекания. Так что какие-то наработки у нас были, и теперь настала пора использовать их на практике.

Ну, а через две недели в Питер планировалось прибытие очередного высокого гостя — хотя, с моей точки зрения, президент САСШ Тафт был не столько высок, сколько толст. Я вообще-то давно заметил, что, если война между какими-то государствами носит вынужденный характер или провоцируется извне, то задолго до начала отношения между будущими противниками ухудшаются. А вот если она готовится одним из них, то, когда события выходят на финишную прямую, его обуревают просто-таки непреодолимое миролюбие! В связи с этим вопрос, например, кто задумал Вторую Мировую войну в нашем мире, для меня был ясен — именно тот, кто первым и начал увиваться вокруг Гитлера, чуть ли не целоваться с ним взад-вперед. И вот сейчас высший представитель той самой державы собирался посетить нас с официальным визитом, в связи с чем у меня, понятно, появилось немало работы.

Несмотря на подготовку, церемония представления высоких сторон друг другу не обошлась без небольшой накладки, которую и заметили-то не все, зато которые заметили — запомнили надолго. Сначала озвучили титулы Тафта, их хватило всего на два предложения. Потом разряженный попугай от нас зычным голосом проорал полное Гошино наименование. Перевел дух и завопил почти то же самое, но теперь уже про Машу... Правда, ее титул был чуть длиннее.

— Государыня Туркестанская! — приближался к концу оратор. — Герцогиня Шлезвиг-Голштинская, Сторманская, Дитмарсенская и Ольденбургская! Королева Курильская! Президент, сри!!!

Тут орущий заглох, видимо, соображая, что же такое он сказал. Переводчик Тафта вылупил глаза — надо ли переводить, и если надо, то что?

Я подошел к конференсье и шепнул ему пару слов.

— Президент Социалистической Республики Израиль! — с облегчением завопил тот. На этом церемония представления завершилась, и высокие договаривающиеся стороны отбыли на завтрак. И пожрать, и поговорить после этого с американским президентом меня специально не приглашали — типа, беседуют первые лица, при чем тут какой-то Найденов? Но на второй день Тафт вспомнил про меня сам. Мол, он очень много слышал про этого

знаменитого врача, и хотелось бы лично выразить ему восхищение и еще что-то...

— Вот ведь боров мнительный, — возмутился я, — ему еще двадцать лет жить, а он уже сейчас к Найденову подкатывается, медиком обзывает! Диету, что ли, какую-нибудь прописать вроде сыроедения? И клизмы почаще, это святое.

— Ну, ты с ним поласковой, — покачал головой Гоша, — он же не знает, что помрет аж в тридцатом году. Может, у него сейчас как раз что-нибудь кольнуло, вот он и впал в беспокойство. Добрее надо быть к людям! И даже к президентам — среди них тоже иногда попадают вполне приличные, вроде моей жены. Это я так, не подумай, что намекаю на какие-то выдающиеся качества нашего гостя. Но подлечить его все равно надо, следующий срок ему не потянуть, так что в качестве оппозиционера он нам тогда точно пригодится.

— Да я не против, вот только от чего лечить-то будем?

— Ты у нас целитель, ты и думай. Не хватит фантазии — О.Генри почитай, что ли — про Джеффа Питерса.

— Ладно, хрен с ним, полечу его от гусиной... э-э-э... в смысле, от свиного гриппа, — сдался я, — только не за один прием, понятное дело. И никаких дипломатических уступок не потребую, потому что они нам по его пунктам и нафиг не нужны.

Официальным поводом для визита американского президента были переговоры о новой морской конвенции. В частности, он заявил, что Штаты наконец-то готовы подписать соглашение о каперстве, и выразил свою поддержку озвученному три года назад Гошиному предложению об ограничении морских вооружений. Более того, сказал этот индеец, я надеюсь дожить до того момента, когда войны уйдут в прошлое, а армия на планете останется только одна, и она будет подчинена какому-то международному органу, следящему за поддержанием мира и порядка на всей планете. Тафт даже название предложил — Лига Наций.

Ну-ну, надеется он... Я, честно говоря, тоже на что-то такое надеюсь, и даже не против предложенного им названия, но вот все остальное мне всегда представлялось с несколько иных позиций. Так что это мы еще посмотрим, кто до чего доживет.

Глава 29

Следующим утром президент нанес визит уже мне. Первые полчаса шел дежурный обмен комплиментами, в процессе которого я ждал, когда же наконец Тафт дойдет и до моей работоспособности. И вот он добрался:

— Меня всегда удивлял огромный диапазон вашей деятельности, — при этом гость развел руки, но не очень широко, — тут и государственные преобразования, и практически все направления техники, и медицина, и даже литература....

— Да это нетрудно, если здоров как бык, — скромно пояснил я, — главное, чтобы силы были, а их у меня вполне достаточно.

Гость тут же кинулся и начал плакаться, что у него с этим делом все обстоит несколько хуже — и печень побаливает, и сердце пошаливает, и даже еще что-то, название которого он произнес в виде неизвестного мне латинского термина.

«Жрать надо меньше», — подумал я, а вслух сказал:

— Так в чем же дело? Я ведь тоже не от природы такое здоровье имею, а просто научился его улучшать и поддерживать на высоком уровне. И, как наверняка можно было заметить, не только себе...

— Да, до встречи с ее величеством вашей женой я думал, что рассказы о вернувшейся к ней молодости преувеличены, но теперь склонен считать, что на самом деле они даже чуть скромнее действительного положения дел.

— Это вы подметили совершенно правильно, а сейчас я вам объясню, что именно. Да, помолодеть так, как моя супруга, хотели бы многие, но вы, наверное, в курсе, что я всем отказываю, несмотря на предложение совершенно фантастических сумм...

На такой трактовке настояла племянница. С моей точки зрения, суммы были так себе, и

я точно знал, что по Машиным меркам это вообще копейки, но она хотела, чтобы я выразился именно так.

— Но дело тут не в деньгах, — продолжил я, — ведь мое лечение — это, строго говоря, экстрасенсорно-нанотехнологическое воздействие на высокочастотную составляющую ауры человека, а если по простому — то это сплав техники с магией. И если технике все равно, кого лечить, то мой мысленно-магнетический посыл прямо зависит от отношения к человеку. Если он мне приятен, воздействие будет положительным. Если нет — то вместо лечения получится наоборот, поэтому эффект воздействия на мою жену и оказался столь разительным. Так что вопрос состоит не в том, сколько мне предложат за возможность помолодеть и избавиться от болячек, а в том, насколько желающий этого мне симпатичен.

На лице собеседника отразилось некоторое беспокойство.

— Исключительно в духовном плане, — уточнил я. Не столько ради его душевного спокойствия, сколько ради своего — а то хрен его знает, вдруг еще приставать начнет.

В общем, при внимательном рассмотрении поведение моего сегодняшнего гостя было прямо противоположно тому, что тут изображал король Эдик при своем первом визите. Он был действительно болен и понимал, что на халяву я его лечить не буду, так что все его душевные метания были связаны с желанием рассказать мне как можно меньше действительно важных вещей в обмен на поправку здоровья. Ну, в какой-то мере это у него получилось — тогда. А этот играл озабоченного своим самочувствием страдальца исключительно из соображений что-то мне втюхать — потому что если он начнет разливаться соловьем просто так, то понятно, что я ему не поверю. Даже как-то жаба маленько душила такого тащить через портал, хотя мы все равно туда собирались. Однако, пожалуй, захватим — а вдруг ему настолько похорошеет, что он задумается? Ну, а пока ладно, пусть продолжает прикидываться страдающей целкой. Интересно, в его спектакле антракт предусмотрен или можно приступать к пиву прямо в процессе представления?

Но тут Тафт наконец-то добрался до сути. Что меня развеселило — он рассказал про действительно пока неизвестную мне вещь! А именно — что уже ошивающаяся в Англии французская делегация ждет только австрийскую, чтобы подписать договор о создании Антанты. Нам казалось, что англичане не станут так спешить с официальным закреплением уже давно сложившегося расклада, а тут, значит, вот оно как...

— Моя позиция однозначна, — заявил Тафт, — подобные военные блоки не носят оборонительного характера и могут серьезно дестабилизировать обстановку в мире. Соединенные Штаты никоим образом не одобряют подобного образа действий, и я могу даже выступить с официальным заявлением.

— Да уж, будьте так добры, — кивнул я.

Итак, все окончательно прояснилось. В нашем мире перед Первой Мировой англичане из всех сил где только можно заявляли, что войну они очень не одобряют и что в грядущей сваре будут нейтральны, чем и сподвигли наивного кайзера на объявление мобилизации и отмашку для Австрии. Когда же он понял, как примитивно его кинули, было уже поздно. Ну, а здесь роль «миротворца» взяла на себя Америка, потому как у Англии уже не выходит. Еще бы узнать, как скоро они ввяжутся в заварушку, но это явно не к Тафту, найдем источники и понадежнее.

— Ну, и как ты думаешь, когда они собираются начать? — поинтересовался Гоша на нашей вечерней встрече.

— Года через два. У англов недавно заложено три суперкорабля — два «Ямато», которые они называют «Нельсонами», е еще один такой же в виде авианосца. А у американцев первый этап их большой программы заканчивается в начале тринадцатого года, предполагается вступление в строй четырех «Нью-Йорков» и двух ударных авианосцев. Что интересно — небольшие корабли они практически не строят.

— Так может, пока у противника не все готово, ударить по Австрии с Францией и

обеспечить себе господство на континенте?

— Нам бы Вилли от этого удержать, а тут еще ты туда же хочешь сунуться. Кайзер — это да, у него есть, чем ударить. А у нас? Четырьмя пехотными дивизиями войну не выиграешь, а про остальную армию пока ничего особенно хорошего сказать нельзя, не с китайцами нам же в Европе воевать. И потом — я категорически против того, чтобы начинать войну с броска на чужую территорию. Такой бардак будет... А вот когда на нас нападут и оттяпают кусок, можно будет спокойно учинять тотальную мобилизацию. Опять же среди пленных китайцев уже начата вербовочная работа, но именно что только начата, а их ведь еще надо свести в нормальные части и обучить. В общем, раньше начала тринадцатого года нам лучше не рыпаться, а вот если к тому времени противник все еще будет телиться, то подумаем, как его поторопить. Но это вряд ли, больно уж резко Черчилль за дело взялся.

— Здравая, конечно, мысль, но откуда ты взял цифру в четыре дивизии? По докладу ГКО их у нас сейчас двадцать одна.

— Тебе, что ли, этот доклад писан? Он для внешнего употребления, и цифра там такая, потому что больше будет перебор. Это не то чтобы совсем вранье, а просто методика подсчета. В боеготовые записаны дивизии, вооруженные по штату, имеющие штатную численность и не менее шестидесяти процентов офицерского состава, прошедшего переаттестацию. В принципе, конечно, как-то воевать они смогут...

— А те четыре?

— Тоже с вооружением согласно штатному расписанию, но — от тысяча девятьсот восьмого года. Естественно, тоже полностью укомплектованные. И переаттестованы там все офицеры. Вот таких у нас пока всего четыре, но процесс пошел, дальше они начнут появляться быстрее. Так что не надо нам сейчас в Европу соваться обеспечивать порядок. Потому что ликвидируем этот плацдарм — так на нас с Азии полезут. Причем это будет уже именно на нас, а не на нас с Вилли. В общем, имей терпение.

— Кстати, — заметил Гоша, — меня что-то последнее время Турция беспокоит. Может, зря мы так с Джевдетом?

— Подумаешь, Турция. Вот когда Гондурас начнет беспокоить, это будет уже серьезно. И почему это с Джевдетом — зря? Ты посмотри, как его популярность выросла — не сравнить с тем, что было при жизни. Его книжки так просто расхватывают! Это же мечта любого поэта, так что все тут в порядке.

Суть Гошиного вопроса была в том, что не так давно мной был отдан приказ о выделении средств тамошним доброжелателям, очень хотевшим организовать досрочную встречу с аллахом духовного лидера младотурок, врача и поэта Абдуллы Джевдета — ибо то, что никакому нашему влиянию он не поддавался совершенно, я в принципе как-то мог бы и стерпеть, но вот то, что он был среди идейных вдохновителей геноцида армян — уже нет.

— Прямо «Белое солнце пустыни» какое-то, — хмыкнул император, узнав об этом. А вот теперь беспокоился, что среди младотурков все-таки началось шевеление, хоть и с опозданием почти в два года.

— Меня, честно говоря, тоже в Турции не все нравится, да и вообще на Ближнем Востоке творятся какие-то не совсем понятные дела. Вот я и попросил Энвер-Пашу, чисто по дружески, ускорить ихнюю заварушку, а то они бы еще год колупались в нерешительности, если не два. Потому как обстановка требует усиления власти султана вплоть до диктаторской, а, значит, нужна конституция. Революция младотурков в нашем мире только и привела к ее восстановлению, и в этом тоже пора.

Кажется, Гоша не очень уловил связь между наличием конституции и диктатурой, поэтому я развил свою мысль:

— Всякий порядочный диктаторский режим обязан иметь конституцию, причем чем режим жестче, тем конституция должна быть демократичнее. Вот при Ники ничего такого в России не было, зато был бардак и полный паралич власти. А при тебе сразу Конституционная Комиссия появилась и ударными темпами накакала документ. Правда, с

демократией там умеренно, поэтому и диктатура в России пока не очень впечатляет. Зато ты вспомни, какую конституцию приняли в Союзе в тридцать шестом году! Самую, по-моему, демократичную в мире. Ну, и власть у Иосифа Виссарионовича потом была, ты уж извини, малость поабсолютней твоей... Гитлер, кстати, поначалу тоже этот документ имел, и почти такой же красивый, как у нас. Но потом отменил, недоумок, и плохо кончил.

Ситуация на Ближнем востоке действительно внушала мне некоторые опасения — своей благостностью. В общем она была более благоприятной для России, чем в том мире, причем без особых наших на то специальных усилий. Например, тут в Иране, как и у нас, в шестом году произошла конституционная революция, но ее результаты получились несколько иными. Вместо разделения на английскую и российскую зоны влияния весь Иран был признан российской, а англичане удовлетворились небольшими торговыми и гуманитарными преференциями в южной части страны, потребовав лишь признания английской зоной влияния Кувейта. Ладно, это было сразу после черногорской войны, и тогда у британцев могли быть определенные опасения, но ведь с тех пор ничего не изменилось! У Вилли аналогично — его железка Берлин-Багдад строилась с меньшими трудностями, чем мне были известны из истории. И это при том, что здесь весь мир уже куда глубже понял значение нефти! Объяснение такой осторожности наших оппонентов у меня было только одно — нас боялся спугнуть.

Тафт все-таки был стаскан через портал. В этот раз получился какой-то исход с элементами бардака, потому что на ту сторону шел я, Фишман и четверо охранников на всякий случай. Я тащил папку пожеланиями агрономов насчет сортов всяческих семян и двух котят, подросших первенцев Рекса, и перед переходом сунул их Тафту, сказав, что они есть необходимая часть процесса омоложения. В общем, всей толпой мы вломились в коттедж, и первым делом я, усадив президента с завязанными глазами в кресло, попищал рядом с ним компьютером, а один из котят обоссал ему брюки. После чего американец с кошками детьми был вытолкнут обратно в свой мир с напутствием менять штаны не раньше вечера, а мы занялись своими делами — охрана изучением дома и участка, Боря полез в интернет на предмет англоязычной худлитературы, а я зарылся в сельскохозяйственные сайты. Ох, надуют, думал я, продираясь сквозь абсолютно незнакомую мне терминологию. Любой продавец ведь с первых же моих слов поймет, что я по семенам не смогу не то что там отличить один сорт от другого, но и рожь от овса тоже! Хорошо бы какой-нибудь пырей не подсунули. Одно радует — про картошку малость понимаю, на уровне детских деревенских воспоминаний.

Кстати, насчет всяких элитных зерновых идея была Гошина, я хотел ограничиться именно картошкой. Дело в том, что задача увеличения производства зерна перед нашим сельским хозяйством, в общем, не стояла. Более того, допускалось даже некоторое его уменьшение, а нужно было усилить отток крестьян из деревни. Уже третий год главной статьей нашего экспорта были нефтепродукты, поставляемые в основном Германии и Японии — ну, и всему остальному миру помаленьку. Рабочих нам не хватало, а вовсе не хлеба! Но Гоше мало показалось создания сельхозцентра под руководством Мичурина, он хотел учинить еще и пару образцово-показательных хозяйств на основе вытасненных из нашего времени семян и прочей рассады. Ладно, пусть дитя потешится... Кроме выполнения его пожеланий, я почитал еще про структуру МТС — основную идею я и так знал, потому как мой дед был именно главным инженером данной конторы, пока лысый придурок [Никита Сергеевич Хрущев] их не ликвидировал.

Поход обошелся без происшествий, случившееся день назад по времени этого мира исчезновение директора детективного агентства с машиной, водителем и его матерью пока масштабного интереса не вызвало — во всяком случае, в интернете это не обсуждалось. Но на всякий случай ездил я не в Москву, а в Сергиев Посад и в Ярославль, где, кроме

картошки, купил и билеты на поезд «Россия» — пора было организовывать еще одну точку перехода между мирами, на сей раз на Дальнем Востоке.

По возвращении в коттедж я увидел интересную картину. В летней веранде был накрыт неплохой стол, за которым восседал Фишман и вовсю обаял какую-то довольно миловидную даму, единственным недостатком которой являлся возраст — на глаз ей было примерно семьдесят.

— Увы, — развел он руками при моем появлении, — вот и мой начальник приехал, а это значит, что наша незабываемая встреча подходит к концу. Но позвольте мне надеяться, что она не последняя? И давайте еще по рюмочке, для должного завершения нашей чрезвычайно интересной беседы.

Где-то минут через сорок Боря проводил гостью до ворот участка и включился в процесс сборов.

— Тебе твоей Алечки мало? — поинтересовался я, укрепляя последний мешок на тележке.

— Пошляк ты, ваше высочество, — объяснил Боря, — твоя соседка оказалась довольно известной писательницей. И талантливой, между прочим — ее домик построен на доходы от творчества, а он, если присмотреться, побогаче твоего будет. И пишет она, чтоб ты знал, в основном дамские романы. Правда, последнее время в связи с кризисом и детективами не брезгует, но уже под другим псевдонимом. Должен же я у кого-то брать уроки мастерства! Не у тебя же, и уж тем более не у Льва Николаевича, который сейчас в Штатах лекции про нашу культуру читает.

Глава 30

В свое время, когда писался наш УК, я настоял, чтобы фальшивомонетчество шло как государственное преступление, то есть входило в пятьдесят восьмую статью. Готовившие кодекс юристы несколько удивились, почему это вдруг оно должно квалифицироваться именно так, но я объяснил, что этот вопрос к дискуссионным совершенно не относится. А нужно это мне было по очень простой причине — для того, чтобы у попавшего к нам специалиста соответствующего профиля — разумеется, если он действительно специалист — выбор был всего между двумя вариантами его судьбы. Или он отправляется в лагерь, и шансов дожить до конца как минимум десятилетнего срока у него не будет, потому как нормы составлены из расчета работоспособности молодого и здорового человека, а не выполняющий их лишает пайки не только себя, но и своих товарищей по бригаде. То есть остаток жизни будет проведен в условиях, на редкость далеких от комфорта, да и его продолжительность наверняка окажется весьма небольшой. Или он опять же весь остаток жизни работает по специальности, но в максимально комфортных условиях, отлично питается, его посещают девочки... В общем, все, кроме свободы — вот ее уже ни при каких условиях не будет.

Эта дилемма предлагалась всем подходящим пойманым. Поначалу двое выбрали лагерь, но мы были готовы к такому развитию событий, и там их ждала образцово-показательная судьба — один даже сошел с ума, прежде чем отдать концы. Новости в уголовном мире расходятся быстро, и в дальнейшем выбор клиентов разнообразием не отличался.

Так что в полукилометре от дворца у меня уже давно имелся спецобъект, где лучшие специалисты начала двадцатого века с применением полиграфической техники начала двадцать первого оттачивали свое мастерство в подделке любых документов, денег и прочего. И вот теперь я внимательно изучал результаты их последней работы.

Передо мной лежал паспорт на имя Бориса Иосифовича Фишмана. Он совпадал с оригиналом во всем, кроме фотографии и даты рождения, и я, как ни старался, не мог найти никаких отличий от настоящего. Разумеется, серьезной проверки этот документ не выдержит, но для проводника в поезде его более чем достаточно. Отложив паспорт, я взял

другой, на имя Марии Александровны Островской — аналогично, придаться не к чему. Третий имел номера и имя одной моей клиентки, которой я когда-то продал скутер и не потерял договор купли-продажи — тоже нормально.

Как я уже говорил, планировалось путешествие на Дальний Восток, а точнее — в Уссурийск. Ехать мы решили вместе с императором, чтобы не оставлять Россию на неделю без канцлера, да и хотелось Гоше посмотреть на Транссиб в другом мире — в своем он его уже видел. А две девочки с высшим допуском, то есть поставленные в известность о существовании другого мира и возможности перемещения туда, будут нашей охраной. Их задача — при возникновении внештатной ситуации любой ценой выиграть несколько секунд, необходимых нам для создания портала с последующей эвакуацией. Но путешествие должно было состояться не раньше чем через два месяца, так что я вздохнул и углубился в текущие бумаги. Первой я взял вчерашнюю, где Танечка просила санкцию на ликвидацию небольшой группы товарищей. Эти идиоты, промышлявшие сбором дани с низкопробных публичных домов, не нашли ничего лучше, как заявиться в только что открытый салон околומистической направленности, но с предоставлением соответствующих услуг. Думаю, не надо уточнять, кем был открыт этот салон. Ну не дебилы ли? Естественно, они были взяты, тщательно допрошены, то есть выжаты досуха, и теперь их дальнейшее существование представлялось Танечке бессмысленным.

Еще несколько лет назад, когда моя власть расширилась настолько, что я мог принимать не подлежащие обжалованию решения о чьей-либо жизни и смерти, я ввел для себя правило, которому с тех пор неуклонно следовал. Если обстановка позволяет, никогда не решать судьбу человека за один присест! Надо укоротить чью-то жизнь — сделать пометку и отложить как минимум на сутки. Потом вернуться к вопросу, еще раз все прикинуть... Вот я и читал бумагу про горемык-вымогателей по второму разу. И обратил внимание, что степень организованности данной преступной группы прописана там недостаточно глубоко. И теперь я задумался — как лучше поступить дальше? Можно — строго по, так сказать, букве инструкций, хотя письменном виде они и не существовали, документов про разделение полномочий моих спецслужб вообще не было. Тут я отошел от общепринятой практики, когда они делятся на внешние и внутренние — каждая занималась разведкой, контрразведкой и выполняла функции политической полиции. Различия же были связаны, во-первых, со степенью секретности их существования. Шестой отдел, официально именующийся Комитетом Охраны Короны, имел свое здание с вывеской, значился в перечне государственных образований Российской империи, его сотрудники имели соответствующие чины и получали вполне легальное жалованье. Танечкина же служба официально значилась именно как Департамент Охраны Материнства и детства, без каких-либо силовых функций, ДОМ-2 — это было уже народное творчество.

Методы работы обеих контор были схожими, но шестерка как-то более тяготела к силовым акциям, а ДОМ — к разного рода интригам. Внутренние же разработки ДОМом велись в основном по элите, а шестеркой — по простому народу, то есть до четвертого класса табели о рангах.

Так вот, исходя из сложившейся практики, это дело следовало передать Алафузову, и я размышлял, стоит ли небольшая недоработка Татьяны того, чтобы я ее так недвусмысленно обижал.

Нет, решил я чуть погодя, поступить лучше немножко не так. В санкции временно откажу, указав на недорасследованность некоторых моментов. А именно — насколько эти типы пригодны как объекты, например, акции устрашения всех прочих? И обязательно ли данная акция должна иметь вид ликвидации, ибо наверняка можно придумать и что-нибудь поэффективней. Вроде бы такое дело более подходит шестому отделу, но, раз уж ДОМ его начал... Одновременно запрошу у Алафузова доклад о состоянии организованной преступности в России. Татьяна, разумеется, все поймет правильно, а это значит, что в ближайшее время такой доклад будет и от нее. Вот тут я их и сравню, потому как проблема

довольно интересная и, возможно, потребует более пристального внимания ввиду приближающейся большой войны.

Действительно, скоро я получил две бумаги. Та, что от Алафузова, была объемистее, содержала описания большего числа преступных группировок, каждое из которых кончалось списком — кого надо убрать, а кому достаточно просто переломать кости, чтобы группировка прекратила функционировать. Танечкин же документ рассматривал всего две крупнейшие банды Питера, но там обращалось внимание, что среди их рядовых членов много молодежи, которая клюнула на блатную романтику. И, значит, можно попробовать переориентировать ее на несколько более конструктивные вещи. И списки были не только на репрессии. Татьяна попыталась в общем виде решить задачу — как незаметно для рядовых членов поставить эти группировки под наш контроль, дабы в дальнейшем они изображали из себя санитаров леса, не допуская появления новых игроков на нашем поле. Ну и кое-какие кадры там можно будет черпать — взять того же Котовского, который на момент вербовки был бандит бандитом, а сейчас окончил академию и является региональным координатором шестого отдела. Те же, кто по складу характера ни к какой конструктивной деятельности не пригодны в принципе, станут действующим резервом козлов отпущения. Ибо периодически возникает нужда в этих полезных животных, а тут они будут подготовлены заранее и не сказать чтобы совсем мирно, но все же ждать своего часа в заранее известном месте.

Далее Танечка писала, что в принципе можно свалить рассматриваемое дело и на шестой отдел, но с ее точки зрения это будет неоптимально. Потому как вербовка новых членов формирований идет с детского возраста, то есть ситуация прекрасно согласуется с обязанностями официального ДОМа, в котором нужно создать отдел профилактики подростковой преступности. А по сути он будет заниматься искоренением вообще любой организованной преступности в Империи, потому как такая преступность является прямым конкурентом власти, в силу чего терпима быть не может.

В конце доклада имелась вырезка из доклада станового пристава Петербургской стороны, где описывались художества так называемых «рощинцев», причем докладчик прямо писал, что эта банда терроризирует население, но тут же жаловался на недостаточно проработанную правовую базу для борьбы с ней! Блин, как будто за терроризм у нас мало дают — вплоть до вышки, если не найдется смягчающих обстоятельств.

Так, подумал я, пора обязать полицию в случае обнаружения любых признаков организованной преступности ставить в известность шестой отдел, с Танечкиной службой он разделит работу уже в рабочем порядке. Если же в эту деятельность вовлечены лица моложе восемнадцати лет — непосредственно ДОМ. Для судов придется написать разъяснение про применимость статей о терроризме, пусть этим займется министр юстиции. А Танечке надо будет распечатать избранные места из «Республики ШКИД», чтобы она почитала на досуге, книжка-то хорошая.

В середине июля в Стрельне прошел второй этап гонок «Большой Георгиевский приз», и я, естественно, выбрал время поболеть за испанского короля, занявшего в Берлине второе место. Здесь борьба тоже была напряженной, но Альфонс все-таки проигрывал Пуришкевичу на «Чайке», однако за два круга до финиша у того чуть забарахлил мотор, и испанское величество неожиданно для зрителей, да и для себя тоже, заняло первое место. Третье досталось японцу на мотоцикле «АРН-Чемпион».

Третий и последний этап «Большого приза» должен был состояться осенью в Токио.

После гонок Альфонс поехал к Гоше в Зимний, где в честь его приезда, а теперь и победы, должен был состояться праздничный обед, мы же с одним неприметным механиком из королевской свиты отправились в Гатчину. Механика звали дон Федя, и он испытывал вполне оправданный интерес к результатам недавно состоявшегося визита американского президента в Россию.

В самом конце девятнадцатого века Штаты спровоцировали конфликт с Испанией, потому как им очень хотелось Кубу, Филиппины и еще немножко по мелочи. Понятно, что раз захотелось, то они и взяли — ведь кто такие они и что такое какая-то там Испания? И теперь король Альфонс Тринадцатый поручил сообщить нам, что Испания может принять участие в грядущей войне на той стороне, против которой будут воевать Штаты. Но вообще-то донам хотелось бы обсудить некоторые предварительные условия...

— Дорогой дон Федя, — вздохнул я, — ведь ваша страна рассчитывает со временем стать полноправным членом Большой Четверки? Так давай я тебе малость приоткрою глаза на внутренние традиции этого межгосударственного союза. Понимаешь, тут совершенно не принято ставить какие-то условия. Если, например, Япония что-то хочет, то она просто сообщает остальным о своем интересе. А дальше мы все вместе обсуждаем, не обидит ли кого-то из членов выполнение этого пожелания, и если нет — опять же все вместе принимаем меры по реализации данного проекта. Так что, если вы хотите действительно добиться результата, то имейте, пожалуйста, в виду только что сказанное.

— Жора, я просто неудачно выразился! — всплеснул руками испанец. — И мне только хотелось узнать, как ты представляешь себе будущее Кубы — разумеется, при благоприятном развитии событий.

То есть собеседник все отлично понял — Филиппины уже обещаны Японии, и этот вопрос лучше даже не поднимать, во избежание ненужных сложностей.

— Возможно, нам придется организовать на Кубе несколько наших военных баз, и в этом случае мы совершенно не против любой власти, которая сможет обеспечить нормальный порядок на острове. То есть если Испания чувствует в себе силы на такое — тогда милости просим, мы будем только рады еще одному соратнику в борьбе, и со своей стороны постараемся стать ему добрыми соседями. Однако до такой благостной картины еще дожить надо... Все-таки, согласись, Куба вам нужна существенно больше, чем нам, так что и основные усилия для ее отвоевания у американцев должны приложить вы. Мы, конечно, поможем, это не вопрос, но именно что только поможем. Однако как-то мне сомнительно, что даже с нашей помощью у вас одних это получится. А вот если вы с самого начала вступите в войну на стороне «Четверки», не ожидая, пока Штаты тоже влезут в эту заварушку, то ведь и «Четверка» потом станет воевать за ваши интересы так же, как вы воевали за ее.

— Я могу только обещать, что приложу максимум усилий для реализации именно этого сценария, — кивнул дон Федя, — ты же понимаешь, что ответить согласием я не уполномочен. Да и у его величества будут определенные трудности...

— Вот это уже наша с тобой проблема, и никого еще в нее приплетать не надо. Я так понимаю, что основные проблемы у короля будут не с парламентом, а с армией? Больно уж сильно у вас генералы политикой увлеклись. А на примере России я тебе могу совершенно ответственно заявить, что это чрезвычайно вредно для здоровья — настолько, что далеко не всякий организм выдержит. То есть помрет, болезный, тем более что ваши стажеры уже достигли определенных успехов. Но тут дело настолько важное, что я готов командировать и наших специалистов, причем высшего класса, у которых получаются не просто несчастные случаи, а прямо произведения искусства. А от нас с тобой требуется список клиентов и порядок их обслуживания. Тут ведь надо не только никого не упустить, но и не напихать туда лишних, так что подготовь свой вариант, а потом мы вместе пройдемся по нему с карандашиком.

— С этим понятно, — кивнул испанец, — а что мне говорить его величеству по поводу нашего участия в будущей войне, как оно тебе представляется?

— Ну, в самом общем виде — вы объявляете войну Франции, сухопутная армия переходит в наступление, а флот не дает французам подвозить подкрепления из африканских колоний.

— Флот? — с некоторым сарказмом спросил дон Федя.

— Да, а чему ты удивляешься? Купить его, понятно, денег у вас не хватит, но это ведь

и не обязательно. Моряки-то найдутся? Вот и пусть едут служить в Россию и Черногорию, а с началом войны Испания просто возьмет эти корабли в аренду, например, или в лизинг, это мы потом с ее величеством Машей уточним. Потому что если у Испании заранее начнет появляться флот, так вам живо устроят веселую жизнь с целью показать, что тут вы не правы. А то, что мы у вас мореходов сманиваем — так оно дело житейское и большого интереса не вызовет.

Через три дня король и его свита двинулись в родные пенаты, а Гоша за ужином спросил меня:

— Слушай, ты правда уверен, что Испанию лучше иметь в союзниках, чем во врагах? Даже если они и полезут на Францию, то поверить, будто у них получится хоть что-то серьезное, мне почему-то трудно. Им ведь теперь еще помогать придется, и техникой, и финансами! А враг из них выйдет совсем никакой — по суше им до нас почти как до Пекина, флота нет...

— Недооцениваешь ты, величество, всей мощи стадного инстинкта у человечества. Вот скажи мне, зачем ты сразу по выходу из больницы в том мире, где тебя от туберкулеза лечили, поперся в «Макдональдс»? Ведь знал же, чем там кормят. Потому что туда все медсестрички бегали, правильно? Так и здесь. Вот лежала себе эта Испания, никому и даром не нужная, как вдруг всемирный злодей Найденов что-то в ней нашел и уже начал закатывать рукава на загребущих лапах. Значит, надо не пожалеть сил и средств, чтобы вырвать у него эту добычу! Нам же остается только проследить, чтобы сил истратилось побольше, а средства пошли куда надо, то есть к Маше.

Глава 31

А на следующий день в Гатчину прибыло три новых самолета. Один из них был двухмоторным бронированным штурмовиком «Похухоль» — название намекало, что огонь из винтовочных калибров ему нанести вреда не сможет — и два гражданских самолета на базе «Выхухоли». Такая модель называлась «Пчелка», потому как была весьма похожа на соответствующий антоновский самолет нашего мира, только чуть поменьше и с движками на четверть мощнее. Эти аппараты должны были стать моим личным транспортом для неофициальных перемещений взамен выработавшей ресурс, да и морально устаревшей еще пару лет назад «Кошки». Вторая «Пчелка» была нужна для охраны.

Гоша, осмотрев штурмовик, горестно вздохнул:

— Опять я не уследил, а ты снова нахулиганил.

— Вовсе нет, это просто рационализация. Пр — А как в твоей системе должен называться самолет для отпугивания противника — «Идинахухоль»? Вот ты и вспоминай это слово, прежде чем мне нотации читать. Ладно, что уж тут сделаешь — опоздал так опоздал, ты же наверняка эти названия успел внести в кучу документов. Но когда, наконец, мне «Кондор» на что-нибудь поприличнее заменят? Престиж ведь страдает, у англов уже появилось что-то похожее! Да знаю я, что летает оно так себе, но зато выглядит солидно.

— Весной будет. А пока — извини, новые моторы на штуки считаем, и все они идут на «Стрижи». Но Тринклер сейчас в Ярославле и обещает, что максимум к октябрю завод выйдет на проектную мощность.

Собственно, я только и ждал новых самолетов, чтобы слетать в Москву, а точнее — туда, где в нашем мире был город Железнодорожный, а в этом — усадьба Дмитрия Рябушинского Кучино и Электродинамический институт в ней.

Вообще-то я уже рассказывал, зачем он мне понадобился, но сейчас, пожалуй, можно это сделать и поподробней. Итак, представьте себе замкнутый сверхпроводник в форме тощей буквы «о», положенной набок — то есть два прямых участка и два закругления по бокам. Теперь поместим это проводник в магнитное поле так, чтобы его плоскость была

перпендикулярна силовым линиям. Запустим по нему ток, это уже частности, как именно, способы имеются. Что произойдет? На проводник начнет действовать выталкивающая сила, направленная по нормали наружу, результирующая которой будет равна нулю. То есть верхний прямой участок будет тянуть вверх, нижний — вниз, а закругления — в стороны, вся же система останется в равновесии. Теперь заэкранируем нижний прямой участок — пермалловым кожухом, например. Тогда та часть проводника, которая в экране, перестанет взаимодействовать с магнитным полем и тянуть систему вниз, а силы в стороны и вверх останутся. Значит, появится отличная от нуля результирующая, она же подъемная сила, причем привязанная к магнитному полю! А у Земли оно поднимается раз в двести выше верхней границы атмосферы. Все, эврика, летим в космос! Вот так примерно я и думал в восьмом классе, когда ко мне в голову стукнула эта идея. Но потом перешел в девятый, почитал соответствующую теорию и понял, что в космос лететь рановато, надо сначала подлечиться от неграмотности. Ибо такая хреновина действительно будет работать, но очень недолго — пока экран не насытится, а даже в самом лучшем случае ему на это потребуются сотые доли секунды. После чего экранирующее действие станет равно нулю, и система вернется в равновесие. Однако это сподвигло меня на более внимательное изучение законов переменного тока и резонансных явлений, после чего я понял, что при определенных условиях это таки может работать, но реализовывать свою задумку не стал, потому как потребные для этого средства порядков на пять превышали имеющиеся в моем наличии. И построил просто самолет, на котором потом летали мы с Борей... Но сейчас средства у меня имелись, и Рябушинский уже пятый год работал над этой проблемой. А неделю назад пришла шифрограмма, что он готов показать первые практические результаты.

В Кучино был небольшой аэродром, так как Дмитрий Павлович тоже имел личный авиапарк — «Кошку» и «Тузик», так что я полетел сразу туда. Рябушинский встретил меня на летном поле, и по тому, с каким хитрым видом он предложил мне сначала пообедать, потом сходить в баню, потом еще что-то, я понял, что показать очень даже есть чего. И предложил не издеваться над старшими по званию, возрасту и титулу, а не томить и вести показывать.

Да, думал я ближе к вечеру, работа выходит на финишную прямую, и тут, пожалуй, надо будет у племянницы попросить миллионов двадцать пять дополнительно. Потому как первое, что показал мне Рябушинский — это была сверхпроводящая катушка, работающая в жидком азоте, и через нее протекал ток плотностью в два с половиной килоампера на квадрат, тогда как для компенсации собственного веса было достаточно и четырехсот ампер. Второй экспонат представлял из себя сверхпроводящий аналог тиристора, правда, пока всего на триста ампер. И, наконец, мне был продемонстрирован параллельный резонансный контур, индуктивность которого состояла из двух обмоток, коммутируемых теми самыми квазитиристорами — так, что в каждой обмотке ток протекал только в одну сторону. На токе в двести ампер эта система имела затухание с постоянной времени в два с небольшим часа. Я начал прикидывать в уме, какая мощность потребуется магнитостату для висения на фиксированной высоте, если и при реальных токах затухание останется таким же, но Рябушинский сказал, что это он уже вычислил и получил порядка двухсот милливатт на килограмм общего веса конструкции. Причем из его теории следовало, что с ростом тока в контуре затухание будет падать. То есть все составляющие будущего магнитостата были готовы, оставалось довести их параметры до требуемых, собрать в реальную конструкцию и приступить к полетам. А это означало серьезные перемены в статусе усадьбы Кучино и всех населенных пунктов в радиусе примерно восьми километров, о чем я и сообщил Дмитрию Павловичу.

— Все ненужные будут выселены, — пояснил я свои планы, — а на их место приедет гораздо большее количество нужных.

Кстати, на месте города Железнодорожного тут имелся поселок Обираловка, причем название полностью соответствовало реальному положению дел. Так что с его переселением

на берега Вилюя особых проблем я не видел — даже если забыть про институт Рябушинского, все равно такая топонимика более уместна за Уралом, нежели чем под Москвой.

— Здесь будет полностью закрытый город с охраняемым периметром, — продолжил я, — название которому вам еще предстоит придумать. Ну, а еще я жду от вас список институтов и предприятий, необходимых для практического воплощения идеи магнитостата. И подумайте, нужно ли вам, кроме научной деятельности, еще и администрирование над всем этим немалым хозяйством? Наверное, лучше будет занять несколько замов, и если у вас есть кандидатуры, то представляйте их мне. Да, вам же еще потребуется официальное прикрытие — ведь по магнитостату будет запущена секретная государственная программа, и властная вертикаль в ней — это вы, над вами я, надо мной его величество. И все. Не возражаете, если в связи с этим вам будет присвоено звание генерального комиссара?

Генеральный — это у нас был не просто высший чин в комиссарской системе, он еще и не ограничивался трехлетним сроком. Пока таких комиссаров было всего два — Сталин и Фишман, но вообще-то по моим прикидкам в России их должно быть порядка десяти-пятнадцати. А пока к вечеру этого дня генеральных комиссаров стало уже три — Рябушинский не возражал.

Когда по возвращении в Питер за ужином я похвастался величием достижениями Рябушинского, Маша захлопала в ладоши:

— Ура! Вот стоило только дяде Жоре на минутку отвлечься от пресекания и недопущения, как он тут же изобрел антиграв.

— Строго говоря, это магнитостат, — уточнил я, — хотя, действительно...

— Какой еще магнитостат? Если оно висит в воздухе и при этом не вертит винтом и не машет крыльями, это антиграв, можешь посмотреть в любом фантастическом романе. Или дирижабль, если роман исторический, так что изволь соответствовать. Да и секретность твоя любимая от этого только выиграет, пусть англы с американцами антигравитацию изобретают.

— Весело будет, если действительно изобретут, — усмехнулся Гоша.

— А разведка дядина на что, тем более что их у него уже целых три штуки? Пусть изобретают на здоровье, а денег на наши работы я дам. Только, дядь Жора, ты не перескормничал? Что-то я себе с трудом представляю космическую программу за двадцать пять миллионов рублей. Интересно, а телепорт ты скоро изобретешь? А то как замечательно было бы — сажаем десантников на антигравы и телепортируем куда надо... На такое и миллиарда не жалко.

— Помнится, ты, когда только познакомился с Рябушинским, не допустил его до аэродинамики из-за некоторого неприятия режима секретности, — вспомнил Гоша, — а теперь как быть?

— Так ведь у меня пять лет было, чтобы на конкретных примерах убедить человека в необходимости этого, так что теперь он несколько изменил свои взгляды. Хотя сокрушался, что столь замечательные результаты нельзя будет опубликовать. Но я ему объяснил, что в этом закрытом городе будут и свои закрытые издания, где он сможет публиковаться хоть каждый день, а лет через двадцать пять после первого успешного полета можно будет кое-что малость и рассекретить. Кстати...

Я достал из папки и положил перед императором лист бумаги.

— Подпиши, это твой указ о присвоении поселку Энску, то есть бывшему Кучино, статуса города имперского подчинения. Стой, а прочитать-то перед подписью? Опять потом начнешь нудеть, что я где-то допустил излишнюю экспрессивность в терминологии.

— Что, действительно допустил?

— Сейчас — нет, но в следующий раз обязательно допущу, авось и отвыкнешь подмахивать бумаги не читая.

— Вот тогда и прочту, а сейчас-то чего глаза портить? В общем, поздравляю, желаю новому городу всяческих успехов и так далее, копию сам в мой секретариат отошлешь. А кто

там мэром будет?

— Не мэром, а генерал-губернатором, только демократии мне там и не хватало. Поищу кого-нибудь среди авиационных генералов — тот же Храбрецов, например, вроде должен справиться.

— Все-таки интересно, — задумчиво сказал император, — когда мы хоть в чем-то перегоним тот мир?

— На днях. По их времени, разумеется... И чего тут будет такого особенного? Да, синхрофазотрона и коллайдера у нас пока нет, так они и не для всяких исследований нужны, и уж тем более не для всякого изобретения. А больше никакой особой разницы-то и нет, точнее есть, но она в нашу пользу. Грубо говоря, ученым и изобретателям тут дают больше денег.

— Но зато их самих существенно меньше.

— Во-первых, со следующего года пойдет выпуск тех, кто начал учиться уже при тебе, и количество заметно возрастет. А во-вторых, у нас пока инженер — это действительно инженер, и задачи на уровне изобретений им приходится решать чуть ли не через одного. А в том мире попробуй заставь среднего выпускника чего-нибудь изобрести! Я бы не взялся. И потом, там большинство приличных специалистов обслуживают сферу потребления, а у нас — наоборот. Так что мы их догоним, но, как в анекдоте, обгонять пока не будем, чтобы перед ними голым задом не сверкать.

После ужина с двумя величествами я отправился к третьему, то есть к своей жене. Ну и дочке, понятно, которая пока всего лишь высочество — впрочем, как и я. Встречен я был восторженным воплем:

— Папа, мама разрешила мне мотоцикл!

— Да? — с сомнением поглядел на свою супругу я. — Действительно, похоже, что разрешила, уболтала ты ее, значит?

— Очень у нас дочь растет настойчивая, — вздохнула Мари. — Так что сделай ей, так уж и быть, как договорились.

Договаривались мы о том, что первый мотоцикл для Насти будет электрическим, со скоростью не более пятнадцати километров, чтобы его можно было догнать бегом. Ездить она на нем будет по внутреннему дворику Зимнего, ну а через пару недель возьмет с собой в Ливадию.

— Ладно, — сказал я, — послезавтра будет, и начинай учиться.

— А в Стрельну когда поедем?

— Что? — офигел я.

— Дядя Альфонс говорил, что там проводятся са... со... соревнования! Кто быстрее приедет. В первый раз самым быстрым был ты, во второй — дядя Альфонс. А в третий буду я! А еще дядя Федя говорил, что это спорт для королей. Значит, проеду я быстрее всех и стану королевой! Как тетя Маша. И послезавтра — это когда? Если опять приедешь поздно, как сейчас, то день-то уже кончится, а так нечестно. Привози мотоцикл утром! А еще лучше — завтра вечером. Или в обед, тогда тебя тетя Нина покормит. Хотя у нее завтраки вкуснее получаются...

Глава 32

Двадцать седьмого апреля две тысячи девятого года количество людей этого мира скачком увеличилось на четыре единицы, а того, где в тот момент кончался июль тысяча девятьсот десятого — на столько же уменьшилось. Мы с Гошей плюс две наших охранницы вышли из коттеджа, я запер дверь, потом ворота, и вся компания двинулась к автобусной остановке, до которой было четыре километра.

Девочки были, естественно, от Татьяны, специально подобранные для сопровождения нас с величеством в другом мире. Не то чтобы красавицы, но и не уродины, а главное —

спокойные и не любопытные от природы. Инструктаж про то, как здесь у нас и что, я с ними проводил лично, так что теперь они спокойно шли на пару шагов сзади и чуть сбоку от нас. Мы с императором тащили по рюкзаку, дамы — только сумочки. Понятно, что это было не из-за избытка воспитания, а по необходимости — у охраны должны быть свободные руки. Пару раз навстречу нам попадались машины, но никакого особого интереса они у наших девочек не вызвали — как, впрочем, и автобус, который довез нас до вокзала в Сергиевом Посаде. Там мы просто проторчали на перроне полчаса, остававшиеся до прибытия ярославской электрички, и в полдевятого вечера были в Ярославле.

Гоша с интересом озирался. В его мире железнодорожный мост через Волгу был только что построен, и теперь станция Всполье должна была превратиться в новый главный вокзал, потому как старый с вводом в эксплуатацию моста оказался не на основных путях.

— А ничего так, довольно красивенько, надо будет нашему генеральному архитектору показать, — заметило величество, доставая фотоаппарат и щелкая здание вокзала с разных ракурсов.

— Поесть тут пойдем или подождем до поезда? Не факт, что там вагон-ресторан еще будет работать, — напомнил я.

— Разумеется, тут, до поезда еще почти три часа, — согласился Гоша, и мы двинулись в вокзальный ресторан.

И в нашем мире, и в том я почти не посещал подобных заведений, так что сравнивать особенно было и не с чем, но все-таки меня удивило, с какой скоростью около нас образовался официант и с каким энтузиазмом он начал нас обслуживать, причем обращаясь в основном к Гоше. Чутье, наверное, я бы ему наверняка дал на чай меньше императора.

— И кормят неплохо, и прислуга вежливая, — констатировал Гоша, когда через полтора часа мы покинули место кормления и расположились на лавочке у перрона.

— Зато пиво толи разбавленное, толи паршивое от природы, — не согласился я, — да и котлета лично мне попалась какая-то недожаренная.

— Потому что это был бифштекс с кровью, темнота, — просветил меня Гоша, — хотя, действительно, откуда тебе разбираться в таких тонкостях? В твоей гатчинской столовой самообслуживания меню, как бы это помягче сказать, без излишеств.

— И у тебя в Зимнем тоже, — уточнил я.

Вообще-то моя племянница была человеком рассудительным и не нервным, но только за исключением одного пункта — она панически боялась растолстеть. Поэтому величествам готовили простую и не очень калорийную пищу, да еще и подавали в весьма умеренных количествах.

Так, за неспешной беседой, прошло около часа, и прибыл наш поезд. Мы показали проводнику билеты, паспорта и прошли в свое купе. Можно было, конечно, ехать и в СВ, но я взял билеты именно в купейный — чтобы и охрана, и охраняемые находились вместе. Ну, а насчет некоторой тесноты — не बारे, переживем, тем более что наши дамы не будут ни болтать, ни скандалить.

— И чего, спрашивается, кто-то меня теснотой пугал? — хмыкнул император, засовывая свой рюкзак под сиденье и устраиваясь у окна, — вполне приличное купе.

Поезд тронулся. Некоторое время Гоша смотрел в окно, но Ярославль мы проехали быстро, и глядеть стало не на что — темнота, она и здесь темнота. Так что мы с ним полезли на верхние полки — спать, а наши дамы остались внизу. График, когда кто из них отдыхает, они составили сами, а мы пожелали им спокойной ночи, выключили верхний свет и отправились в объятия Морфея.

Весь следующий день мы почти не выходили из купе, деля свое внимание между ноутбуками и окном, а питаюсь пока тем, что захватили из того мира. Но потом пришлось по крайней мере раз в день ходить в ресторан, причем всем вместе. Да, был риск, что такой образ действий будет кем-нибудь подмечен и по возвращению в купе мы недосчитаемся чего-нибудь нужного, но на это пришлось начхать во имя безопасности. Правда, на нее так

никто и не посягнул, а вот пустое купе ввело-таки в искушение одного неудачника — правда, ближе к концу пути, где-то сразу после Белогорска. Обычно на еду у нас уходило минут сорок, но аппетит после четырехдневного сидения на месте здорово упал, и уже через двадцать минут мы вернулись к своему купе.

— Дверь открывали, — сообщила старшая из охранниц еще метра за три, оглядела пустой коридор и встала у двери. Младшая резким движением рванула ее — не заперта! — и шмыгнула внутрь, старшая последовала за ней через секунду. И тут же, выглянув, сделала приглашающий жест — мол, все в порядке, уже можно.

На правой койке мордой в подушку пребывал некий слабо дрыгающий ногами организм, придерживаемый за вывернутые руки младшей охранницей. В купе явственно пахло спиртом. Старшая закрыла дверь и доложила:

— Вор. Пытался изобразить пьяного, но первый момент пропустил, он рылся в вашем, Георгий Андреевич, рюкзаке. Не пьян, только одежда в водке и, возможно, он ей рот прополоскал. Разрешите приступить к обыску?

— Валяйте, Леночка, — кивнул я.

Сначала на столике оказался не наш бумажник с документами, но потом там образовался мой наладонник, с которого я читал художественную литературу, и банковская упаковка в сто тысяч, явно наша.

— Хватит, — махнул рукой я. — Величество, ты как насчет эвакуации? Отдохнем у нас пару недель, а то и месяц, а потом продолжим путешествие.

Гоше, по моим наблюдениям, дорога уже несколько надоела, так что он кивнул:

— Разумеется, эвакуация, а то куда тут труп девать-то?

Гость еще интенсивнее засучил ножками и даже попытался что-то промычать.

— Открываем, — сказал я, и через несколько секунд мы оказались в Гатчине, в моем кабинете. Я попросил девочек привести клиента в бессознательное состояние и, вызвав конвой, велел оттащить тушку в седьмой отдел, сдав под расписку лично старшему Ли. И, пока они тащили, позвонил в конечную точку их маршрута и сообщил, что минут через сорок я желаю побеседовать с клиентом, а способы достижения его готовности к этому — на усмотрение господина старшего следователя. Потом звякнул Татьяна:

— Танечка, хоть мы и виделись десять минут назад, я уже успел малость по вам соскучиться — надеюсь, вы понимаете, почему? И в связи с этим я вам приволок одного человечка, мне он, скорее всего, не нужен. Будете добрую фею изображать? Ну, тогда до встречи через сорок минут в третьем следственном.

Да, вы догадались правильно — я собирался привлечь Танечку к операциям в том мире, а из незадачливого вора должен был получиться ее личный источник самой разнообразной информации.

Проводив Гошу, я неспешно выпил пива и отправился в противоположное крыло дворца. Вот и дверь третьего следственного кабинета... Даже не зная точно, об этом можно было догадаться, ибо, несмотря на звукоизоляцию, оттуда прорывался истошный вой. Подождав, пока он закончится, я вошел.

— Добрый день, господин Ли, как там наш воспитуемый? Да, мне тоже кажется, что созрел. Надо же, у вас, я смотрю, новинка!

Там, где в прошлый мой визит стоял просто латр с вольтметром, теперь появилась целая стойка с приборами, индикаторами и прочими приметами прогресса. Да и к клиенту тянулись не два провода, а целых пять — по одному к ногам и три в промежность.

— Можно небольшой совет? — продолжил я. — Поставьте большие дублирующие приборы на внешнюю стенку вашей стойки, дабы клиент, если ему интересно, мог оценить ток, напряжение, еще чего-нибудь, а то ему сейчас не видно. А ведь хочется посмотреть, вы только гляньте, как пыжится-то!

Действительно, воришка широко открытыми глазами, не в силах оторвать взгляд, пялился на стойку и тихонько подвывал.

— Надеюсь, вы действительно готовы к беседе со мной? — обратился я непосредственно к нему. — Ладно, тогда начнем. Значит, вы мне сейчас все подробно расскажите о ваших сообщниках в поезде. Что, вы одиночка? Согласен, и такое бывает, но проверить все равно нужно. Так что я сейчас дам команду, чтобы наши люди прошерстили состав, а вам пока придется немножко потерпеть. Аппаратура-то новая, и господину Ли наверняка надо уточнить режимы, схемы подключения и прочее, а раз уж так получилось, что вы все равно здесь сидите, то будьте так добры поспособствовать развитию науки. Господин Ли, приступайте.

Подследственный завопил, что он ошибся, он не один, начал, захлебываясь, называть какие-то имена, но тут вошла Татьяна. Окинув взглядом клиента (весь в слезах, соплях и без штанов), она охнула, побледнела и прошептала:

— Господи, какие звери... Ну нельзя же так с людьми, сколько раз я вам говорила!

— Танечка, да какой же это человек? — удивился я. — Так, вредное насекомое из отряда крысиных. Но если вы считаете иначе...

— Да, считаю, в отличие от некоторых, которые сначала замучают до смерти, а потом начнут разбираться, человек это был или нет!

Тем временем в подвал зашли еще две здоровенные бабищи, и Танечка скомандовала:

— Девочки, отнесите этого несчастного в наш медицинский бокс и окажите ему первую помощь, я скоро буду.

Когда клиента действительно унесли, потому как на своих ногах он идти почему-то не мог, Татьяна обратилась к Ли:

— Это он после первой степени так?

— Слизняк, госпожа Татьяна, — подтвердил китаец.

— Это хорошо, потому что если мы с ним не найдем общий язык, то, значит, еще остается большой запас методов убеждения. Шеф, так я пошла к себе?

— Да, конечно, госпожа добрый следователь, — кивнул я. И тоже отправился в свое крыло.

Как и ожидалось, ни малейшего сходства с Джордано Бруно этот воришка не продемонстрировал. Наоборот, уяснив, что он в другом мире, обитатели которого имеют какие-то интересы в его родном, он с энтузиазмом рассказывал все, что знал. Правда, знал он не так уж много, но Татьяна сказала, что знакомства в околоуголовной среде могут и пригодиться, а адреса трех скупщиков краденого — в Биробиджане, Хабаровске и Владике — пригодятся наверняка. И вообще готовность к сотрудничеству нашего гостя выше всяких похвал, так что она, Татьяна, считает — с ликвидацией лучше не спешить, авось и потом с него будет какая-нибудь польза. Так как подследственный тоже пребывал в серьезном беспокойстве насчет своей дальнейшей судьбы, то Танечка ему объяснила:

— Ну ты же, глупый, обворовал самого канцлера, то есть совершил государственное преступление. И, учитывая секретность обстоятельств, при которых произошло данное прискорбное событие, ты подлежишь закрытому суду, причем судьи могут быть только с высшим допуском. А это его величество, который с тобой возиться точно не будет, его высочество канцлер и я. Хочешь, отправлю к канцлеру?

Так как клиент хотел этого едва ли не меньше всего на свете, Танечка продолжила:

— А я своей властью могу дать тебе только пять лет, но ведь это еще заслужить надо. Зато потом — отсидел и свободен! В смысле, на поселение под надзор полиции. Проникся? Ну, тогда давай, вспоминай тонкости продажи золота и антиквариата в том мире, и не дай бог по твоей наводке спалится кто-нибудь из наших — будешь только мечтать попасть обратно к такому доброму человеку, как господин Ли, да не получится. И ничем я тебе помочь не смогу, потому что канцлер, который, между нами говоря, и так не образец человеколюбия, при потерях своих людей просто звереет.

Ну, а я слетал на денек в Крым, проводить туда жену с дочкой, наследником престола

Вовочкой и двумя детскими электромотоциклами, а потом занялся делами, среди которых выделялось одно алафузовское — о том, что на Ярославском моторном заводе в числе недавно набранных подсобных рабочих оказались четверо, которые явно не крестьяне, хотя записаны именно так. Что-то мне это казалось слишком нарочитым, о чем я и сообщил начальнику шестерки, так что он теперь отработывал и версию — не предназначена ли эта четверка просто для отвлечения внимания от чего-то более серьезного?

А в середине августа мы тем же составом продолжили не по нашей инициативе прервавшееся путешествие в Уссурийск. Больше никаких приключений не случилось, и в пять часов вечера мы вышли на уссурийский перрон. Гоша, осмотревшись, фыркнул:

— Да, это не Рио-Де-Жанейро.

Действительно, вид вокруг не потрясал воображение — обшарпанный вокзал доисторической постройки, потрескавшийся асфальт, мусор и китайцы.

— Здесь что, тоже была война? — поинтересовался император.

— Нет, они без всякой войны сюда пришли и поселились, но я попросил снять нам дом все-таки в русском районе — тут еще есть такие.

Нас встречал мой знакомый, торгующий японской и китайской мототехникой, которого я и просил подыскать нам сдающийся дом — якобы я собираюсь устраивать тут филиал своей фирмы. Покупать у него китайские скутера, прямо тут их тюнить и отправлять своим клиентам. Кстати, никакого особого вранья в этом не было — я действительно хотел купить несколько десятков мотороллеров и квадров, пригодятся. Так что мы погрузились в его «Тойоту», несколько удивившую императора рулем не с той стороны, и поехали в присмотренный нам дом. Он располагался на окраине, недалеко от сахарного завода, и вполне меня устроил по всем параметрам, а хозяина еще более устроило то, что я не стал торговаться, а сразу отстегнул наличными за полгода вперед. Таким образом, вечером мы уже обосновались в новом месте и отправили Гошу в тот мир, получив вместо него четверку хорошо вооруженных охранников и еще двух Таниных девочек — в этот приезд я хотел установить кое-какие контакты из тех, что ранее были чисто виртуальными. То есть лично познакомиться со всеми своими поставщиками мототехники и запчастей, кроме встретившего нас Андрея. И выяснить, насколько геморройно будет тут получить китайскую визу, потому как купить много чего из желаемого лучше было прямо там. Причем если это получится на вымышленную фамилию, будет совсем замечательно. Однако все это требовало, чтобы время двигалось, во-первых, тут, а во-вторых, там, так что поэтому нам с величием и настала пора разделиться. Правда, пришлось пообещать, что я сведу свои перемещения по городу к минимуму, а бегать будут в основном девочки — однако параметры этого самого минимума оставались в моей компетенции. Впрочем, я и сам был не расположен к излишнему туризму, так что следующие три дня, пока девочки изучали город и обстановку в нем, просидел как под домашним арестом в компании четырех автоматчиков. Кстати, мне даже пришлось употребить власть и запретить им минировать участок, а то ведь они собирались заняться именно этим. Ну скучно людям, к чтению они особо не склонны, а до такого садизма, чтобы разрешить им смотреть телевизор, я еще не дошел.

Глава 33

В две тысячи девятом году я просидел почти четыре дня, и за это время Андрей успел познакомить меня с одним китайцем, как раз приехавшим по делам в Уссурийск. Он возил к нам товары для моделизма, то есть моторчики всех сортов, причем некоторые были вполне пригодны для установки на настоящие легкие самолеты, и системы радиоуправления. Я сказал, что хочу расширить свой бизнес и в этом направлении, что вызвало энтузиазм у моего собеседника, и набился к нему в гости. Виза в Китай, как оказалось, была не нужна, достаточно загранпаспорта и, чтоб меньше придирались на границе, путевки от какой-нибудь турфирмы, которых только в Уссурийске имелось полтора десятка.

Что интересно, малость выпив по случаю будущего совместного бизнеса, китаец начал жаловаться мне... на ФРС! Мол, эти гады заставляют нас торговать в долларах, хотя и в рублях, и в юанях нам с вами было бы процентов на пять выгоднее. И идут эти проценты в загребушие эфэрэсовские лапы! Причем в руководстве и России, и Китая все всё прекрасно понимают, сказал китаец, но наших заставили поступать так, а ваших просто купили. Но ничего, продолжал он, приняв еще пятьдесят грамм, Китай с каждым днем набирает силу! И скоро мы пошлем американцев на ваши национальные три буквы, а русское правительство перекупим, и хорошие люди вроде нас с вами смогут беспрепятственно вести свой бизнес.

Я слушал, поддакивал и прикидывал варианты дальнейшего сотрудничества с этим представителем Поднебесной.

Через день после моего возвращения мы с Гошей провели небольшой эксперимент с порталом. Помните, в самом начале своего повествования я рассказывал, что маленькую дырочку между мирами и открыть, и удержать намного проще? Вот мы и решили вернуться к исследованию именно этого вопроса. Для начала попробовали открыть совсем миниатюрный портал, примерно сантиметр в диаметре, но у нас упорно получалось как минимум раз в пять больше. Тогда я догадался приклеить на стену полкопейки, и мы с Гошей представили себе портал как раз на месте этой монеты. Вот тут он получился какой надо, и сразу проявились его интересные свойства. Начну с того, что и открывался, и поддерживался он без всякого напряжения. Я сразу поднес к нему вайфай-приемник, и вскоре мы вышли в интернет прямо из Гошиного кабинета. Более того, оказалось, что такая дырочка обладает некоторой инертностью. Мы просто забыли про нее минуты на три, и тут копм запищал, что у него пропала локальная сеть. Мы глянули на стену и увидели, что дырочка сузилась миллиметров до трех и продолжала уменьшаться, но не исчезла! Одним усилием мы восстановили её до первоначального размера.

Так что теперь мы с императором могли запускать ход времени в том мире, просто открывая такой микропортал во время наших совместных ужинов. Поддержание же его требовало настолько мало внимания, что практически не мешало ни беседе, ни приему пищи. То есть мы были в этом мире, Танины девочки с охраной — в том, и время у них шло примерно по часу за два наших дня. Им надо было вживую познакомиться с миром, про который до сих пор они только читали, смотрели кино и слушали мои, а также Борины рассказы. Ну, а потом, понятное дело, и приступить к работе, первым этапом которой должно было стать установление наблюдения за тем из трех сданных нам поездным воришкой барыг, который жил во Владике. Ибо если человек торгует заведомо краденым, то почему бы ему не заняться и торговлей нашим золотом, камнями или антиквариатом? Правда, поначалу у меня была мысль обратиться к какому-нибудь антиквару или ювелиру. Однако тут обнаружилась тонкость — тот же антиквар, например, при ближайшем рассмотрении может оказаться отъявленной сволочью, но ведь теоретически может и не оказаться. То есть с ним придется разбираться, да еще и учитывать при этом возможность ошибки. Со скупщиком же краденого таких проблем возникнуть не могло по определению, и вскоре его ждал визит в наш мир, где господин Ли, неважно, старший, младший или оба вместе, склонят его к сотрудничеству со здешней Российской империей. Времени у них будет более чем достаточно, хотя вряд ли потребуется больше месяца, после чего перевоспитанный барыга будет возвращен в свой мир через минуту после исчезновения оттуда. И займется, болезный, продажей наших цацек в приличных количествах и по настоящей цене, а не как я. Впрочем, стоп — это почему же он болезный? Сукин сын получит бонус в виде оздоровительного действия перехода! Не забыть денег с него слупить за это, сделал себе пометку я. И взял документ, который тоже имел некоторое отношение к данной проблеме.

Три недели назад Василий Волков, то есть бывший Акимов, наконец-то отправился в отпуск на свежкупленной «Чайке», посмотреть на Россию. Он поехал в Крым, но не спеша, часто останавливаясь по дороге, а иногда и сворачивая с нее на десяток-другой километров.

Приехав к морю, он поселился в Судак, где, кроме всего прочего, познакомился с довольно симпатичной девушкой. И сейчас я читал отчет Таниной службы об этом путешествии — понятно, что наблюдение за Волковым велось и в дороге тоже. Общий вывод был — в лояльности Волкова причин сомневаться нет. В докладе же сотрудницы, познакомившейся с ним в Судак, содержалась приписка, что дело вполне можно довести до бракосочетания и она, агентесса, не против такого развития событий. Я поставил на этом листке утвердительную закорючку и отложил бумагу — ну что же, тут все хорошо, дам Василию еще пару недель на медовый месяц и отправлю в тот мир. Причем, скорее всего, вместе с молодой женой, дабы свести к нулю возможность того, что у него вдруг случится рецидив лояльности к всенародно избранным властям Российской Федерации.

Смысл же активизации моего присутствия в том мире был в прорезавшемся аппетите Радиевого института, где Иоффе занимался проблемами ядерного распада. Поначалу там разрабатывали теорию, и требовалось только постоянное наращивание мощности поставляемых туда гибридов ЭВМ с калькуляторами, но недавно был принят новый план работ, который предполагал начало создания оборудования для производства соответствующего изделия. И в первоочередном списке было полно того, чего наша промышленность пока дать никак не могла — сверхскоростные двигатели и подшипники для центрифуг, криогенное оборудование, да и много еще чего. Опять же исследования Рябушинского тоже требовали все больше и больше — правда, в основном материалов. Европий, например, в нашем мире вообще не добывался, да и иттрий со стронцием тоже, а это была лишь малая часть от потребного. Уже были приняты шаги для разработки и поиска всего этого в здешнем мире, но время... В общем, денег требовалось как минимум на два порядка больше тех сумм, которыми я до сих пор там оперировал — а значит, самодетальное дилетантство пора сворачивать, государство для того и существует, чтобы решать задачи, непосильные отдельным лицам. И, скорее всего, Танечке кроме ДОМа скоро потребуется взвалить на свои плечи еще и руководство нулевым отделом — структурой, не зафиксированной ни в одном документе и находящейся в самом начале своего становления, которая будет заниматься нашими делами в том мире. При том, что Татьяне и в этом отнюдь не приходилось жаловаться на недостаток мест приложения сил — в частности, бригада ее девочек начала работу на Ярославском моторном, параллельно с Алафузовым.

То, что противник заинтересовался данным предприятием, в какой-то мере было следствием моей политики в области авиационных двигателей. Вместо плавной эволюции сразу после шестисотильного мотора я запустил разработку полуторатысячника ТН-27, являющегося адаптированным под местные возможности АШ-82. И, пока англичане постепенно доводили свои рядные водянки, а американцы — двухтактных монстров, мы просто совершенствовали производство нашего старого мотора, впервые появившегося еще на самом первом «Кондоре». Сейчас их производило два завода общим количеством по десять — двенадцать штук в день, да плюс почти такие же моторы делали у себя японцы и немцы.

Однако новый двигатель пока мог серийно производиться только в одном месте — в Ярославле, причем это было совместное для всех трех стран предприятие. Случись что — и все мы к войне останемся при устаревших моторах. А организовать сразу несколько таких производств было невозможно — требовался уникальный для этого времени станочный парк, который немцы и для одного-то завода сделали с огромным трудом, да и то не до конца. Ни японцы, ни мы таких станков не могли производить вовсе.

И наконец, как будто мне мало было только что перечисленного объема работ, на предпоследнем ужине величества сообщили мне, что Маша снова ждет ребенка. Я их поздравил, но вчера утром, позвонив Мари, услышал, что у них в Ливадии все в порядке, дети наездили на своих мотоциклах и теперь купаются, Рекс загорает, а мне надо готовиться к тому, что у Насти скоро появится братик — или сестренка, в самом крайнем

случае. Ну, а до кучи забежавший ко мне сегодня Боря сообщил, что скоро он черт знает в какой раз снова станет отцом, то есть и третье величество решило последовать по стопам первых двух.

— Допрыгался? — ехидно спросил я его. — Теперь изволь жениться, ибо вдовствующая императрица в роли матери-одиночки может вредно повлиять на имидж державы.

— И женюсь, — выпятил грудь Боря, — главное, чтобы человек был хороший, а жена он или любовница — дело десятое. Вот приму православие, и сразу женюсь. Как тут это делается, не подскажешь? Сам понимаешь, я не про свадьбу.

— Ладно, позвоню отцу Антонию, так что как вернешься в Георгиевск, он тебя мигом окрестит в нужную веру, и мявкнуть не успеешь. Кстати, ты пока «Отче наш» выучи, а будет время — еще и «Символ веры», хоть он и длинный. И расскажи своими словами, как там сегодняшние испытания, я еще отчет не прочитал.

— Примерно как и ожидалось, дальность удалось увеличить до тридцати километров на нашей аппаратуре и до пятидесяти на тянутой оттуда. Причем на ней явно можно попробовать управление и с самолета, скоро оборудуем одну «Выухоль». Тогда, глядишь, и пригодятся твои ракеты с пульсирующими движками, а сейчас и твердотопливных с запасом хватает.

Наши крылатые ракеты выпускались с твердотопливными либо пульсирующими воздушно-реактивными двигателями, имея дальность полета семьдесят и двести километров соответственно. Пульсирующими оснащалась в основном модификация с пилотской кабиной вместо аппаратуры телеуправления, и три четверти таких изделий поставлялось в Японию. У нас же имелся небольшой авиаотряд из пятнадцати японцев, которые летали на подобных крылатых ракетах, но без взрывчатки, зато с шасси и устройством катапультирования пилота. Аварийность по нашим меркам у них была запредельная — меньше чем за год из пятнадцати человек убило шестеро, но на место каждого разбившегося пилота немедленно прибывал новый.

В случае войны они полетят куда мы им прикажем, причем без шасси и катапульты, но с тремьями килограммами гексогена.

Сегодня мне нужно было ехать в Зимний на час раньше, чтобы до ужина с величествами успеть побеседовать со Столыпиным, у которого накопились вопросы по поводу нашего взаимодействия в области аграрной реформы. В частности, он не понимал, для чего в средней полосе России разворачивается столько МТС, а еще его интересовала недавно стартовавшая программа по привлечению немецких переселенцев в Зауралье и Манчжурию. Ну и ныть начнет, как всегда, что постоянная охрана ему мешает, но тут уж фигушки, величества вон охраняются еще основательнее, и ничего, не жалуются.

Петр Аркадьевич начал с того, что положил передо мной анализ сравнительной рентабельности общины, фермерских хозяйств и обхозов. В общем-то порядок цифр я уже знал, так что, по-быстрому проглядев бумагу, резюмировал:

— Замечательная иллюстрация, показывающая абсолютную правильность нашей политики. Общины почти ничего не требуют от государства и почти ничего ему не дают, разница хоть и положительна, но невелика. Фермерские хозяйства тратят все заработанное на расширение производства, а, учитывая, что практически все они начинали в кредит, то пока в среднем тут получается минус. Обхозы вообще насквозь убыточны, если предоставлять им услуги МТС по реальной стоимости, они мгновенно разорятся. Вопрос-то в чем?

— Да в том, что такими мерами вы целенаправленно убиваете хлебный экспорт!

— Ну, так уж и убиваю. Просто кислород ему перекрываю маленько, вот и все. Потому что стратегически он в общем-то вреден для России. Климат у нас меньше подходит для выращивания зерновых, чем в Штатах или Канаде, то есть конкурировать мы с ними можем только за счет уменьшения цены рабочей силы. Что означает — продолжать держать

крестьян в нищете, если называть вещи своими именами. Даже если отвлечься от того, насколько это нехорошо с моральной точки зрения, то есть еще два момента. Первый — чистая бухгалтерия. Семьдесят процентов крестьян сейчас вообще никак не участвуют в выращивании хлеба на экспорт. А те, кто участвует, дают доход в среднем девяносто рублей на человека в год, из которых в бюджет попадает неполных двадцать. Работник же добывающей промышленности приносит в год двести с лишним, и в бюджет идет сто девяносто! А машиностроительный рабочий — почти пятьсот, и опять же практически все в бюджет. Правда, его еще как минимум пару лет учить надо... И рабочих у нас постоянно не хватает, при вопиющем избытке крестьян. Но способствовать разорению большинства общин сейчас нельзя, только социальной напряженности нам перед большой войной и не хватало — вот это и есть второй момент.

— Но вы ее все равно нагнетаете, ставя обхозы в лучшие условия, чем латифундистов южных губерний.

— Простите, не всех, а только тех, кто делает ставку на экспорт. Пусть продают хлеб за бабло, вот и все.

— Им это менее выгодно.

— Им это почти в два раза выгоднее, если вкладывать прибыль в развитие производства — сравните бабловые и долларовые цены на сельхозтехнику, например. А вот если в повышение своего уровня жизни типа отдыха в Ницце, постройки очередного дворца или покупки очередной балерины, то тут я с вами согласен — действительно менее выгодно. И что? Хлеботорговцев сравнительно немного, и все они давно под пристальным наблюдением, так что источником социальной напряженности у них стать один черт не получится.

— Хорошо, а на кой нам сдались немцы в Манчжурии? И уж тем более в Сибири.

— В Манчжурии они сдались в основном не нам, а кайзеру. Для достижения продовольственной независимости, надо полагать. А в Сибири они нужны уже нам, чтобы через пару лет было на основании чего рекламные фильмы снимать, как приехавшие туда немцы сейчас от зажиточности чуть не лопаются. Из наших-то туда, если вы обратили внимание, в основном беднота едет, если не люмпены, компрометируя саму идею. А так будет что показать, имея в виду, что вот вам-то тоже предлагали туда ехать, но ведь вы отказались. А теперь сравните, с чего на что перебиваетесь вы и как живут немецкие переселенцы... В крепких хозяйствах, неважно, фермерские они будут или обхозные, это большого ажиотажа не вызовет. А вот в дышащей на ладан общине может и начаться выяснение — мол, я же говорил, а вы, дурачье... То есть упростится задача санации сельского хозяйства. Но все это, как я уже говорил, можно будет начинать только после войны.

— Да, Георгий Андреевич, — заметил в конце нашей беседы Столыпин, — я ведь, между прочим, тоже землевладелец и хлеботорговец. Правда, насчет балеринок я как-то не очень, но вот новый дом в Питере я себе все-таки строю, и причем за рубли, потому что жалование премьер-министру дают именно в них. И в Ницце, грешен, люблю отдохнуть, хотя последнее время и не получается. Так как же быть?

— С балеринками? Ну, это не вопрос. А про дом — так напишите заявление, что хотите какую-то часть жалования получать баблом, за него бетон и отделочные материалы обойдутся заметно дешевле, да и аренда строительной техники тоже. Как хлеботорговец вы, извините, даже в первую двадцатку не входите, к тому же продаете хлеб в Германию. Ну, а насчет Ниццы — и не надоело вам там, среди собравшегося со всей Европы декаденса и жулья? Тем более что вы вне всяких сомнений русский патриот, а они последнее время отдыхают в основном на Канарах.

Глава 34

К середине осени десятого года у их величеств Георгия и Марии созрела глобальная

идея, которую они и выложили передо мной на очередном ужине. Причем сразу предупредили, что собираются обсудить нечто важное, поэтому мероприятие начнется на полчаса раньше обычного и неизвестно когда кончится. В общих чертах я уже представлял, о чем пойдет речь, потому как вопросы для предварительного ознакомления с проблемой они задавали мне, так что, захватив свой ноутбук и еще раз посмотрев, где у меня там что лежит, я поехал встречу, где предполагалось принять или похоронить некие судьбоносные решения.

Сначала мы быстро и почти в молчании истребили поданные нам макароны по-флотски, и только при переходе к пиву (нас с Гошей) и чаю (Маши) император наконец начал:

— То, что мы научились делать микропорталы, внесло последний штрих в и без того созревающую ситуацию. Вспомни, как мы в самом начале, десять лет назад, решили не впутывать твое государство в нашу ситуацию...

— Какое оно нафиг мое? — возмутился я. — Будь оно моим, я бы давно от стыда повесился.

— Или другим помог бы, — хмыкнула Маша, — в общем, кажется, ты уже понял, о чем идет речь.

— Разумеется, это же не бином Ньютона, который я, кстати, тоже понимаю. Да, я тоже думал на эту тему.

«Эта тема» состояла в том, что наша разведка быстро показала — существенный рост оборота межмировых торговых операций без раскрытия нашей тайны невозможен. Если бы мы вели дела с криминалом — то его руководству, если с Китаем, то его правительству. В принципе это возможно, но почему сначала не попытаться законтачить с эрэфовским? Просто из соображений патриотизма — ведь, как ни крути, там тоже Россия, хоть и в значительной мере проданная. Примерно так я и сказал.

— Вот! — подняла палец Маша. — Тут надо учитывать еще такой момент — при сохранении имеющихся темпов роста доходной части нашего бюджета лет через двадцать мы сможем просто купить то, что там еще не успели продать, и перекупить то, что уже успели. Наших лет, понятно. В случае же, если тамошнее руководство само стремится как-то исправить имеющуюся там сейчас ситуацию, можно наладить взаимовыгодное сотрудничество. Кстати, вполне возможно, что действительно стремится, из некоторых событий можно сделать только такой вывод.

— Да? — заинтересовался я. — Расскажи, а то я что-то однозначных аргументов пока не нашел.

— В конце их восьмого года ФРС от имени совета по стандартам финансовой отчетности разрешила банкам самим оценивать стоимость торгуемых долговых обязательств. Это означает, что они вынуждены заканчивать кризис гораздо раньше запланированного срока и с куда более скромными результатами. Естественно, они дошли до такой жизни не сами, а под давлением России, Китая и Японии. Получается, что руководство Российской Федерации более не делает ставку на личные сбережения в долларах, что внушает некоторый оптимизм.

— Ага, им больше нравится евро, но чего тут оптимистичного?

— Не совсем. Ты будешь смеяться, но, похоже, выбор сделан в пользу чего-то, сильно напоминающего наше бабло. Во всяком случае, Россия начала принимать активное участие в переговорах о создании единой азиатской валюты.

— Интересно... Ну, и с чего начнем? В принципе я не против, если вы еще не поняли.

— Тогда придумай способ выхода сразу на достаточно высокий уровень, — предложил Гоша.

— Вчерне уже придумал. Открываем портал перед машиной чиновника того самого достаточно высокого уровня и потом беседуем с ним.

— Ты не понял, это надо сделать, не нарушая их законов.

— Все я прекрасно понял, это ты просто не дослушал. Итак, выбираем чиновника самого высокого ранга из тех, что ездят на одной машине, без кортежа. Ищем место на его

маршруте, где он всегда нарушает скоростной режим. Это нетрудно, вот если бы потребовалось наоборот, я бы и не взялся. Далее, ни один закон РФ не запрещает открывать портал на пустой дороге. Вот я его и открываю, причем в таком месте и на такое время, что, едь этот чиновник с разрешенной скоростью, ни хрена бы он туда не попал. А ПДД не требуют от участников движения предусматривать, что кто-то будет ехать с нарушениями. То есть если чиновник будет нарушать без включенных sireн и синей мигалки, то такой образ действий я предусматривать не обязан, а значит, чист перед законом, аки агнец. Ну, а наша территория под юрисдикцию РФ не попадает, так что тут я при всем желании ничего ихнего нарушить не смогу, а нашего не буду, существующая законодательная база Империи это позволяет.

— И в каком виде ты потом этого бедного чиновника вернешь обратно?

— Во-первых, если состояние приглашенного окажется менее чем в десять раз превышающим его оклад за все годы службы, я готов прямо при тебе поцеловать его в анус — это к вопросу о бедности. Но ведь не придется целовать, сам понимаешь. А во-вторых, могу поспорить на миллион, что к нему и интенсивных мер применять не придется — чисто словесными методами можно будет довести до любой требуемой кондиции.

— Хорошо, согласен, готовь операцию.

— Тогда завтра с утра двигай ко мне, вытащим первую смену девочек и Волкова из Уссурийска. А потом, отдохнув и подготовившись, отправим их на Торбеево, для конкретной подготовки акции.

— Ладно, это детали, — отставила пустую чашку Маша, — а что мы им предлагать будем?

— То, что без нас они не смогут купить ни за какие деньги. Время.

В общем, мы начали потихоньку готовиться, но это оказалось лишним — одним прекрасным вечером в коттеджный поселок на Торбеевом приехал черный мерс с мигалкой на крыше и правительственными номерами. И остановился прямо перед воротами моего коттеджа — типа бери его прямо здесь! Девочки запросили инструкций.

— Похоже, идея вроде твоей образовалась и у наших потенциальных партнеров, — заметил я Гоше, когда мы с ним убрали микропортал и теперь имели сколько угодно времени на обдумывание ситуации и подготовку к действиям.

— И хорошо, если так, тогда завтра с утра продолжим из Гатчины, в случае чего, я думаю, прямо тогда же сил и на большой портал хватит.

Утром мы снова запустили время в том мире, но уже из моего кабинета. Здешний комп тут же подключился к тамошней сети, и я вывел на экран картинку с камеры перед воротами. Из приехавшей машины вылез невысокий полноватый мужчина лет сорока. Водитель остался на своем месте.

Визитер поднял глаза к телекамере и сказал:

— Я замначальника департамента управления делами Правительства Российской Федерации Никонов, документы имеются. Хотелось бы встретиться с хозяевами этого дома или, если сейчас это по каким-то причинам им нежелательно, уточнить, когда такая встреча станет возможной.

— Пожалуйста, проходите, — сказал я в микрофон и велел открыть ворота. Чиновник прошел к дому и через полминуты оказался в гостинной, где без малейшего удивления на лице посмотрел на пятерых вооруженных девочек и спросил:

— Мне ждать здесь?

Мы заткнули микропортал.

— Кто с ним разговаривать будет? — поинтересовался Гоша.

— Тебе нельзя, — начал соображать я, — то есть просто не по чину. Мне тоже нельзя, потому что раз он тут, то наверняка хорошо знает, как выглядит Найденов и кто он такой. Значит, пусть с ним Танечка общается, а мы посмотрим и послушаем. Но ей как минимум

день на подготовку надо, ни к чему пороть горячку. Так что вечером уточним, ну, а пока я пошел ставить перед ней задачу.

Следующим утром действие продолжилось с того же самого места, но в сильно расширенных декорациях. На вопрос гостя ответила Татьяна, причем через открытый за полсекунды до этого портал у него за спиной:

— Лучше пройдите сюда, если хотите разговаривать с людьми, имеющими право принимать решения.

Вот тут визитера проняло. Он повернулся, сделал пару неуверенных шагов и обернулся — никакого портала за спиной у него не было, а имелась стена моего кабинета, у которой стояли автоматчики.

— Надеюсь, вы не возражаете против небольшого обыска, просто у нас порядки такие? — светским тоном поинтересовалась дама, — отлично, тогда пройдите, пожалуйста, вон в ту комнату.

Вскоре формальности были закончены, и гость снова предстал перед Танечкой.

— Я — директор Службы Имперской Безопасности графиня Князева, вы уже представились, так что садитесь, и поговорим. Что предпочитаете из напитков?

— Если можно, то боржом, ваше сиятельство, — блеснул знанием титулов Никонов.

— А, понятно, — улыбнулась дама, — у вас с этим сейчас определенные трудности, но у нас их нет. Вот и несут, так что не стесняйтесь. Итак, чему я обязана приятностью нашей встречи?

— Желанию высшего руководства Российской Федерации установить контакт с пришельцами из другого мира, уже как минимум два месяца появившимися на ее территории. И, кроме того, желанием прояснить судьбу своих граждан, которые, по нашим сведениям, находятся у вас. Это Сергушин, Акимов со своей матерью, Островская и Найденов. Про последнего хочу уточнить, что нас интересует судьба настоящего Найденова, а не человека, который действовал под его именем последние два месяца.

— Ого, — удивился Гоша, с которым мы наблюдали за происходящим из соседней комнаты, — с каких это пор ты стал ненастоящим?

— Так ведь уже одиннадцатый год тут обитаю. Ну, помолодел малость, да и вообще изменился... Небось видео наснимали и показали знающим меня, а те — не похож, мол, не такой он был. Ладно, что там у них? Неплохо...

— И настоящего тоже сможем показать, — не моргнула глазом умница Танечка, — а также всех остальных, кроме Сергушина, с ним случился инфаркт, когда он понял, куда попал. Остальные прекрасно себя чувствуют и вполне довольны жизнью. При достижении соответствующих договоренностей с ними можно будет пообщаться. Насчет же установления контактов — какими полномочиями для этого вы облечены?

— Только установить время и согласовать порядок встречи на высшем уровне. С нашей стороны будет второе лицо государства.

— И с нашей будет не ниже, — кивнула Танечка, — так что уточняйте дату, нас по причинам, которые будут объяснены позднее, устроит любая.

— Мы в курсе этих причин, — подтвердил гость, — по нашим наблюдениям, вы умеете управлять скоростью течения времени одного мира относительно другого. Тогда мы предлагаем встретиться ровно через сутки. Где?

— Переход — там же, где прошли вы, а сама встреча — в нашем мире, у принимающего лица. Не хочу вас заранее обнадеживать, но возможно, что это будет сам император.

Затем стороны быстро договорились, что премьер посетит этот мир в сопровождении его, Никонова, и процедуре обыска не подвергнется. Потом уточнили, что мы берем на себя обеспечение того, что вся встреча здесь пройдет при стоящем времени там, и гость сообщил, что его миссия завершена, как ни жаль ему покидать столь потрясающую женщину и столь интересное место.

— Так вам совершенно некуда торопиться, — пояснила Татьяна, — вернетесь вы все

равно в ту же секунду, что и ушли. Можете погулять по дворцу, встретиться с Акимовым и его матерью, они недалеко живут. Вот с вашим Найденовым — это чуть позже, сейчас он в Москве, и вызывать его сюда у меня рука не поднимается — старый он совсем, не знаю, как перенесет дорогу.

— Ему же пятьдесят шесть лет!

— У вас было, а с его появления в этом мире — кстати, он был первым вашим тут — прошло двадцать с небольшим лет. Так что сейчас ему под восемьдесят, а ведь какой орел был... — мечтательно закатила глаза к потолку директриса ДОМа.

Гоша тихо прыскал в кулак, стараясь не ржать в голос. Потом поинтересовался:

— Скоро на орла начнешь тренироваться?

— Делать мне больше нечего. Найдем подходящего, проинструктируем и поселим в моем московском доме, вот и все. Молодец Танечка, если бы не ее импровизация, действительно пришлось бы самого себя изображать, а я не умею. Зато теперь все провалы в памяти того Найденова будут вполне объяснимы — лет-то сколько прошло, да и маразм у дедушки потихоньку прогрессирует. Но я, честно говоря, не думаю, что полезут проверять, Акимовых с них хватит.

Я оказался прав — гость проехался до Вольфшанце, где пообедал с Акимовыми-Волковыми, поглазел на показанный ему кусок этого мира и ближе к вечеру отправился восвояси, увозя с собой наш подарок тамошнему премьеру — какую-то охренительно древнюю китайскую саблю, преподнесенную мне Немнихером по поводу образования независимого Израиля. Но перед этим гость все же по просьбе Танечки рассказал ей, как они на нас вышли. Оказывается, момент, когда БМВ с Акимовым и его шефом вслед за моим мотоциклом влетела в портал, видел один из сотрудников Никонова, ехавший примерно в километре позади нас. Деталей он не рассмотрел, но то, что машина нырнула в какое-то на секунду образовавшееся окно и исчезла, он видел ясно. А подъехав к месту события, он обнаружил странный тормозной след — очень короткий, около метра, и обрывающийся по идеальной прямой. Он сфотографировал это крупным планом на хорошую камеру и отдал снимки специалистам, по заключению которых и было начато расследование. Ну, а потом изучили документы охранного агентства, откуда исчезли директор с водителем. А дальше — просто оперативная и аналитическая работа, подробностей которой я не знаю, пояснил гость, прежде чем поцеловать Татьяне ручку на прощание.

За ужином мы обсудили только что произошедшую встречу, и Маша сочла нужным напомнить:

— Это ведь планируется сотрудничество чисто на личных связях? А у них через три года пере выборы, и еще не ясно, кто окажется на месте того, с кем мы начнем дело.

— Пожалуйста, — усмехнулся я, — вот тебе еще один похожий пример. Есть в нашем мире одна страна, с которой многие нормально сотрудничают, причем не боятся и строить долгосрочные планы. Это при том, что там недавно выбрали президентом Машу, а кого выберут через три года, ее или Гошу, это даже я не берусь предсказать. Выборы, между прочим, там проходили просто идеально, ни подтасовок, ни использования административного ресурса наши наблюдатели не обнаружили, а в РФ благодаря всему этому ситуация все-таки более предсказуемая. Так что, как мне кажется, особо волноваться не стоит.

— И когда по нашему календарю будем учинять историческую встречу? — поинтересовался император.

— Где-то в районе рождества, — предложил я, — чтобы не частить с порталами. А то вдруг придется открывать два подряд? Так что пока лучше устроить перерыв, благо и внутренних дел вполне хватает. А ты его речи, всякие там интервью почитай и посмотри, но то, что про него всякие популизаторы писали, хоть и довольно талантливые, лучше не надо, может создаться предвзятое мнение.

— В знак аванса при заключении союзов принято присваивать той стороне титулы, — заметил Гоша, — может, на всякий случай дать ему графа?

— Многовато будет для аванса. А вот что-нибудь курильское — Маш, ты королева или кто — можно присвоить. Гауграфа, например.

— Откуда ты откопал-то такое? — удивился император.

— А, — махнул рукой я, — книжку одну бесконечную читал в поезде. Автора помню — Старохамский, а вот название уже подзабыл — не то «Длинные Ноги», не то «Загребущие Руки».

Глава 35

Тот, кто подумает, что мне совсем чуждо высокое искусство поэзии, ошибется. Нет, сам я стихов не писал уже пятьдесят с гаком лет, а в чужих всегда разбирался не так чтобы уж очень, но все-таки со мной иногда случалось прочесть стишок-другой, а благодаря хорошей памяти почти все прочитанное запоминалось. И вот теперь, озаботившись одной окологеологической проблемой, я почти сразу вспомнил:

«Поэзия — та же добыча радия. В грамм добыча, в год труды. Изводишь единого слова ради тысячи тонн словесной руды».

К сожалению, на этом мои знания о добыче радия кончались, поэтому для начала я полез в имеющуюся на ноутбуке энциклопедию, чтобы хоть представить, что искать в интернете на ужине у величеств. Прочитанное меня обрадовало, потому как оказалось, что радий в основном содержится в урановых рудах — правда, как и предупреждал Маяковский, в совершенно мизерных количествах. Но это как раз хорошо, потому как на самом деле добывать-то мы будем уран, но это слово было запрещено к произнесению как в Радиевом институте у Иоффе, так и на строящейся шахте недалеко от Кривого Рога, где и планировалось развернуть добычу. То есть для всего мира там будут добывать радий, который и станет изучаться в соответствующем институте. Правда, именно в тех рудах содержания искомого радия, судя по статье, было практически неотличимо от нуля, но это означало только то, что в образцы, которые Максим Максимович Рейли передаст своим английским хозяевам, его придется добавить. Поставив закорючку с вопросом «где взять?», я перешел к следующему пункту повышения своего общеобразовательного уровня.

В процессе подготовки к визиту запортального премьера Гоша, прочитав его интервью и выступления, теперь изучал и его биографию. Мне тоже предстояло нечто подобное, только вот биографию требовалось учить не премьерскую, а свою. И перед изучением, что немаловажно, надо было еще и выбрать из нескольких десятков имеющихся наиболее приличную. Так что, тяжело вздохнув, я раскрыл специально подготовленную информбюро толстую папку «Г.А.Найденов. Жизнеописания» и погрузился в захватывающие дух похождения этого персонажа.

С самого своего появления в этом мире я всегда отказывался разговаривать, а уж тем более что-то писать о своем прошлом — иногда вежливо, а чаще не очень, так что все к этому давно привыкли. Однако не мешал появлению разнообразных слухов и домыслов, которых за десять лет накопилось уже очень и очень немало. Среди них были и довольно экзотичные — например, что я марсианин. Но большого распространения именно этот вариант не получил, потому как стараниями Уэллса образованная публика уже знала, как выглядят марсиане, и при всем желании не могла найти во мне ни малейшего сходства с каноническим образом, а необразованная была не в курсе ни о существовании Марса вообще, ни тем более марсиан в частности.

Но такого рода истории в лежащую передо мной папку не попали — там были только более или менее связанные и хоть чем-то подтвержденные сюжеты. Например, фотография, где я обнимаю спасшего меня из волн Индийского океана старпома английского земснаряда, каковое событие произошло весной тысяча восемьсот семьдесят первого года, выглядела весьма убедительно — несмотря на то, что я там был снят со спины, просматривалось определенное сходство. Да и дальнейший текст про то, как я несколько лет работал ассистентом у Пастера, а потом из-за любовной истории с неназванной герцогиней

вынужден был отправиться в Мексику, тоже был не лишен некоторых литературных достоинств, но чем-то мне этот вариант не нравился. Наверное, герцогиней — еще не хватало кучи писем от престарелых баб с вопросами «а помнишь ли, дорогой...». В общем, пролистав еще пару сюжетов, я остановился на более или менее подходящем. Он был неплохо подтвержден аж тремя документами, причем абсолютно подлинными. Первый свидетельствовал, что в лето тысяча восемьсот шестьдесят четвертое от рождества Христова некий Андрей Найденов принял постриг в Оптиной пустыни, став отцом Мелхиседеком. Второй был письмом настоятеля, где мельком упоминалось о том, что на подворье монастыря имеются какие-то отроки. Третий же документ извещал о кончине отца Мелхиседека, произошедшей в восемьдесят шестом году. На основе этих материалов и была реконструирована моя биография, как внешний вид синантропа по паре мелких костей, впоследствии, кстати, пропавших.

Итак, родился я в сорок шестом году, в семье отставного поручика. Когда мне было пятнадцать лет, мать умерла, а отец ушел в монастырь послушником, куда пристроил и меня. Но через пару лет я сбежал, а потерявший последнюю привязку в мирской жизни отец подался в монахи. Я же связался с какими-то революционерами, в результате чего через год вынужден был покинуть Россию, ну и так далее, причем не без правдоподобности.

Решено, подумал я, за основу принимаем именно это. Значит, пусть информбюро придумает описание еще пары-тройки документов, полиграфическому отделу изготовить их будет нетрудно — чай, не российский паспорт образца двадцать первого века. В частности, что-нибудь про мою мать, и чтобы имя мне не забыли сообщить. Да, и надо попросить Гошу объявить амнистию по политическим преступлениям, совершенным до шестьдесят шестого года — вот тогда ни у кого точно сомнений не останется.

Эта история импонировала мне еще и тем, что она неплохо ложилась на представления Мари о моей биографии.

Как уже неоднократно упоминалось, врать я не люблю. Приходится иногда, конечно, но я стараюсь, чтобы это было как можно реже. Поэтому мой рассказ Мари, кто я такой и откуда взялся, лжи не содержал. Например, своих предков я знал только по отцовской линии, мать была сиротой. И, значит, мой дед со стороны матери мог быть кем угодно, в том числе и тем, кто впоследствии приобрел известность как горный старец. Ну так он, дождавшись, пока мне окончательно не осточертеет в том мире, открыл дорогу в этот. Скажете, брехня? А кто тогда ее открыл — вы точно можете сказать, что не он? Вот и я не могу, а значит, данное событие проходит по разряду весьма вероятных. Кстати, Мари была уверена, что я или не в курсе, или лукавлю, но родился я в ее мире, а вовсе не в той клоаке, которая находится по ту сторону портала! Потом же как-то попал туда, а одиннадцать лет назад просто вернулся на родину. Ее убежденность базировалась на глубочайшем отвращении к тому миру, полученному в результате нескольких часов просмотра телевизора. После этого никаких просьб показать ей тот мир не было, и через портал она всегда ходила на несколько секунд, исключительно в медицинских целях. Так что теперь, узнав о скором прибытии гостей с той стороны, она вполне серьезно предложила мне устроить базу для их приема на земле Найденова — я уже выяснил, что здесь так называли средний остров Северной земли.

— Им все равно, — пояснила Мари, — нам, конечно, там будет менее удобно, но твоя авиация непрерывно прогрессирует. Зато никуда они оттуда не денутся, а в Питере чуть не уследишь — и расползутся, как тараканы! Лови их потом.

В общем, очередной ужин с величествами мы посвятили обсуждению этой проблемы и быстро сошлись на том, что вопросы следует решать в порядке их важности — то есть первым делом согласовать нашу стратегическую линию. И начать следовало с попыток спрогнозировать, что конкретно и на каких условиях могут захотеть наши гости.

— Мы для них весьма привлекательный инвестиционный объект, — озвучила общую ситуацию Маша. — Даже просто кредит очень выгоден — мы же спокойно можем брать под тридцать процентов их годовых. Но это скорее для личных сбережений, потому как

государству выгоднее инвестировать в промышленность. Тут ведь четкая закономерность — чем больше время выхода на самоокупаемость, тем рентабельнее получается производство. Например, завод можно построить не спеша за пять лет или аврально за год, и первый вариант в абсолютных цифрах будет выглядеть дешевле. Но как прикинешь, что могли дать в другом месте связанные тут на длительный срок средства... Но для них тут это работать не будет. Так что вполне они могут не спеша построить тут заводик по производству чего угодно, а через год завалить его дешевой продукцией весь мир, у нас же пройдет как минимум двадцать лет, если не пятьдесят.

— Думаю, именно это они нам и предложат, — кивнул Гоша, — и я даже могу довольно точно сказать, како — Протащишь, — возразил я. — Сверхскоростной поезд с вагонами точно под размер портала. Он разгоняется, пролетает портал и тормозит уже здесь. Я прикинул — получается порядка двухсот тонн в секунду, а ведь большой портал мы можем спокойно держать три минуты.

— Тогда, пожалуй, да... Но ведь у них наверняка возникнет мысль о том, что, получив их же технологии, мы двинем туда наводить свои порядки, а значит...

— Это они наверняка обдумали в первую очередь, и то, что нам предлагают встречу, говорит о том, что решение уже принято. Сам посуди — портал возможен, это раз. Время у нас течет быстрее, это два. Выходит, что даже если прекратить все контакты и жестко давить любые наши попытки проникновения туда, то все равно когда-нибудь мы их обгоним настолько, что любые доступные им методы противодействия станут неэффективными. Значит, что? Надо постараться понять механизм работы портала, а это возможно только вблизи него, и чтобы он при этом почаще открывался. Ну, и на тот случай, если не получится, надо заранее установить с нами нормальные отношения, потому что пока время у нас течет быстрее, то и все козыри у нас. Вот как-то так мне это представляется, — закончил я.

— Согласен, — кивнул Гоша, — и хочу добавить, что, хоть это вроде и логично, но даже намекать на возможность им в случае чего сбежать сюда с детьми и сбережениями мы не будем.

— На первой встрече, да еще и с премьером — конечно. А потом, в рабочем порядке, Танечка это тому же Никонову вполне сможет намекнуть на ушко.

— Ладно, — подняла голову от своих заметок Маша, — а что мы захотим получить от них? И что получим?

— Да то же самое, — пожал плечами я, — инвестиции технологиями и специалистами в нашу промышленность. Вопрос будет только в том, как это будем делить — ну, тут торговаться нужно долго и вдумчиво. А все остальное — это ведь мелочь, по сути дела.

— Я вот что имела в виду, — пояснила Маша. — Вот едет, значит, через портал этот самый поезд. Не обязательно первый, пусть десятый или сотый... А в нем водородная бомба. Ясно? В общем, пока мы не придумаем способ противодействия таким подаркам, я предлагаю не проводить даже первую встречу.

— Ну, безопасность первой-то обеспечить нетрудно, — возразил я, — на территорию участка пропустить только двоих без багажа, и все. Да и в дальнейшем это решаемо, как организационными средствами, так и техническими. Поезда будут формироваться и управляться нашими людьми на той стороне, тогда хоть сколько-нибудь большой заряд не засунешь. И ждать таких подарков нужно не сразу, а только когда они, изучив наши возможности по открыванию, стопроцентно убедятся в невозможности ответного шага. А то ведь, даже если у нас и нет ядерной бомбы, грузовик с обычной взрывчаткой прямо в квартиру наверняка покажется ничуть не хуже. Ну, а насчет технических способов... Гоша, послезавтра с утра жду тебя в Гатчине — я тут кое-что придумал, надо будет попробовать применить.

— С утра — это в двенадцать или ближе к двум? — усмехнулся император.

— Нет, в девять.

— Ого! Значит, точно придумал что-то выдающееся. Ладно, жди, опаздывать я не буду,

потому что устроить пробку в Питере до сих пор почему-то ни у кого не получалось. Даже обидно — ну ни малейшего повода повесить на лимузин сирену с мигалкой!

— Тебе еще рано, президент пока у нас только Маша, вот ей, пожалуй, я действительно прилеплю такие прибабасы. А ты просто император, надо было лучше к предвыборной кампании готовиться. Где ты видел, скажи мне, чтобы император или даже король разгонял своих подданных синими вспышками и истошным завыванием? Это характерно только для слуг народа, так что пока обойдешься.

В назначенный срок, минута в минуту, его величество оказался у меня в кабинете и спросил:

— Ну?

— Сядь, расслабься, кофе вон возьми или минералки, а потом давай маленько предадимся воспоминаниям. Вспомни, как мы открывали портал, когда Витте, царство ему небесное, надо было убедить, что это делает Найденов путем нажатия кнопки на некоем пульте? Ты просто сидел в соседней комнате перед монитором и динамиком. Так вот, из этого кабинета обычным способом порталов мы наоткрывали достаточно. Теперь пошли в мою комнату отдыха, мониторы там уже стоят, а камеры направлены вот на эту стену.

Мы прошли, сели открыли — для экономии сил не полноразмерный, а микропортал.

— Вот так, — резюмировал я, — то есть вполне достаточно просто ясно себе представлять обстановку тут и там. Теперь возвращаемся обратно, в программе еще один интересный эксперимент. Готов? Открываем микропортал в коттедж, мне надо кое-что сказать девочкам. Все, сказал, закрываем. Теперь — еще один микро, только в Уссурийск, и держим его десять минут.

Через десять минут, закрыв дырку, я сообщил:

— Теперь я пью кофе, а ты делаешь что хочешь. Попью — и попробуем открыть снова на Торбеево.

Попытка удалась частично — микропортал диаметром в пару сантиметров открылся, но превратить его в обычный нам не удалось. Собственно, чего-то подобного я и ожидал, поэтому, подойдя к дырке, одним глазом глянул на картину за ней. В зоне видимости была вынесена вся мебель, а стены покрашены в оранжевый цвет.

— Теперь ты полюбуйся — отодвинулся от порталчика я.

— Это они за десять минут? — удивился Гоша.

— Конечно, они же из баллончиков красили, чувствуешь, как воняет? Ну вот, теперь, когда ты видел обстановку на той стороне, пробуем еще раз. Пошла? Точно, расширяется! Ну, а теперь закрываем и снова садимся отдыхать, в процессе чего ты можешь попутно начинать восхищаться моей гениальностью. Понял хоть, что мы с тобой только что сделали?

— Да, мы открыли портал в место, которое сильно изменилось с предыдущего открытия. Оказывается, дело было не в изменениях, а том, что мы просто не представляли себе состояния места после них. Но как же мы смогли открыть маленький?

— Стена, где он образовался, оставалась нетронутой, и маленький кусочек напротив него, который мы видели от стола, тоже.

— А потом подошли поближе и увидели больше...

— Правильно. Ну, а теперь едем в Вольфшанце, там стоит еще один комплект аппаратуры, на которой мы сможем наблюдать эту же самую стену кабинета. Как думаешь, оттуда здесь откроем или нет?

Глава 36

Но, кроме приближающихся потусторонних контактов на высшем уровне, и по эту сторону портала происходило много событий, требующих самого пристального внимания. Главным из них было то, что премьером Англии стал Черчилль, причем король Эдик даже не пытался протестовать — его специально предупредили, что сейчас не тот случай. И на

первом же заседании кабинета министров новый премьер озвучил свой курс. Где-то примерно через неделю, сравнивая сведения из разных источников, я уже более или менее точно представлял себе, чего наговорил Уинстон Рэндольфович.

— Попытки непрямых действий себя исчерпали, — заявил премьер, — и пора решать, будем ли мы предпринимать решительные шаги или смиримся с утратой Великобританией своих ведущих позиций. Надеюсь, что здесь собрались только те, у кого в этом вопросе не возникает никаких колебаний.

Колеблющихся действительно не было, ибо против пары таких Черчилль на днях ухитрился-таки возбудить уголовное дело по поводу афер с золотыми акциями.

— Теперь по относительно проекта сэра Коллингвуда, — продолжил премьер. — Вкратце — нам предлагается втянуть Россию в соревнование вооружений, тут даже употребляется слово «гонка», которую Россия якобы проиграет. Однако должен заметить, — Черчилль обвел взглядом собравшихся, — что в гонках Найденов разбирается едва ли не лучше всех присутствующих, вместе взятых. И пока по качественным показателям мы находимся в роли догоняющей стороны. Кто-нибудь может назвать хоть один вид вооружений, который есть только у нас? К сожалению, все наши усилия сейчас связаны с тем, чтобы всего лишь не отстать от России в области новых образцов — а это значит, что гонку мы проиграем, догоняющий ее всегда проигрывает. Да, количественно мы их превосходим. Не надо мне напоминать, я был на черногорской войне, где наших самолетов было в два раза больше, чем русских, а кончилось все просто разгромом. Но это значит только то, что двукратного численного превосходства мало! Там, где оно было четырехкратным, чаша весов начинала клониться в нашу пользу. И я предлагаю — не медлить! Пока мы еще можем обеспечить подавляющее количественное превосходство в воздухе и на море, но через три года оно перестанет быть подавляющим, а через четыре исчезнет вовсе! Сомневающиеся могут сами сравнить динамику прироста производства у нас и в России.

Дальше пошли возражения насчет того, что у русских может оказаться страшное оружие вроде эфирных бомб.

— Может, — согласился Черчилль, — а про малые это уже можно сказать точно — их выпускают серийно и даже начали поставлять немцам. Могу сказать, что не вижу в этом большой опасности. Война с таким серьезным противником, как Россия, может быть выиграна только при полном напряжении сил всей нации. Попробуйте сейчас сделать так, чтобы любой лавочник был готов отдать для победы все свои деньги, а любой солдат — жизнь. Получится? А когда на наши города сверху посыпятся бомбы, это произойдет само собой. Промышленные же центры можно прикрыть плотной ПВО — расчеты показывают, что это реально. Теперь про большую бомбу... Похоже, что для ее изготовления нужен радий. У Найденова откуда-то был запас, но он ушел на изготовление первой, испытанной на Тунгуске. Сейчас русские предпринимают серьезные усилия для резкого увеличения добычи, даже пытаются договориться с Австрией о эксплуатации чешского месторождения, и это еще один довод за то, что тянуть больше нельзя.

В общем, в результате трехчасового совещания было все-таки решено всемерно форсировать подготовку к большой войне.

За океаном же состоялась еще одна встреча. Присутствующих там было намного меньше, и изучал я ее не по отрывочным сведениям, а по качественной магнитофонной записи. И услышал я там вот что:

— Генри, спасибо, что откликнулись на наше с Уильямом приглашение. Думаю, что преамбулы тут излишни — все мы в курсе только что произошедших в Лондоне событий. Но и в Нью-Йорке тоже начали проявляться интересные тенденции... Рокфеллер, младший Морган и Вартбург окончательно определились — они за большую войну в ближайшее же время. И нам, представляющим собой здоровые силы американского делового мира, следует

подумать, как не дать осуществиться планам этой банды.

— Вы, Мозес, настолько подвержены идеям пацифизма? — усмехнулся Генри Форд.

— Я подвержен всего одной идее — не люблю, когда лезут ко мне в карман, — ответил Альперович, — а им нужна война именно для этого. Вот в качестве примера — Уильям, с вами же только что договорились о резком увеличении выпуска самолетов, забыл, как у вас русские «Кошки» называются...

— «Боинг 17», и это наша разработка, несмотря на некоторое внешнее сходство.

— Ну, извините, если нечаянно обидел. И позвольте в качестве компенсации сделать вам небольшой подарок — вот папка с материалами, из которых следует, что в результате выполнения данного заказа фирма «Боинг» перейдет под контроль «Кун и Лееб». На «Форд» давно облизываются Морганы, думаю, что вы, Генри, в курсе. К сожалению, детального плана их действий у меня пока нет, но в общем это сомнений не вызывает. Мои деньги тоже кое-кому покоя не дают, думаю, это понятно. Так что я предлагаю подумать, как сделать так, чтобы афера этих господ закончилась поражением. Ну, и чтобы по его результатам мы могли как минимум компенсировать свои затраты на его подготовку.

— Вы предлагаете не предотвращать войну, а способствовать военному поражению нашей страны? — с видимым неудовольствием спросил Форд.

— Разве я это говорил? Поражением должна кончиться их война против нас! И не только нас, в Америке последнее время возникло немало крупных состояний, не подконтрольных старой группе, и программа-максимум предусматривает разорение большинства из них. А собственно боевые действия — это просто способ достижения цели. Последовательность действий будет такова — война приведет к инфляции, что создаст благоприятную почву для реализации давней мечты Рокфеллеров и Морганов — образованию некой частной структуры, которая от имени деловых кругов Америки начнет кредитовать ее правительство. Следующий шаг — эта структура получает право эмиссии денег.

— Это невозможно! — заявил Уильям Боинг.

— Это вполне возможно и обдумывается уже третий год, — возразил Альперович. — Более того, лично я не вижу в такой организации ничего плохого, если она действительно будет выразителем интересов всех деловых кругов Америки. Но нас туда и близко не подпустят, можете не сомневаться.

— Хорошо, пусть так, — не стал возражать Форд, — но как они смогут повлиять на состояние дел на моих, например, предприятиях? Я ведь не пользуюсь кредитами, как вам известно.

— Пожалуйста, вот вам сценарий. Предположим, та банда снижает процент, под который она дает деньги правительству. Результат — рост деловой активности на кредитной основе. Брать в долг становится выгодно! Все занимают у всех, за счет чего происходит всплеск покупательной способности населения. И вам придется увеличивать объемы производства, чтобы успеть за спросом. Вы сможете сделать это без кредитов? Даже если у вас это и получится, то у ваших поставщиков — точно нет. Естественно, что такая политика вызовет рост государственного долга, и под этим предлогом в один прекрасный момент банда поднимет свой процент — резко, в разы. Это значит, что в экономику практически перестанут поступать новые деньги. Все должники очень быстро становятся банкротами, и вы тоже — кому будут нужны ваши автомобили и самолеты в даже старых объемах, не говоря уже о том, что на волне всплеска спроса вы до донышка вложите в увеличение объемов производства! Вам просто нечем станет платить — ни зарплату, ни налоги, ни аренду. После этого смена владельцев у ваших предприятий — это вопрос времени. Возможно, вас и оставят на каких-нибудь бутафорских должностях, ведь Форд — это все-таки зримое воплощение американской мечты. А может, и не оставят...

— И что вы предлагаете?

— Главное — понять, что ситуация очень серьезная, речь идет о нашем выживании, и быть готовым к достаточно крупным вложениям. А в качестве первого шага — создать

совместный орган, некую постоянно действующую группу экспертов, которая будет отслеживать ситуацию и готовить свои рекомендации.

— И как вы оцениваете сроки, оставшееся у нас до начала таких событий?

— Сколько осталось до ввода в эксплуатацию Панамского канала? Некоторые утверждают, что всего год. Вот это и есть время, которое имеется в нашем распоряжении.

Кое-кто из читателей может удивиться — а с какого боку тут оказался Боинг? В конце десятого года — величина с Фордом совершенно несравнимая. Но это у вас, а у нас он занялся авиацией сразу после японской войны, практически одновременно с Райтами, и сделал ставку на лицензионные копии наших «Тузиков», а Форд производил моторы для них. Но настоящий успех пришел к фирме после запуска в серию «летающего автомобиля» — по сути, того же «Тузика», но с закрытым салоном, на таком аппарате я катал Форда в Питере. Затем потихоньку пошли и свои модели, хоть и не без влияния соответствующих наших. В общем, теперь Боинг хоть и не дотягивал до Форда, но все же был примерно на его уровне.

Да, похоже, совсем недолго осталось, — подумал я, выключая магнитофон. И, значит, пора выбивать из величеств средства на дополнительные укрепления. Придется еще объяснять, почему их надо строить не в Польше, а в Прибалтике.

Собственно, Польша тогда представляла собой нечто вроде Чечни в нашем мире — вроде и входит в состав России, но иногда приходят мысли, что лучше бы и не входила! Во всяком случае, чужую страну можно спокойно обрабатывать бомбардировщиками, а на своей территории это несколько неудобно. В Польше работали треть жандармского корпуса и четверть шестого отдела, и все равно у меня не было ни малейших сомнений — в случае войны в спину нашим солдатам будут стрелять чуть ли не с каждого чердака. То есть исходить следовало из того, что в любом случае нашим войскам там придется действовать в условиях окружения — неважно, кем оно будет фактически осуществлено, противником или местным населением. А останавливать противника надо будет восточнее, но к этому следовало заранее подготовиться. Хорошо хоть сама идея сдать австрийцам часть нашей территории не вызвала у Гоши полного отторжения. Но зато за каждый километр на карте он отчаянно торговался, так что я уже подумывал о вызове помощи из недавно образовавшейся дружественной страны с президентом Машей во главе. Ну, а если серьезно, то пора было уже приступать и к идеологической мобилизации страны, которая должна будет начаться с речи императора. Никаких, блин, малой кровью и на чужой территории! Пусть раза три подчеркнет, что это будет тяжелейшая война против всего старого мира, которому не дают покоя успехи новой России. И там не пожалеют ничего, чтобы нас уничтожить. Да, чуть не забыл — пусть шестерка начинает готовить ликвидацию Пилсудского — хватит, отпрыгался, тут у нас скоро война начнется. Да и Дзержинский последнее время ведет себя подозрительно... Вот ведь до чего люди неблагодарные — без моего вмешательства сидел бы он сейчас как миленький на каторге! Так не живется ему спокойно в Женеве, все на подвиги тянет. У него, кажется, были какие-то проблемы с сердцем? В общем, пусть Танечка поручит разобраться, последнее время у ее девочек получают не инфаркты, а прямо произведения искусства. Однако не будем нарушать самим же установленные правила — ставим две галочки в блокноте, особого пожара пока нет. Если завтра мое мнение не изменится — на бумажке появится резолюция «к исполнению».

Не так давно были утверждены общие направления планов будущей войны — на своей границе мы только обороняемся, а основные усилия прилагаются к тому, чтобы как можно быстрее вывести из войны Францию. Сейчас Шлиффен разрабатывал план имени себя, который, по сути, представлял комбинацию его плана из нашей реальности и плана вермахта от 40-го года. Основная масса немецких войск должна была начать наступление через Бельгию, но теперь было и второе направление — удар подвижными частями через Арденны, в котором должна была принять деятельное участие конно-механизированная группа Богаевского, в преддверии чего Африкан Петрович уже полгода поправлял здоровье

на курортах Баден-Бадена. Правда, во Францию тоже начали потихоньку прибывать всякие экзотические британские туристы — не то сипаи, не то гурки, не то вообще хрен знает кто. И сама Франция тоже не отставала, вербуя в Африке чуть ли не всех подряд. Ну, а нам японцы обещали в случае нужды подкинуть от пары дивизий до армии.

От размышлений меня отвлек писк селектора — сообщение от дежурного по этажу. Я ткнул в тумблер и услышал слегка растерянный голос:

— Георгий Андреевич, ваша кошка... Ей плохо.

— Понятно, иду, — отодвинул стул я. В общем, мне действительно было понятно — последний месяц моя спутница из того мира сильно сдала. Она перестала бегать по дворцу и в основном спала, иногда слегка подергивая лапами — наверное, ей снились наиболее выдающиеся эпизоды ее долгой жизни. Двадцать четыре года — по кошачьим меркам это много, но не предел, однако последнее путешествие через портал, которое я ей устроил сразу по появлению первых признаков наступившей старости, не помогло. Да, похоже, дела тут обстоят примерно как в медицине — то есть если пациент хочет жить, она бессильна. А если не хочет, то бессилён и портал.

При моем появлении кошка слегка повернула голову и попыталась мяукнуть — мол, извини, хозяин, что оставляю тебя одного... Я сидел и смотрел, как ее короткие вдохи становятся все более редкими. Когда они прекратились, я встал и приказал маячившему за спиной дежурному:

— Похоронить у пруда, рядом с беседкой. Сами решите, кто сделает проект памятника, представить его мне не позже послезавтрашнего вечера. Никакого авангардизма, это должна быть просто моя кошка в натуральную величину.

Придя в кабинет, я первым делом поставил еще по галочке в блокноте, что означало — подтверждение решения по данным персоналиям нужно не только завтра, но и послезавтра. А потом от греха подальше убрал его в сейф — настроение было таким, что, поддайся я ему, в блокноте сразу будет заполнена еще одна страница, если не полторы. После чего подумал — а не перенести ли на завтра запланированный на пять вечера визит одного вроде как дипломата? «Вроде как» — это потому, что никаких официальных дипломатических отношений с Китайской Республикой у нас не было — а имелось состояние войны, да и то одностороннее. То есть эти деятели до сих пор не удосужились нам ее объявить — сначала просто из-за отсутствия МИДа, а потом, видимо, из-за своей врожденной китайской неторопливости. Но парламентарии от Суня, с которыми обсуждались вопросы численности подлежащих пленению, а также финансовые, прибывали регулярно. Однако этот имел, как говорилось в сопроводительном документе, «особые полномочия для обсуждения важнейших вопросов, касающихся дальнейших взаимоотношений двух держав».

Нет, решил я, откладывать не нужно. Результаты встречи могут повлиять на решение вопроса о приоритетах работ на Транссибе, а совещание величеством на эту тему завтра. Значит, чтобы не было поспешности в принятии решения, с китайцем надо беседовать сейчас, тем более что вопрос, как это делать — поласковой или пожестче, решил в пользу последнего пункта.

Гость, едва закончив с выражениями глубочайшего почтения, испытываемого ко мне как им лично, так и господином президентом китайского народа, тут же перешел к неприкрытому шантажу:

— В преддверии серьезных трудностей, ожидающим Российскую империю в ближайшем будущем, Китай готов подтвердить свой нейтралитет — правда, при условии вывода с его территории иностранных войск.

Примерно с полминуты я раздумывал, чем грохнуть по столу — ладонью или кулаком? Потом решил, что для начала лучше ладонью, проделал это и сообщил китайцу:

— Со своими трудностями Россия разберется сама. А вам я бы посоветовал обратить внимание на трудности Китая, как более близкие по времени. Вашему руководству не приходило в голову, что перед большой войной Четверка захочет обеспечить себе надежный тыл? А по результатам последних экспериментов можно сделать вывод — самый спокойный

тыл получается после обработки его эфирными бомбами. Того их количества, что у нас есть, хватит для дезинфекции местности на двести километров от манчжурской границы. Вот именно это и случится в ближайшее же время, если ваше руководство не встанет на реальные позиции. А они таковы... Никуда японские войска не уйдут с Квантуна, про это забудьте, как и про Корею. Вот пойдут ли дальше — это уже от зависит от вашей сговорчивости. Если Китай станет союзником Четверки, то, естественно, его теперешние границы будут признаны всеми ее членами. А союзничество — это не военная помощь, не нужна нам она от вас, но участие ваших граждан в необходимых работах. Причем им-то платить будут по-прежнему, а вот экономическая помощь вашей республике прекратится до победы в грядущей войне, так и передайте господину президенту.

Вряд ли Сунь будет сильно упираться, подумал я — на продажах английского оружия в Индию он и сейчас неплохо зарабатывает, а с официальным прекращением войны и после демобилизации большей части армии суммы, скорее всего, заметно возрастут.

Глава 37

Очередной ужин у величеств начался с обсуждения наших дальнейших планов относительно Транссиба, но оно вышло недолгим, так как разногласий по этому вопросу не обнаружилось. Суть же его была в том, что по плану ввод в строй северного участка, полностью проходящего по нашей территории, должен был произойти осенью двенадцатого года И надо было решить, продолжать ли ориентироваться на этот срок или малость его отодвинуть, а высвободившиеся силы пустить на повышение пропускной способности манчжурского участка. Так как и Гоша, и я были за второй вариант, то он и был принят.

— Ладно, с этим все, — подытожил император, — а ты слышал, кому японцы поручили сформировать экспедиционную армию?

Эта армия предназначалась для действий на континенте, а вот в Манчжурии или в Европе, будет зависеть от обстановки.

— Конечно, — кивнул я, — мне это Токигава еще месяц назад говорил.

— И что ты по этому поводу думаешь?

— А чего тут думать? Маресукэ Ноги — вполне приличный генерал, и его я хотя бы знаю.

— Так ведь он собирался себе харакири сделать после провала штурма перешейка, но император не разрешил, — заметил Гоша, — думаешь, после такого он сможет нормально командовать? Хотя, конечно, генерал волевой, чем-то он мне вашего Жукова напоминает.

— А вот мне — не очень, — возразил я, — в манере воевать, может, и есть что-то похожее, но люди это совершенно разные. Кстати, и в нашем мире он просил у императора разрешения на самоубийство, хотя там он взял Порт-Артур, а после этого еще и Мукден. Знаешь, почему? Совесть ему покоя не давала! Положить десятки тысяч солдат в штурмах по приказу императора — это его долг, который он выполнил, а вот права жить после этого он за собой не признал. На перешейке, кстати, оба его сына погибли, причем младший в последний день, во время ракетного обстрела. А отличие Ноги от Жукова в том, что у того после войны и мысли не возникло, что он виноват в как минимум сотнях тысяч лишних смертей — ладно там застрелиться, даже в отставку не попросился! Еще обижался, когда его в Одессу, а потом на Урал задвинули. Это, так сказать, первое. А второе — ты можешь себе представить, что Ноги после смерти микадо начнет лить на него грязь? Вот именно, и я тоже не могу. Ну, а то, что после войны он наверняка харакири сделает, если доживет — это нам надо просто иметь в виду как данность.

— И куда мы эту армию отправим, если обстановка в Манчжурии позволит?

— До конца еще не уверен, но почему-то мне кажется, что в Польше ей будет самое место. И приказ — ни шагу назад.

— Да..., - протянул Гоша, — это еще надо подумать. — А у меня тебе небольшой сюрприз — помнишь, я отправлял тройку своих стажеров-комиссаров на ревизию твоей

финансовой деятельности?

— А как же, отлично помню, мне еще пришлось Танечку сдерживать, а то у нее на них уже какие-то планы начали появляться.

Смысл этой операции был в том, что Гошины комиссары постоянно мониторили высшее и среднее чиновничество на предмет финансовой чистоплотности. И я как-то раз возмутился, что проверяют всех, кроме меня, и потребовал прекращения этой дискриминации. Ну, Гоша и отправил ко мне бригаду, причем даже еще не комиссаров, а кандидатов в таковые — собирать материал для диплома. Похоже, молодые люди что-то нарыли... Даже самому интересно — на сколько я проворовался? Так я у императора и спросил.

— За десятый год выявлено нецелевое расходование средств общей суммой девятьсот одиннадцать тысяч рублей, — объявил мне Гоша.

— Ого! Слушай, а они у тебя случаем пару лишних нолей туда не приписали? Что-то уж получилось больно много. Может, они рубли с копейками перепутали?

— Увы, нет, я проверял, — со скорбным лицом сообщило мне величество, — наоборот, мне эта сумма показалась даже несколько заниженной. Да ты не волнуйся — она со знаком минус!

— А по-русски?

— Для неграмотных поясню — минус перед числом означает, что оно отрицательное. То есть ты украл у государства минус девятьсот с чем-то тысяч. Вот нагло так взял и вложил в бюджет личных средств почти на миллион.

— Опять не помню, когда это со мной такое было. Пример можно?

— Да сколько хочешь. С чего ты решил, что музей истории авиации — это твое личное дело? Оно государственное! А ты размахнулся и вбухал туда полмиллиона.

— Это потому, что я покровитель культуры и вообще меценат.

— Да? А мне показалось, что ты жмот и индивидуалист. В общем, ладно, уже вложенное оформим как добровольное пожертвование, а музей передавай на мой баланс. Но тут же таких примеров полтора десятка, вот возьмем самый последний. Почему ты расходы на памятник своей кошке провел из личных средств?

— Потому что это была моя личная кошка!

— Ошибаешься. Она уже стала частью российской истории — и в газетах про нее писали, и даже остров в честь нее назван. И зря ты, по-моему, ее вашим ветеринарам не показал — не сам, понятно, а сходили бы с ней девочки в лечебницу, может, и помогло бы.

— Слушай, величество, ты меня сегодня уже достал. Не было в программе тамошней группы никаких визитов к ветеринарам! И, значит, только из соображений поправить здоровье своей кошке я их вносить не мог. Как я, по-твоему, дальше бы визировал несчастные случаи за злоупотребления, если бы сам этим же занимался? Да и не помогло бы это, я ее давно уже как себя понимал — она просто жить устала.

— Вот только поэтому я не вмешивался, — усмехнулся Гоша, — но ты, пожалуйста, учти, что твое настроение — оно тоже в какой-то мере государственный фактор. Небось убрал с глаз долой свой блокнотик, чтобы с расстройства не внести туда кого-нибудь лишнего — я правильно догадался? Ну вот, а вдруг за эти дни, что у тебя пауза, кто-нибудь из кандидатов на внесение туда еще что-нибудь учинит?

— Чего это тебя сегодня на какие-то странные проблемы потянуло? — поинтересовался я.

— Да обидно просто! Государство — оно наше, а ты себя с ним ведешь так, как будто оно тебе чужое. Правда, не с тем знаком, что принято в основной массе чиновников, но все равно это неправильно.

— Так я что, когда-нибудь ангелом прикидывался? У меня есть недостатки, в том числе и тобой упомянутый. А вообще-то это такой случай, где лучше перебдеть, у меня вообще иногда появляются мысли, что склонность к воровству среди высшего чиновничества надо рассматривать как неизлечимую профессиональную болезнь. То есть основные силы — на

профилактику, вот тут ни в коем случае нельзя недобдеть, я бы даже сказал — недобз... В общем, надо быть очень осторожным. Потому как если заразишься — все, попытки лечения до сих пор были малоуспешными, помогает только эвтаназия. Ладно, понял я твою точку зрения, так что прикомандируй ко мне своего комиссара, пусть он решает, где кончается мой карман и начинается государственный. И хватит об этом, лучше расскажи, чего это ты французов собираешься ко мне отправить? Они же вроде приехали по чисто техническим вопросам, связанными с выплатами по кредитам. Им, кстати, что, мало?

— И как ты догадался? Говорят, в связи с общей инфляцией цифры нуждаются в уточнении, — развел руками его величество.

— Ага, тогда это точно ко мне. Кстати, как по-французски будет «да»?

— Произносится как среднее между «уи» и «уй», но с чем ты собрался заранее соглашаться?

— Да со всем подряд. Как зайдут ко мне, я так прямо и скажу — уй вам! Не отстанут — уточню, куда именно. А вообще-то... это самое, у тебя тут фишмановка есть? Во-первых, надо помянуть кошку. А во-вторых — Францию. Потому как ко мне вчера пришли последние новости из Штатов, и картина получается та еще. Если страну, которая сама рвется в драку, еще до начала войны поделили по обе стороны будущего фронта, то остается только выпить за ее упокой. В том мире это была Россия, в этом мы такого не допустили, но, как выясняется, свято место пусто не бывает. По планам англо-американских друзей прекрасная Франция должна обломать зубы об немцев, после чего ее шкура делится на три равные части. Правда, среди союзников еще нет должного единства в вопросе — кому две части, а кому одна, но это непринципиально. Но сначала — пусть кошке земля будет пухом.

Мы выпили, закусили, помолчали, а потом выпили за Францию.

— По-моему, Шлиффен какой-то странный план сочиняет, — сообщил мне император.

— Отличный план — пять дней на мобилизацию, а потом всей массой ударить через Бельгию! Просто замечательный план, тебе на карте его уточнить или на пальцах? В общем, конфигурация изготавившихся наступлению войск будет прямо напрашиваться на удар с левого фланга. А учитывая, что там Эльзас с Лотарингией — думаю, французы не утерпят. Правда, в немецком Генштабе их агентов нет, только английские, но я не думаю, что предательство англичанами своей союзницы дойдет до того, что с ней даже не поделятся добытыми немецкими планами.

— Так это ложный план?

— Разумеется, настоящий еще в самой начальной стадии разработки. Основная идея — пусть французы в спешке наносят упреждающий удар, на главном направлении которого будет несколько укрепрайонов по образцу манчжурских. А когда наступающие выдохнутся — ударить, направления пока уточняются.

— А это случаем не деза, вроде твоей? — хмыкнул император. — Не больно-то мне верится, что англы планируют поражение Франции.

— Поражение — понятие растяжимое, иногда и победы бывают ничуть не лучше. По тем сведениям, что у меня есть, стратегический план войны таков. Сначала, как и говорилось, Франция теряет свою кадровую армию в сражениях с немцами. Им тоже приходится несладко, но они берут вверх, и тогда на стол выкладываются козыри в виде колониальных войск Англии и, возможно, каких-то американских частей. Австрия тем временем наносит удар на север, занимает Польшу и отрезает немцам железнодорожную связь с нами. Американцы разбираются с японцами, это у них уже давно планируется. Так вот, в этот момент, который планируется как патовый, немцам предлагают сепаратный мир. Как бонус — все французские колонии и, естественно, подтверждается статус Эльзаса с Лотарингией. Может, и еще кусочек от Франции добавят, это пока еще не решено. Таким образом, мы оказываемся без союзников, но в состоянии войны с Австрией, которая теперь может быть поддержана всей мощью Англии и частично — Штатов. Такую войну они могут вести и на измор, Австрию им тем более не жалко.

— А ведь Вилли может и согласиться, — заметил Гоша.

— Вряд ли. Во-первых, он все-таки в душе немного рыцарь, а мы всеми силами старались развить в нем это качество. Во-вторых, независимо от рыцарственности он не дурак и понимает, что полученное в результате одной грязной сделки может быть легко потеряно в результате другой, только с иным составом участников. Лучше уж взять себе то же самое по результатам победы, не ссорясь с нами, да и Вену присоединить в перспективе.

Гоша встал и в волнении прошелся по комнате.

— Слушай, но ведь тогда получается, что все висит на довольно тонком волоске здравого смысла Вилли, — вынес резюме он.

— Ну, в принципе так, но нам что, впервой висеть на чем-то не очень прочном? В японскую войну не лучше было. Однако планы, само собой, разрабатываются и на случай, если все пойдет по только что озвученному сценарию. Тут, правда, никаких особых побед не ожидается, выжить бы.

Минут пять Гоша сосредоточено грыз яблоко, а потом предположил:

— В таком случае начать войну должны американцы, чтобы Япония не смогла отправить нам подкрепления.

— Совершенно верно, — кивнул я, — и, между прочим, они приуменьшают степень готовности Панамского канала. Официально там еще два шлюза не достроены, а на самом деле неделю назад по каналу прошло первое судно — пока еще небольшая баржа, но все-таки. Так что в принципе война может начаться и этим летом, несмотря на то, что «Нельсоны» еще не будут готовы. Кстати, не исключено, что один все-таки будет... Да, а встречу с потусторонним премьером ты, кажется, окончательно решил перенести? До Рождества три дня.

— Действительно, не вижу причин спешить. И раньше-то я склонялся к мысли, что никакой военно-технической помощи нам от них к грядущей войне не надо, а уж теперь, когда выясняется, что начаться все может почти на год раньше... Я ведь правильно понимаю — противокорабельная ракета сама никого не потопит, для этого нужен грамотный расчет?

— Совершенно верно. И наших подготовить не успеть, а доверять такое дело ихним — ну его нафиг. Я, во всяком случае, против. Да и потом, сторона, начинающая дипломатические отношения с просьб, тем самым косвенно спрашивает, в какую позу ей лучше встать для получения партнером наибольшего удовольствия. Так что пусть сами предлагают, а мы подумаем. И, кстати, если откладывать, то до примерно до марта — я как раз успею организовать в московском особняке все необходимые следы пребывания там Найденова, ну и могилка тоже не должна быть совсем уж свежей, пусть хоть земля осядет.

— Какая еще могилка?

— Найденова из того мира. Их же предупреждали, что дедушка больной и старый? Вот, значит, пока они там собирались, он и преставился. Да, и ты тоже запомни: Найденов из того мира — правнук моего тамошнего аналога. Тамошний я погиб молодым, оттого и вся их история пошла каким-то раком. Так вот, этот правнук оказался моим полным двойником, что облегчило нам наводку самого первого портала. Это я не к тому, что мы им будем прямо так все выкладывать — пусть сами копают, по идее должны раскопать именно то, что я рассказал. Кстати, имей в виду, что интернет-трафик из Торбеева они наверняка отслеживают, да и из Уссурийска скорее всего тоже. Хотя ничего особого по нашим запросам не выяснишь, это я так, на всякий случай. Да, и еще насчет переноса сроков — тут дело не только в должном виде найденовской могилки. Вбей себе в планы раз в неделю, лучше по вторникам, поездки на полдня в Гатчину — будем тренироваться открывать большие порталы через маленькие. Конечный результат — наши люди любым способом разбрасывают по тому миру пустотелые якобы камешки, внутрь которых мы уже открывали дырку. И, значит, теперь надо, чтобы в любой момент дырочка внутри камня могла превратиться в большой портал.

Гоша вдруг вскочил и чувством пожал мне руку.

— Спасибо, — сказал он, — спасибо. Я понимаю — там мир, в котором ты родился... Но здесь — тот, который мы с тобой делаем лучше, и ты выбрал его. Даже не знаю...

Я улыбнулся.

— Э, величество, да что же ты путаешь такой простой вопрос? Я родился в России! И сейчас в ней живу, и умру, дай Бог, в ней же. Просто она оказалась поделена на две части, в одной из которых мы небезуспешно пытаемся построить что-то приличное. Построим — тогда можно будет и подумать, как быть с той частью, а пока рано, иначе и тут у нас ничего не получится, если будем разбрасываться. Да и потом, мы же собираемся дипломатически общаться вовсе не с народом запортальной России, а с его правительством! Это, как бы такое помягче сказать, ну очень далеко не одно и то же. А насчет народа... Опять начнешь вкаты про нецелевое расходование, если я на свои деньги попробую организовать сюда эмиграцию тех, кто не может нормально существовать там, пусть даже и не имеющих нужной нам специальности?

— А как же, — подтвердил император, — обязательно начну. Правда, не сразу и не очень активно, потому как такое положение дел позволит мне с чистым сердцем утверждать, что никакой государственной программы поддержки межмировой эмиграции у Российской империи нет.

Глава 38

За день до рождества мне пришла бумага из канцелярии жандармского корпуса, который вообще-то подчинялся не мне, а императору. Шапка гласила:

«Во исполнение приказа Его Императорского Величества от 08. 09. 1906 направляем Вам материалы из следственного дела № 224, 1881 г.»

Я напряг память — действительно, Гоша писал какое-то распоряжение, что, если в делах фигурируют изобретения либо открытия, то об этом надо незамедлительно сообщить в секретариат канцлера. Правда, улов пока был крайне невелик, но все-таки, насколько я помнил, несколько шарлатанов с революционным прошлым теперь скрашивали свой тюремный досуг сочинением всякой фантастической техники — и им польза, и нам экономия, не приходится отвлекать на это серьезных инженеров. Но в этой бумаге, конечно, самым интересным были даты. Ладно, дело от восьмьсот мохнатого года, но ведь и распоряжение величества было выполнено спустя более чем четыре года после его издания! Я позвонил в секретариат, велел написать по этому поводу язвительный комментарий за моей подписью и вскрыл конверт. Увидев же текст, офигел — я совершенно точно его читал раньше! Причем очень давно, чуть ли не в начальной школе...

«Находясь в заключении, за несколько дней до своей смерти, я пишу этот проект. Я верю в осуществимость моей идеи, и эта вера поддерживает меня в моем ужасном положении.

Если же моя идея, после тщательного обсуждения учеными специалистами, будет признана исполнимой, то я буду счастлив тем, что окажу громадную услугу родине и человечеству. Я спокойно тогда встречу смерть, зная, что моя идея не погибнет вместе со мной, а будет существовать среди человечества, для которого я готов был пожертвовать своей жизнью. Поэтому я умоляю тех ученых, которые будут рассматривать мой проект, отнестись к нему как можно серьезнее и добросовестнее, и дать мне на него ответ как можно скорее...»

Кибальчич! И точно, я читал этот отрывок именно в детстве, в одной хорошей книге про авиацию — кажется, она называлась «Дайте курс». Там про него рассказывалось, как про предшественника Циолковского. Правда, сам Константин Эдуардович об этом был ни сном, ни духом, однако интересно...

Я углубился в документ, по мере прочтения все более впадая в изумление. Да, вот так и рождаются нездоровые сенсации... Дело было в том, что ни малейших признаков даже эскизного проекта космического корабля там не обнаружилось. Зато там описывался

реактивный воздушный шар! Правда, Кибальчич представлял его себе в виде цилиндра, но просто потому, что не имел вообще никакого понятия о расчетах на прочность. Итак, идея выглядела следующим образом. Берем здоровенный резервуар с дыркой внизу. К нему присобачиваем механизм, который будет потихоньку проталкивать внутрь палочки медленно горящего пороха. Кстати, почему горючее предполагается в виде палочек, а не сматываемого с катушки фитиля? А еще бомбист... Ладно, пусть будут палочки. Они, значит, горят внутри резервуара, повышая там температуру, и, как говорится, резервуар легким движением руки пре... превраща... превращается в монгольфьер внутреннего сгорания. Излишки продуктов горения пороха выходят через нижнюю дырку, создавая дополнительную реактивную тягу. Для создания же горизонтальной составляющей тяги автор почему-то предложил еще один точно такой же цилиндр, но поменьше и уж вовсе непонятно с какого перепугу расположенный сверху, хотя хватило бы и трех сопел с заслонками по периметру первого. Да, жаль, что эта бумага не попала мне лет десять назад, можно было бы ее англичанам сплавить, а сейчас не поверят. Но ведь, насколько я помню, по одному делу с Кибальчичем проходил и еще кто-то, который потом, отсидев, вроде даже стал довольно приличным ученым... Интересно, у нас он уже на воле или пока нет? Я позвонил и, попросив выяснить это, отправился обедать.

Ближе к вечеру мне сообщили, что предмет моего интереса зовется Николай Александрович Морозов и в настоящее время действительно сидит, но не еще, а снова. Предыдущая отсидка для него кончилась с амнистией по поводу воцарения Гоши, и он занялся научной деятельностью, а кроме того — начал потихоньку публиковать написанное за время отсидки, причем в обратном порядке, начиная с самых поздних вещей. Те-то как раз были вполне ничего, то есть срок явно пошел на пользу, но не так давно Морозов добрался и до самых первых своих тюремных стихов. А дальше все пошло естественным порядком — суд признал стихи экстремистскими, воспевающими террор, и наложил штраф в пять тысяч рублей. Требуемой суммы у Морозова и близко не было, а собрать он ничего не смог, помешало слово «террор» в приговоре — ибо финансирование терроризма шло по совсем другой статье, подразумевало иную судебную процедуру и как минимум двузначные сроки, так что желающих рискнуть благодетелей не нашлось. И Морозов снова сел, только теперь уже просто как злостный неплательщик. На днях он разменял второй год своего трехлетнего срока.

Я хмыкнул, взял бумагу и написал распоряжение:

«Оплатить задолженность из моих средств. Если вдруг у кого-то возникнет желание возбудить дело по статье 58–11 (финансирование терроризма), пусть сначала сообщит об этом в мой секретариат. При освобождении вежливо намекнуть Морозову, что никакими условиями моя уплата его задолженности не сопровождается, но среди культурных людей вообще-то принято как минимум зайти и сказать спасибо».

Однако нужно было собираться — через пятнадцать минут начиналось торжественное собрание, посвященное уходу в отставку или в запас комиссаров из первого выпуска моей школы. Вообще-то комиссары заканчивали свой срок и раньше, но это были пока только первые, которые надели черные мундиры сразу, не учась в школе, и их сроки кончались по одному.

Как уже говорилось, государственные комиссары были моими порученцами по особым делам и с особыми, то есть сильно расширенными, полномочиями. В основном их задания сводились к контролю чиновников и наведению порядка там, где обычный российский бардак возникал не сам по себе, а служил наполнению чьего-то кармана. За время своей службы они должны были четко понять — за ошибку, особенно совершенную по недостатку опыта, их скорее всего не накажут, особенно если ошибающийся вовремя спохватится и запросит помощь. Но вот за попытку сокрытия ошибки... Из ста девяти первых выпускников на сегодняшнем собрании должны были присутствовать девяносто три человека. Четверо не дожили до конца срока именно оттого, что пытались скрыть свои ляпы. Пятеро на разных этапах службы честно сказали, что дальше работать комиссарами не могут, это не для них, и

сейчас они служили в Манчжурской группе войск, в чинах от вольноопределяющегося до поручика. Двое были замечены в финансовой нечистоплотности, а первым это заметивший предпочел застрелиться, но не писать рапорт, потому что один из озаботившихся своим карманом был его другом детства. И четверо погибли при исполнении служебных обязанностей.

А теперь перед ними был открыт путь к карьере государственного чиновника. Причем те, кто показал способности к руководящей работе и выразил желание заняться именно ей, уходили в отставку, то есть покидали комиссарский корпус навсегда и вскоре должны были стать различными начальниками от уездного до всеимперского уровня. Те же, у кого лучше получалось оперативная работа или контроль, увольнялись в запас и шли в Комкон или Охранный комитет, то есть к Алафузову. Пятеро были приглашены преподавателями в школу, которую они окончили три года назад, эти тоже увольнялись в запас. Им давалось право ношения мундира, только без погон, и добавления к своему гражданскому рангу слов «государственный комиссар запаса». В случае войны или чрезвычайной ситуации они могли быть снова призваны в комиссары.

Я посмотрелся в зеркало — вроде все нормально, канонический образ канцлера соблюден, и отправился в Белый зал Гатчинского дворца, где за накрытыми столами уже сидели и глотали слюны только что ставшие бывшими комиссары.

— Давно они так? — поинтересовался я у распорядителя.

— Минут двадцать.

— Понятно, — вздохнул я и обратился уже к собравшимся:

— Господа, добрый вечер. Позвольте поздравить вас с окончанием выдающегося этапа ваших биографий и началом следующего, который, смею надеяться, будет не хуже. Ведь ваша служба не прошла даром — теперь вы твердо знаете, что и когда нужно делать, что и когда можно, от чего лучше воздержаться и чего нельзя вытворять ни в коем случае. Вообще-то вам говорили это еще в школе, но слушать — одно, а убедиться на примере собственной же работы — это уже другое. Ну, а я хочу заострить ваше внимание вот на чем. Служа комиссарами, вы по сути дела были моими глазами, руками, ушами... И, пока было именно так, за все ваши действия отвечал я. То есть имела место двухступенчатая ситуация: вы служите канцлеру, который служит России. А теперь вам самим придется заняться этим напрямую, без дополнительного звена в лице меня, вот и все. И я от всего сердца желаю вам успехов на этом поприще. Ну, а чтобы вы почаще вспоминали эти три года, вот коробочка со значками «комиссар первого потока». Цените, ведь у всех остальных потоки будут иметь номер два и далее. Приятного аппетита, не буду более мешать вам — присутствие начальства, оно стесняет, это я по себе знаю. Еще раз всего хорошего, и с наступающим вас Рождеством.

Рождество уже несколько лет подряд было для меня неделей относительно свободного от ежедневной текучки времени, которое я в равной мере делил между семьей и теми проектами, до которых по каким-то причинам не дошли руки. В частности, текущие каникулы я начал с чтения произведений академика Хоменко.

Вы, конечно, вправе удивиться — что, канцлеру империи стало уж вовсе нечем заняться? Разумеется, нет, и чтением я занялся из соображений прикинуть пути усиления и без того давно ведущейся идеологической войны с нашими будущими противниками. Потому как хорошо помнил этапы той же самой войны против Советского Союза и имел возможность сам оценить эффективность различных приемов. Главный вывод я сделал еще там и тогда — для победы совершенно необходимо как можно обстоятельней обосрать историю обрабатываемой страны в глазах ее народа, и это у наших противников получилось. Но вот эффективность выбранных способов даже тогда казалась мне не самой оптимальной, а сейчас, имея опыт наших агентов во Франции и Англии, я и вовсе считал ее тупой и неизобретательной. Действительно, тот, кто хорошо помнит конец восьмидесятых — начало девяностых, не даст соврать: нашу историю обгаживали целиком и сравнительно

равномерно. Да, в принципе это получилось, но сколько было истрачено сил и денег! Да и отмыть кое-что получилось потом довольно быстро. В общем, давайте-ка я поясню свою мысль на аллегорическом примере...

Предположим, у вас есть сосед, а у соседа — шуба. И перед вами стоит задача эту шубу... того. Если вы возьметесь за дело тупо и без фантазии, то, будучи даже гигантом кишечника с трехметровым обхватом талии, все равно за один раз равномерно покрыть всю шубу слоем говна толщиной даже в пять миллиметров у вас не получится. Но если подойти к процессу творчески, то можно догадаться, что обрабатывать нужно не все, а только наименее доступные для чистки места, а в процессе работы еще и вывернуть шубу наизнанку. Но я всегда был сторонником специализации. И, значит, теперь требовалось найти, а не найдется — воспитать специалистов по выворачиванию истории наизнанку — в дополнение к тем, что у меня уже были, но таких сложных действий производить не могли.

Сразу после начала чтения первоисточника я удовлетворенно крикнул — все правильно, отцу-основателю вовсе не обязательно подниматься до заоблачных высот бреда — для этого мгновенно найдутся продолжатели. Не говорил Хоменко про то, что Петр Первый и Иван Грозный — это одно и то же лицо. Как раз наоборот, он считал их вовсе даже разными — в частности, потому, что, по его мнению, Иванов Грозных было ровно четыре штуки, а Петров — ни одного. Имеющегося же в официальной истории якобы Петра на самом деле звали Исааком, и он был самозванцем. И про то, что Батый был всего лишь одним из имен Александра Невского, Хоменко тоже ничего не писал, это за него придумал один известный романист. Ну, а потом менее известный вообще открыл, что по-настоящему этого человека звали Наполеон Бонапарт. А уж кто придумал, что Великую Китайскую стену построили в середине пятидесятых по личному распоряжению Мао, я даже не стал вспоминать, потому как видел данную стену лично и гораздо раньше.

Тут я на минутку отвлекся от чтения, потому как вспомнил, в каком контексте мне показался знакомым севший за долги народоволец Морозов. Вот не как борец за народное счастье, а всего лишь как предшественник читаемого сейчас Хоменко! То есть Морозов вот-вот должен был сочинить нечто подобное, если уже не сочинил. И, значит, правильно моя интуиция сработала...

Разумеется, я не собирался ставить перед ним конкретную задачу со сроками и вознаграждением по выполнению. Но побеседовать-то с принявшим деятельное участие в его судьбе канцлером он сможет? И попутно помочь тому канцлеру разобраться в давно мучающих его вопросах истории вообще и Соединенных Штатов в частности. И не важно, что истории у них с гулькин хрен. Степень запутанности — она от длины не зависит. История Российской Федерации еще короче, но вы, например, можете твердо сказать, с какого моста и как летал ее первый президент? Вряд ли, потому как мне приходилось читать аж целых три только официальных версии, где различалось все, вплоть до направления полета, и это помимо нескольких полуофициальных. И ничего удивительного, если по поводу некоторых событий трехсотлетней давности у меня возникнут сомнения. Мол, неужели пассажиры «Мэйфлауэра» были отъявленными козлами? Нет, не так. Лучше — не может быть, чтобы те, кого народ Америки считает своими родоначальниками и от кого ведут свое происхождения самые влиятельные семейства Нового Света, вдруг через одного были натуральными гадами и уголовниками, на которых и пробы ставить негде! И приплыли они туда не триста лет назад, а, как мне недавно начало казаться, еще при Генрихе Восьмом, потому как рожи у них больно гнусные, ну прямо как у этого короля... В общем, надо будет набросать общие направления, подлежащие выворачиванию, и подумать, как сподвигнуть Морозова именно на этот труд. Причем желательно бескорыстно, потому как я уже давно подметил совершенно четкую закономерность в деле художественного творчества. Если нужен добротный ремесленный труд, исполнителю надо хорошо заплатить. Но если вдруг появляется вариант, что работа может быть сделана талантливо, ни в коем случае нельзя переборщить с оплатой! Гениальное же может возникнуть только как следствие самопроизвольного душевного порыва и исключительно задаром, причем лучше, если в

процессе творения автор будет нищ, голоден и не отвлекаем благополучной семьей. А такая серьезная вещь, как извращение истории великой державы, действительно достойна гениального или как минимум талантливое исполнения.

Так что я, не медля, написал бумагу в секретариат, где отменил свое недавнее распоряжение о беспрепятственном допуске ко мне Морозова, как он объявится, и другую, Танечке, где попросил в темпе изучить особенности характера этого достойного человека.

Глава 39

Сразу после Рождества мы с Гошей договорились, что межмировая встреча на высшем уровне будет устроена в середине февраля, но не позже двадцатого числа, а происходить и она, и дальнейшие аналогичные будут в Вольфшанце, которое все равно потеряло статус обиталища Волкова, ибо он обрел свободу передвижения и купил небольшой особняк в Гатчине. А в его бывшей не то резиденции, не то тюрьме теперь проводились масштабные работы по резкому увеличению уровня роскоши и повышению плотности электронных устройств на квадратный метр. Портал должен был открываться оттуда в коттедж на Торбеево, а само открытие мы с Гошей будем устраивать из моего кабинета — опыты по дистанционному созданию портала прошли успешно. Ну, а потом он поедет на встречу с гостями, а я останусь смотреть и слушать ее из своего обиталища.

Ремонт в Вольфшанце был уже закончен, и теперь туда свозились всякие ковры, картины и не очень большие статуи из Гатчины и Эрмитажа, а отец Антоний готовился к освящению только что устроенного там небольшого внутреннего храма. В общем, Гоша готовился ко встрече умственно, то есть проигрывал различные варианты переговоров, а я — физически, то есть через день мотался в Вольфшанце и смотрел, как делается все запланированное, и не нужно ли еще чего добавить.

Десятого февраля мы решили, что все готово, и для выборки оставшихся полутора часов тамошнего времени открыли микропортал и держали его до момента приезда в поселок высоких гостей. Они явились на двух джипах без всяких мигалок — черном «Гелендвагене» и сером «Лендровере», причем у последнего на крыше было примотано какое-то барахло — ну типа джиперы едут отдыхать на природе. Машины проехали на участок, мы закрыли портал, синхронно сказали «ух!» и договорились, что запускать гостей в Вольфшанце будем утром пятнадцатого.

В полном соответствии с законом подлости еще вечером четырнадцатого повалил снег, который к утру разошелся в настоящую метель, так что на расчистку от снега дороги до Вольфшанце пришлось мобилизовать технику и народ с аэродрома, но все равно проезд по ней на автомобиле представлялся не самым простым делом. Нет, «Ока», конечно, скорее всего проехала бы, и «Чайка» тоже, но Гоша собирался двинуть туда на новом детище РБВЗ, Руссо-балте модели «Цезарь». Основной продукцией завода было нечто вроде «Эмки» и ее длиннобазная шестицилиндровая разновидность, а «Цезаря» делали как когда-то правительственные «Зилы», то есть практически вручную. В общем, это был низкий, длинный и тяжеленный лимузин с внешностью сто первого «ЗИСа», и проходимость по снегу никогда не входила в число его достоинств. Однако из соображений престижа задействовать решили именно его, а для надежности вдоль дороги расположили три роты из расквартированного в Гатчине полка. Чтоб, значит, было кому тащить этот броневик из сугробов... На всякий случай я велел держать в готовности еще и пару аэросаней.

Убедившись, что вроде все готово, мы открыли микропортал, чтобы запустить время в том мире, и уставились на экран, который показывал двор коттеджа.

Сначала из серого джипа вылезло трое лбов, одетых как туристы, но сразу вставших у черного «Гелендвагена». Оттуда показался Никонов, а за ним — российский премьер.

— Настоящий или двойник, как думаешь? — поинтересовался Гоша.

— Я же с ним пива не пил, а только по ящику видел, да и то редко. Но, думаю, настоящий — я бы, например, такую встречу никакому двойнику не доверил бы. Все, они в

гостиной. Открываем?

Мы переключили экраны на Вольфшанце и развернули маленький портал в полноразмерный. Гости прошли в наш мир, портал схлопнулся, и Гоша встал:

— Ну, я поехал.

— Давай, а я пока посмотрю, как там им Танечка скрашивает время ожидания до приезда твоей особы.

Встреча должна была пройти в гостиной второго этажа, и я посмотрел, как Татьяна провела туда наших гостей. Величество из своей машины смотреть не мог, но звук шел и ему тоже.

— Присаживайтесь, — предложила визитерам Татьяна, — Его Величество уже выехал и будет здесь минут через пятнадцать-двадцать.

— Ваше сиятельство, — повернулся к ней Никонов, — можно обратиться к вам с небольшой просьбой? Не знаю, как вы, но мы не хотим у себя распространять информацию об этой встрече сверх минимально необходимого. Безусловно, вы знаете, кто перед вами, но не затруднит ли вас именовать данное лицо Виктором Михайловичем Прониным? И попросить Его Величество об этом.

Тут меня кольнуло что-то вроде зависти. Я здесь, можно сказать, уже одиннадцатый год ошиваюсь вокруг разнообразнейших особ царских кровей, но до сих пор произнести «величество» с большой буквы у меня получается довольно плохо. А этот вон — с первого раза, и фиг придерешься! Так что, выходит, дело тут не в том, что я не из того мира, а в свойствах характера.

— Годится, — сказал я Танечке, естественно, имеющей приемник и наушник — впрочем, как и Гоша, который подтвердил:

— Можно.

— Не забудешь имя-то по дороге? — обеспокоился я, — или скажи, чтобы записали.

— Вот доживу до твоих лет, тогда посмотрим насчет склероза, а пока и так запомню.

Император доехал в общем нормально, уложившись в обещанные двадцать минут, хотя пару раз машину все-таки приходилось вытаскивать из сугроба. И началась историческая встреча. Гоша начал ее с того, что предложил общаться по имени-отчеству, без величеств и превосходительств.

— Из уважения к идеям социального равенства, исповедуемых в вашей стране, — улыбаясь, пояснил он.

Гости согласились. После чего слово взял премьер и объявил, что видит цель данного визита в выработке нескольких основополагающих пунктов, на которых в дальнейшем и будут базироваться взаимоотношения держав. И в качестве первого предложил принять:

«Империя и Федерация не имеют друг к другу территориальных, финансовых и правовых претензий и намерены строить отношения на основе взаимовыгодного сотрудничества».

— Согласен, — кивнул Гоша, но ничего своего предлагать пока не стал. Убедившись, что император не собирается проявлять инициативу, премьер продолжил:

— Второй пункт видится мне примерно так:

«Все перемещения через порталы как людей, так и материальных объектов происходят исключительно при обоюдном согласии Империи и Федерации».

— В принципе согласен, — улыбнулся Гоша, — но этот пункт нуждается в небольшом уточнении — под него попадают только порталы, открываемые на территории договаривающихся держав. Кроме того, в данный момент этот пункт несколько несимметричен, ибо, в отличие от Империи, Федерация его не может нарушить при всем желании. Но я не против, просто предлагаю компенсировать имеющуюся неравнозначность взаимных обязательств таким дополнением:

«Стационарные места открытия порталов становятся территорией открывающей стороны, на которой действуют ее законы, со статусом, аналогичным статусу посольств».

— А теперь ситуация перекосилась в другую сторону, — усмехнулся премьер, — потому что Федерация предоставляет часть своей территории, не получая взамен ничего.

— Хорошо, — согласился император, — я готов выделить Федерации территории Империи на аналогичных условиях и примерно равные по площади.

— Тогда предлагаю зафиксировать обговоренные пункты и использовать их как основу для дальнейшего развития наших отношений, — предложил премьер.

Гоша был не против, и они с премьером, оставив Никонова с Татьяной оформить договоренное в виде документа, прошли в соседнюю комнату, где был накрыт легкий завтрак, посмотрев на который, я тоже велел принести чего-нибудь пожрать. Так что последующие полчаса беседу высоких сторон я слушал вполуха. Впрочем, ничего особо интересного там не было, Гоша рассказывал премьеру о здешней России. Но за чаем перешел к делу:

— Думаю, не вызывает сомнений, что может предложить Империя Федерации — это время. А получить она хочет новые технологии, причем не в виде готовой продукции, а как развитие своего производства и обучение своих же кадров.

— Да, именно время... Но можно уточнить, в каких количествах? То есть насколько оно у вас идет быстрее?

— Ну, примерно один к пятидесяти... Допустимо и больше, но нам это может оказаться не очень удобно.

— То есть мы будем вправе, например, организовать на вашей территории какой-нибудь НИИ или завод, а через год получить результаты их пятидесятилетней деятельности?

— Именно так. Ну, и лично вы в случае какого-нибудь цейтнота можете снова посетить нас и спокойно, не торопясь, обдумать возникшую проблему. Даже с советниками, если их будет не слишком много. И в связи с вышеизложенным я предлагаю обговорить еще один пункт, который на первый взгляд может показаться дискриминационным по отношению к вам. Его суть в том, что вы не препятствуете нам в вербовке у вас специалистов для последующей работы здесь — ну, разумеется, с заранее оговоренными ограничениями, связанными с лицами, эмиграция которых нанесет заметный ущерб Федерации. А вам такое право я готов предоставить только в экстерриториальных зонах.

— И почему же вы считаете дискриминационный характер этого пункта кажущимся?

— Потому что это плата за время. Выражать его стоимость в чем-то материальном не умеют ни у вас, ни у нас, и я предлагаю вам вот такое условие использования разницы скорости его течения в наших мирах.

Разумеется, этот пункт был внесен из соображений не то чтобы дезинформации партнера, но, скажем так, некоторого смещения акцентов. В принципе — ну чего такого страшного, если от нас туда сбежит сотня-другая не очень ценных индивидов? Потому что действительно ценные не побегут, той стороне просто нечего им предложить. Но надо же было показать, что мы опасаемся каких-то утечек! Вот Гоша и показывал.

— Кроме того, — продолжил император, — это соответствует и самому характеру нашего сотрудничества. Ведь вашим людям совершенно не нужно выходить за пределы зоны, где производится их работа, в то время как для наших сидение на месте есть просто трата дорогого времени.

— Хорошо, я подумаю, — кивнул премьер, — а каких объемов может достигать товарооборот между мирами?

— Штатно — полторы-две тысячи тонн в ваши сутки, а в режиме аврала — до десяти тысяч. Это при условии наличия специального сверхскоростного транспортера, документы с требованиями к нему я вам дам прямо сегодня.

После завтрака были подписаны подготовленные Никоновым и Танечкой документы, потом состоялся молебен о здравии наших гостей, который они отстояли вполне профессионально — видно было, что в своем мире они занимались этим сами, не доверяя такое дело двойникам, как некоторые канцлеры. Потом стороны обсудили, с чего и когда по тамошнему и здешнему времени начать сотрудничество, после чего гости отбыли в свой мир,

причем перед уходом Никонов улучил момент и предложил Танечке лично от него принять в подарок «Гелендваген».

— Увы, — вздохнула дама, — это невозможно по двум причинам. Первая — мне не идет черный цвет. А вторая состоит в том, что все наши чиновники ездят исключительно на отечественных машинах, и отступление от этого правила будет рассматриваться как оскорбление державы. Кстати, не вздумайте предложить подобное Его Величеству — обидится.

Почти сразу после встречи на высшем уровне в Российской империи начало увеличиваться поголовье высочеств. Сначала родилось несколько сомнительное в смысле титула, то есть Борина дочка Юля. Потом — несомненное, а кто усомнится, может в любое удобное ему время явиться в Гатчинский дворец и сообщить об этом — обещаю, что его внимательнейшим образом выслушают. Думаю, понятно, что речь идет об Андрее Георгиевиче Найденове. А двадцатого марта у наследника престола Вовочки образовался братик Костя, в силу чего право ставить императорскую подпись, кроме меня, на неделю появилось и у Столыпина. Впрочем, он воспользовался им всего лишь для награждения каких-то особо отличившихся лиц из своей команды.

В конце апреля на воду был спущен «Нельсон», то есть практически «Ямато» английской постройки, только с машинами чуть послабее и главным калибром не в восемнадцать, а в шестнадцать дюймов. Если он будет достраиваться такими же темпами, как «Дредноут», то войдет в строй в июле! Да и второй английский суперлинкор, «Айрон Дюк», тоже был близок к спу — Речь пиши, — мрачно посоветовал я Гоше.

— Думаешь, уже можно не обращать внимание на неизбежное осложнение международной обстановки после ее произнесения?

— Куда ее дальше-то осложнять, до третьего монстра из этой серии, что ли? В общем, сейчас дата начала войны от речей уже не зависит. Да и раньше она зависела не очень, это только в средние века король мог собрать свою армию, все три десятка рыцарей, и пойти воевать соседа, который без должной обходительности чихнул в его сторону. Так что сочиняй призыв к нации, как раз на свой день рождения и озвучишь. А я пока письма Вилли и Ито отправлю, пора уже.

Эпилог

Из речи ЕИВ Георгия I от 27 апреля 1911 года

... Господа, я искренне благодарен вам за все добрые слова, сказанные как в мой адрес, так и в адрес наследника-цесаревича. И в ответ хотел бы пожелать вам, как и вы мне, долгих лет жизни, богатырского здоровья и прочего... Да, именно хотел бы, но обстановка диктует другое. Я... Я желаю всем нам выжить в самой страшной войне мировой истории, которая неотвратимо надвигается на нас с вами.

(Шум в зале)

— Да, это так. Наше уверенное развитие не дает покоя тем, кто привык получать прибыль от любого действия любого человека в любой точке земного шара. Китайский крестьянин собирает рис — и с каждого килограмма они получают свой цент. Русский крестьянин растит хлеб, но получает копейки, а обогащаются совсем другие люди в совсем других странах. Так было, но мы решили вырваться из этой системы, и, не хвастаясь, могу сказать, что нам это практически удалось. Мало того, нашим примером вдохновились и другие страны... Но когда это финансовые кровопийцы просто так отпускали свои жертвы? Так и сейчас. Нас решено уничтожить. Не просто склонить к чему-либо военными методами, а именно уничтожить! Чтобы с карт исчезла страна Россия, а русский народ остался только в воспоминаниях и книгах, как сейчас североамериканские индейцы. Нас хотят стереть с лица земли и не пожалеют сил для этого. Как можно избежать уготованной нам участи? Выход один — сразу

принять подступающую к нашему порогу войну как тотальную. Это слово значит, что в войне будут участвовать все, способные хоть к какой-то деятельности. Все дееспособное население России должно или воевать на фронтах, или ковать победу в тылу! Только так мы сможем выжить сами, а главное, обеспечить достойное будущее наших детей. Поэтому все присутствующие в этом зале, слушающие мою речь по радио, а позже — прочитавшие ее в газетах, должны понять: идут последние месяцы, если не недели, мирной жизни, и они должны использоваться для всемерной подготовки к будущей войне. Программа подготовки будет опубликована завтра. Она составлена под руководством государственного канцлера светлейшего князя-кесаря Найденова, и на него же возложена ответственность по претворению ее в жизнь, для чего властные полномочия канцлера расширены моим специальным указом.

(Шум в зале)

— Господа, поберегите вашу энергию для помощи России в грядущей войне, и позвольте мне закончить. Я надеюсь, что будет и встреча, аналогичная сегодняшней, но посвященная нашей победе. Хотелось бы, чтобы на ней присутствовали и слушали ее по радио все, кто делает это сейчас. Но увы — такое невозможно. Кто-то будет убит в жесточайших сражениях. Кто-то потеряет здоровье. Будут и другие причины, о которых вы узнаете из программы государственного канцлера, но мне все же хочется верить, что до такой встречи доживет большинство.

Я верю в русский народ. Я знаю, что его дело правое. И это значит, что любой вставший на его пути враг в конце концов будет разбит. Победа будет за нами!